

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 31

ТАМБОВ • 2026

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 31

Литературно-художественное издание
Тамбовского регионального отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России.*

Редакционная коллегия

- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России, главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России, главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед, кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *секретарь Правления Союза писателей России, председатель исполкома Международной литературной премии имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России, Почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.*
- Черняк С.В. (Тамбов), *председатель правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.*

ISBN 978-5-6056605-2-1

ISBN 978-5-6056605-2-1

9 785605 660521 >

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское региональное отделение

Чернозём

Вывозили чернозём с полей
Немцы. Эшелонами. В Германию.
Что на свете быть могло подле
Людоедской – их величья – мании?

Угоняли, радуясь, в полон
На работу каторжную, вечную
Молодёжь. И стон, вселенский стон
Накрывал Отчизну бесконечную.

Мир, как будто в средние века,
Погрузился в пламя инквизиции.
Он щелчком взведённого курка
Стал, на много лет забыв традиции.

Мы побили их, но что с того?
Многое из памятного предано.
И бойцы – не все до одного –
Дорогой земле навеки преданы.

Пусть же нам, сегодняшним, вернут
Русскую, украденную, чёрную
Землю. Пусть оракулы не лгут –
Мантру не озвучивают вздорную.

Вот тогда, быть может, мы вздохнём,
Запоздало празднуя возмездие...
Забирали ведь не чернозём –
Малых родин русские созвездия.

Василий КРАСНОВ,
член Союза писателей России

Александр МАКАРОВ

И вот я стою на ветру...

Стихи

Весна

Весна. Берёзе повезло:
На голой ветке грач гнездится.
В движение всё вокруг пришло.
Кирпич и тот летит, как птица.

Клинами взрыли небосвод
Летающие на север гуси.
Заволочили огород
Супруги – Коля и Маруся.

Судьба у каждого своя.
Беру я тоже в руки грабли.
Надеюсь лишь на руки я.
А руки высохли, ослабли.

Гребу, копаю, ворошу
На бесконечной чёрной грядке.
А хватит сил, то напишу
Об этом что-нибудь в тетрадке.

Всем время отмеряет срок,
Пока меня ещё минуя.
Бросаю правду между строк
Борозд, картошку семенную.

Сажая на коленях лук.
Землёй картошку засыпаю.
Не чуя ног, не чуя рук,
Не чуя жизни – засыпаю.

Не чуя смерти, до утра
Лежу. Потёртый рваный лапоть.
А утром воду из ведра
С беспечным смехом буду лапать.

Снегирь

Ты зачем, красногрудый, сюда прилетел.
Никого здесь не встретишь, земля как рогожа.
Здесь от грома орудий расколот предел.
И на родину местность совсем не похожа.

Далеко за лесами родное гнездо.
Понимаю, как манят родные пределы.
Здесь нескоро, никто, под упавшей звездой,
Не появится, чтобы судьбу переделать.

Улетай, красногрудый, отсюда скорей,
В свою райскую грусть, где заря всходит рано.
Там в кругу добрых лиственниц и снегирей
Заживает любая душевная рана.

* * *

Буквы, друг за другом в ряд,
В ученической тетради.
Буду радоваться глядя
Я на них, как друг и брат.

Пусть они лежат в столе
И не знают, кто их автор.
Ну а я сегодня, завтра
Буду возле. Не во зле...

Путь воспоминанья

Тишина такая – слышен шорох звёзд.
Путь воспоминанья лебедой зарос.

На пути поставил свою сеть паук.
На родные лица, на знакомый звук.

На молчанье взгляда, на любимый лик
И на песню солнца, что поёт родник.

Не покрылась фальшью ты, моя стезя.
Я иду всё дальше, как по льду скользя.

Тишина такая – слышен шорох звёзд.
Путь воспоминанья: колыбель – погост.

Меж словами чёрточка. В чёрточке –
мой путь.
Будешь идти мимо, задержишься чуть-чуть...

* * *

Барабанная дробь одинокого дятла
На сучке одряхлевшего тополя вряд ли
О себе намекала одной из осин.
Но меня убедила, что я не один.

Дробь отбив, птица долго прислушивалась
К своему улетевшему эху. Послушному
Только ветру и солнцу.
Но всё же не к ним
Обращался крылатый лесной херувим.

Ветер

Ну, что же, пора постоять на ветру, –
Сказал Соколов, опираясь на трость.
И двинулся ветер. И был он, как есть,
Не южный, не северный. Ветер из слов.
Здесь было немало обидных и злых,
Они обещали стереть в порошок.
Твердили о том, чтобы к ним я не лез,
А молча хлебал свои постные дни.

И был этот ветер обычный на вид.
Он сладко шептал, и он мягко стелил.
От фальши рождалась и зрела печаль.
И сковывал сердце сомнительный страх.
И были в том ветре другие слова
О ветре, который народы ломал.
Замешивал в злобе сермяжную быль.
И ярость всходила, как тесто в деже.

Из ярости время хлебов напекло,
И хлебом кормило голодных и злых.
И брат шёл на брата, шёл сын на отца.
И брата звал брат, и соседа – «враги».
Опять над землёй поднимается пыль.
И движется ветер. Обычный на вид.
Не южный, не северный – ветер из слов.
Ну, что же! И вот я стою на ветру...

* * *

Вспомнилась песня давняя, ранняя.
В песне – разлука, и в песне встреча.
Словно болезни –
 воспоминанья.
С ними живут и их не лечат.

Вспомнилась Волга.
Волны как искры.
В воду нырнёшь и юношей станешь.
Жизнь была долгой.
 А прошла быстро.
Мрачное – гонишь. Светлое – манишь.

Размышления у колодца

Не пытаюсь у колодца
Заглянуть в его нутро.
Кто-то там внизу смеётся,
Когда вверх тяну ведро.

Кто-то в шутку и с весельем
Манит, ластится, влечёт.
Когда вверх ручьём весенним
Цепь по валику течёт.

Из глубин земного сердца
Поднимается вода.
Чтоб в мои глаза взглядеться
И остаться навсегда.

Слушать пение колосьев.
Видеть, как растёт ветла.
Поднимаю из колодца
Свет студёного тепла.

Свет в поля летит, как птица.
Как живой дрожит в ведре.
Очень хочет воплотиться
В размышленье о добре.

* * *

Я потерял часы у синей полосы
Реки, бегущей по равнине.
Где дальние миры и капельки росы
Паук содержит в паутине.

Нигде, ни там, ни тут, я не нашёл минут,
Не встретил близкого мгновенья.
Но утешала грусть: они меня найдут,
Как бабочка своё растение.

Склоняясь по холмам, я повода не дам
В своей печали усомниться.
Я потерял часы, но потерял их там,
Где жизнь безвременная длится.

* * *

Моя родина – кочки.
Между ними живёт моё счастье.
С гребнем знамени кочет
Рвёт предутренный воздух на части.

Окна, стены и крыши
Стали кочками, частью ландшафта.
Здесь теперь живут мыши.
Муравьи строят новые шахты.

Сам я тоже стал частью
Дней и рек от истока до устья.
Возвратился за счастьем.
А оно здесь давно стало грустью.

Мой двоюродный брат

В брюках, в которых он рыбу ловил,
В тине, по пояс в воде,
В брюках он в гости ко всем приходил.
В брюках ходил он везде.

В брюках на землю садился мой брат,
В брюках садился за стол.
И за здоровье моё был он рад
Выпить винца граммов сто.

Мне бы хотелось сказать, что он есть,
Но говорю, что он был.
И подтверждением этому – крест.
Здесь, в веренице могил...

* * *

Я на тебя боюсь смотреть.
Боюсь тебя обидеть взглядом.
Моя судьба в себе сгореть,
Оставшись горсткой пепла рядом.

Ты ветер! Бурю ты пожнёшь,
Шепнув «люблю» в просторе гулком.
И горстку пепла разнесёшь
По всем путям и переулкам.

Глаза открою, вижу смерть
В огне сухого листопада.
Я на тебя хочу смотреть.
Ты здесь. Всегда со мною рядом.
Гори, душа моя, гори,
Как будто ворох жёлтых листьев.
И ни о чём не говори.
Не слышно слов в осеннем свисте.

Морщины

Марии Фоминичне Ёрховой, моей бабушке

Морщины на лице начерчены штрихами,
Так схожи с трещинками на лице земли.
Морщинки с бабушкой вставляли с петухами,
Какие-то дела куда-то их вели.

Морщины шли во двор и приносили что-то,
Чему нет имени, и слова нет назвать,
А был счастливый взгляд и тёплый-тёплый шёпот,
Который мог обнять и мог поцеловать.

Морщины двигались, играли, превращались
В тропинки, змейками ныряющие в рвы,
Я бегал по траве, искал анис и щавель,
А ты наказывала: «Белену не рви».

А мне зачем слова? Читать я не умею,
Умею видеть, тыкать пальцами в тетрадь.
В морщинах жернова всю жизнь два слова мелют,
А ты подсказывала: «Жить» и «Умирать».

С утра до вечера гулял я по морщинам,
Золу не ворошил и боль не бережил,
Синь из осинника струилась по лощинам,
Слова «Жить», «Умирать» мелькали впереди.

В словах река текла, в реке лягушка квакала,
Слова чирикали, а я им был сродни.
В словах менялась жизнь, а иногда и плакала,
Штрихами не спеша зачерчивала дни.

Тысяча мгновений

Сельский сонет

Тысяча мгновений, и в одном из них
Мы с тобой, и сын, и внук, и внучка.
Столько же ещё я зачерпнул из книг –
Полный ковш – сломалась даже ручка.

Тут и ангелы, и демоны, и миф
О Сизифе в змейке лунных лучиков,
А из света в тьму – исконный сельский миг,
Русский колокольчик однозвучный.
Катится, звенит судьбе наперерез,
Гонится за счастьем миг азарта.
Через миг в одно мгновенье он исчез,
Постараюсь встретить его завтра.

Он появится, он рядом где-то здесь,
Может даже пьёт чаёк и завтракает.

Зерно

Пиши, пиши – всё вытерпит бумага.
Но у зерна слова в земле не те.
Зерно, себя насытив терпкой влагой,
Раскидывает корни в темноте.
Неторопливо и без проволоочки,
Непостижимо ясно сознаёт:
Защитные от смерти оболочки
Оно для человека создаёт.

Растёт зерно. Тяжёлая работа
Расти, – дожди секут, а грозы жгут.
Бураны суховейные с разлёта
Толкают в бездну, скручивают в жгут.
По тверди – тучи – глыбы, вал за валом,
По хляби – искры с дымом пополам.
Но видно счастье зёрна целовало,
Взгляните, – живы, ходят по полям.

Корнями – в глубь, а стебли – в небо. В звёздах,
Блуждая в мыслях, вижу я зерно.
Зачем шуметь, колебля криком воздух?
Взгляните на зерно. Молчит оно.
Лежит в земле, готовясь к правде смерти,
Чтоб в смерти к жизни новой прорасти.
Судьбой зерна вы жизнь свою измерьте,
Грядущий день попробуйте спасти.

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Течёт Хазара...

Повесть

* * *

Зима медленно приближалась, напоминая о себе холодным дыханием и терпеливо ожидая свой календарный срок. Промозглый ветер порывами гнал по Уралу последнюю листву, брызгал холодными дождями, в свете вечерних фонарей их косые струи заливали крыши домов, щербатый асфальт и тех немногих людей, спешащих к домашнему очагу. Добротный одноэтажный дом-особняк на окраине города ничем не выделялся среди других соседних, построенных лет сорок назад в эпоху благополучного *застоя*. Два зашторенных окна светились жёлтыми пятнами, влекли к себе, убеждая случайного прохожего, что в их жёлтой глубине растекается уютное тепло, а обитатели дома привычно перечитывают исторические романы, хроники, изредка прерываясь на вечерний чай и программы новостей.

Поздний и, по-видимому, неожиданный гость, укрытый от дождя армейской плащ-накидкой, требовательно нажал на кнопку дверного звонка, потом ещё раз, и ещё, пока, наконец, не отозвалась глухим скрипом входная дверь.

– Разрешите войти, товарищ генерал?

Пожилой человек в сером кардигане поверх форменной сорочки, открывший дверь, заметно приободрился, услышав обращение, подзабытое за давностью лет.

– Вижу, что военный. Кто будешь такой?

– Полковник Глебов. В восемьдесят четвёртом в Панджшере был лейтенантом.

Генерал в отставке Манторов, уже не такой крепкий, как раньше, и всё-таки бодрый старик с жёсткими, сухими чертами лица чуть замешкался, но тут же взял себя в руки.

– Глебов, значит. Ну, заходи, раз такое дело. Что в пороге стоять, да ещё под дождём? – Он отступил на шаг вглубь прихожей, внимательно разглядывая, словно оценивая, бывшего подчинённого, – вот ты каков теперь стал... Помню я тебя, Глебов, допрашивали тебя при мне по тому уголовному делу, да и так, по-свойски, мы с тобой беседовали. Как тебя по имени да по отчеству?

– Андрей Петрович.

– Почти не изменился ты, Андрей Петрович, только что постарел немного. Так ведь годы, они здоровья и молодости не прибавляют.

Поздний гость снял в прихожей мокрую плащ-накидку, камуфлированную куртку, неторопливо вошёл в гостиную, осмотрелся. Старомодное убранство комнаты было небогатым, но по-военному строгим, педантичным: и настенные часы, идущие минута в минуту, и стулья вдоль стены, стоящие ровно в ряд, и покрывало на диване без складок... Командирский взгляд Глебова скользнул мимоходом по обстановке и остановился на книжных шкафах, плотно набитых потрепанными томами с закладками, журналами разных лет, альбомами, газетами. Вот и полки с книгами об Афганистане, много... Интересуется старик тематикой, ещё бы не интересоваться...

– Зачем приехал? – Пытливый, сосредоточенный взгляд хозяина уж точно не был дружелюбным, он выдавал внутреннее напряжение, как будто готовность к бою, но вместе с тем и любопытство. – Захотел вернуться в прошлое, да? Что ж тебе там надо спустя столько-то лет? Всё, что могли, прокуроры и журналюги уже изучили, вывернули наизнанку. Оболгали, обгадили. Или что-то узнать хочешь? Неужели правду? Хм, так никто её не знает.

– Понять хочу...

★ ★ ★

Утром, едва затеплился туманный рассвет, Глебов открыл глаза и понял, что совершенно не хочет спать, в душе было неуютно, беспокойно, и это мешало слушать дремотную тишину. Так случалось и прежде, когда после четырёх-пяти часов полусна возвращалось тревожное предчувствие войны. Но сегодня было особенно тяжело, как будто зрачок снайперской винтовки уже заглянул в самое сердце, как будто впереди, упрятанный в расщелинах, взведённый, ждал капкан, ждал именно его, Глебова. В груди защемило, похоже, не отвертеться, что-то будет, осталось узнать, что. Разгоняя невнятную смуту и последние обрывки сна, он сделал несколько гимнастических движений, попробовал отжаться от влажной каменистой земли. Невдалеке негромко перекатывалась по отмели безобидная речушка Хазара, от неё тянуло холодом. Здесь, перед впадением в Панджшер, она расширялась, но выше по течению, куда направлялся батальон, в узких местах её глубина местами достигала и роста человека, напор возрастал, она становилась бурным потоком – могла и погубить, и спасти. Умывшись ледяной водой и окончательно придя в себя, лейтенант поднял свой взвод.

– Всем завтракать и готовиться к выходу. Времени – тридцать минут.

Подошёл второй взводный Карпенко, молча сел на ближайший валун.

– Ты как? – Глебов вопросительно посмотрел на товарища.

- Что-то не по себе.
 - А наш третий брат Лёха Сабитов?
 - Мрачный как туча. Его жене рожать со дня на день, отцом будет. Но что-то не радостно ему. – Мрачен был и Карпенко, вот только не видел он себя со стороны.
 - И я сам не свой. Задача нам сегодня досталась, чёрт бы её побрал, – он непроизвольно выругался.
 - Пока найдём эти схроны с оружием, придётся здорово попотеть.
 - Попотеть – ещё ладно. Как бы кровью харкать не пришлось. Вот он коренной хребет – облака цепляет. – Глебов поднял глаза вверх, к небу, провёл взглядом по линии. – Дальше, вглубь по ущелью – скалы, трещины, пещеры. Думаю, – и сюрприз для любопытных, то есть для нас. Если там оружие, будет и охрана. Снайпера встретят нас на подходе. Здесь им раздолье, сплошные укрытия, артиллерия и то не везде достанет.
 - Точно, здесь позиции для засады – любые на выбор.
 - Весь Афган и есть одна большая засада. – Глебов сделал попытку улыбнуться, похлопал друга по плечу. – А когда было легче?
 - Ты прав, – Карпенко усмехнулся.
 - Я всегда прав. Держи дистанцию и вееди наблюдение, говорят, помогает, – на душе было пакостно, и улыбка не удалась. – Чаю выпьешь?
 - Нет, что-то не хочется. Пойду я.
- Третья рота капитана Баженова, в которой служил Глебов, обеспечивала прикрытие батальона и продвигалась метров на двести выше по гребням и отрогам правого хребта. Она безнадежно отставала от батальона, который с оглядкой на прикрытие осторожно поднимался по дну глубокого ущелья. Роте приходилось идти без тропы, по каменисто-песчаным осыпям, проваливаясь в них по щиколотку, продираться сквозь низкорослый цепкий кустарник, повторять все складки местности, неся на себе обычный двухпудовый груз снаряжения. Эффективность её работы была ничтожно мала, прикрыть батальон своим огнём в случае нужды она бы не сумела. Такие мысли под хруст щебня и надрывный хрип лёгких одолевали и Баженова, и его офицеров. Формально весь ход их размышлений был логичен, но ровно до того места, где требовалось ответить на вопрос: а совсем без прикрытия, без охранения, как? Здесь в мыслях образовывался ступор, поскольку представить, что может быть потом, никто не решался, да и не мог, а само решение, правильное оно или нет, принимал старший командир, и от них оно никак не зависело. На востоке над горами уже показалось молодое апрельское солнце, а следом и третья рота поднялась на удобную каменистую тропу и пошла по ней, почувствовав облегчение. Баженов несколько раз выходил на связь с комбатом Карауловым, докладывал обстановку, и комбат принял решение двигаться по тропе, то есть уходить с хребта, поскольку тропа была горизонтальной и где-то там впереди соединялась с нарастающей долиной Хазары. Баженов пробовал втиснуть в эфирное пространство свой встревоженный вопрос: «А как же?..», на что получил краткий и жёсткий ответ: «Выполняй приказ!» Своего странного и даже опасного решения комбат никому не объяснил...

* * *

– Понять хочешь... Я вот тоже хочу. Кто виноват в гибели десятков людей, что делать с этим? Знакомые русские вопросы, а как тебе поговорка: *крепок задним умом*? Всё про нас, грешных, про нас, но в жизни бывает неумолимое стечение обстоятельств или, хуже того, неумение, нежелание предвидеть своё завтра. Иногда это *завтра* наступает через несколько минут. Ещё не поздно понять, но никто не слышит набатных колоколов... По ком звонит колокол?

– Видел у вас на полке эту книгу. Читаете? Хемингуэй, наш человек, интернационалист. Только он писатель, а вы были командиром дивизии, делали войну, и этот пафос – он немного неуместный.

– Отчего же? Колокол-то звонит. По ком? Кого предостерегает? Чудовищно, но никто не думает о себе. Это в детстве были колокольчики звонкие такие, чистые, потом... Потом приходят и другие времена. Остерегись же, одумайся! – Последние слова Манторов произнёс глубоким низким голосом с налётом театральности, как будто он давно и тщательно готовил эту речь. – Это касается и комбата Караулова, и комполка Соломина, это касается и меня, – здесь он чуть запнулся, – слово генерала не обсуждается, таков армейский принцип. И то, что я как генерал считаю общим местом, а я имею на это право (!), кто-то понимает буквально, до запятой. Может быть, в этом противоречии и есть удар колокола и для меня, и для всех нас. Потом сколько угодно можно искать крайних и виноватых, но если ты сам не слышишь предупреждения, сам и готовься к ответу... Ты вот кто по своей нынешней должности?

– Командир бригады.

– Какой?

– Полного штата.

– Кавказ, значит. Значит, ты меня поймёшь. – Манторов открыл небольшой бар, устроенный в секретере, достал початую бутылку матового стекла, нарезанный, чуть подветренный сыр. – Давай по коньяку. Мне – глоток, а ты себе наливай, не стесняйся. После того трагического дня многие искали ответ, искали, как священную чашу Грааля, что же на самом деле произошло на Хазаре? И пришли в итоге к удобной фразе, которая всё объясняла и всех устраивала, особенно кабульское руководство – к *незаятым господствующим высотам*. Подумать только! Тактики нашлись... Чтобы этими высотами овладеть, были бы нужны и дополнительное время, и другие силы, но именно это и не предполагалось, поскольку рейд был внеплановым, практически заказным. Если помнишь, нашлись информаторы из местных, которые сообщили о крупном складе оружия, боеприпасов. Просто на тарелочке преподнесли. А вот теперь скажи мне как офицер, как ты воспримешь мои слова, слова командира дивизии, *сойти с гребня*? Не спеши с ответом.

– Тот, кто получил такую команду в боевой обстановке, не может не спешить с ответом. Я бы её выполнил, но...

– Но?

– Да ну что вы? Никто не отменял охранение на марше, даже командир дивизии. Сойти, как вы говорите, *с гребня*, не означает отказаться от охранения

– только приблизить его с учётом складок местности и для лучшего взаимодействия с основными силами. А если потребуется – то и для организации боя.

Манторов быстро отвернулся, оказавшись к собеседнику спиной, и тут же приподнял седую голову, выпрямился, но Глебов успел заметить, как повлажнели у старика глаза.

– Ты верные слова сейчас сказал, Глебов. Ты, конечно, комбриг с академическим образованием, у тебя афганский и чеченский опыт за спиной...

– Нет, Виктор Иванович, опыт пришёл позже, а этот постулат я с первых дней службы усвоил. Это же боевой устав. Так вы всё-таки давали такую команду?

– Понимаешь, вопрос о сроках операции стоял жёстко...

* * *

Через час третья рота влилась в колонну батальона, и только тут её солдаты и офицеры почувствовали странный холодок, который иногда пробегал по их спинам. Идти по песчано-каменистым склонам, проваливаясь в песок, в мелкий щебень, как они шли прежде, было тяжело, но за усталостью никто не ощущал опасности, а теперь они раз за разом оглядывались именно на правые отроги, бугристые, поросшие кустарником холмы, которые стали так удобны для вражеской засады. Раньше они этого не замечали.

– Взвод, увеличить интервалы, – Глебов чувствовал опасность, и в какой-то момент она стала для него реальной.

Одиноким орёл парил высоко в небе, искал добычу, кто-то из бойцов начал целиться в крылатого охотника из автомата. Глупец, на такой высоте пуля его не достанет, даже не напугает, а вот лишнее оживление роте совсем ни к чему.

– А ну, отставить... Всем вести наблюдение, не отвлекаться.

Последними в колонне батальона шли союзники, усиленный взвод солдат афганской армии, сарбозов. Молодые парни и зрелые мужики, они как будто с недоумением носили военную форму, отрабатывая свой срок по призыву, и вызывали невесёлую улыбку. Крестьяне – они и есть крестьяне, на их афганский манер – дехкане, что не меняло сути. Они были люди, далёкие от войны, напуганные репрессиями и джихадом, многие из них не понимали, что происходит в затянувшейся гражданской войне. Их простодушная мечта могла показаться совсем наивной: быстрее бы домой, к своим наделам, весна уже в самом разгаре, надо кормить свои большие семьи. Сегодня от них исходила неподдельная тревога, даже страх, сарбозы явно нервничали, оглядываясь по сторонам, жестикулируя, в чём-то убеждая друг друга. За прошедшую ночь их стало меньше.

– Что у них случилось? – спросил своего солдата-таджика Глебов.

– Говорят, впереди много духов.

– Ну, *дошман бисиор* я и без тебя переведу. Что они так нервничают?

– Впереди засада. Они говорят своему командиру, что не хотят идти, а он им угрожает, говорит: сам их убьёт, если они не пойдут.

– Понял тебя, надо доложить ротному.

Ротный Баженов, жилистый, резкий, самоуверенный, чем-то похожий на цыгана, отреагировал на доклад раздражённо.

– Чёрт, что за утро? Туман, сырость, комбат с оригинальными решениями. Карпенко *спит в борозде*. Ты тут со своими духами.

– Сарбозы действительно нервничают.

– Откуда им знать про засаду? Они любую причину ищут, лишь бы никуда с нами не идти, вояки *хреновы*.

– Может, и так, но насчёт духов всё серьёзно. Час назад впереди, в ущелье, были выстрелы.

– Знаю, – Баженов поморщился, – у нас здесь полторы сотни штыков, а с сарбозами и того больше, ты что думаешь, кто-то осмелится на нас напасть?

– Всё зависит от того, сколько здесь духов, ну и сколько у них наглости. Нельзя терять бдительность – вот и всё, о чём я думаю.

Для лейтенанта дилемма, думать или нет, не существовала. Конечно, в боевом уставе написано практически всё, но важным было не только не отступать от его требований, но и правильно их применять, а для этого надо думать. Вопрос ротного его зацепил: в самом деле, кто осмелится? Даже при худшем *раскладе* через пять минут боя снаряды артдивизиона вспашут все окрестности, следом для нанесения точечных ударов одна за другой придут пары боевых вертолётчиков – всё по учебнику. Как иначе? Нужно быть идиотом, чтобы так подставляться. Мысли были ровными и даже гладкими, аккуратно выстраивались в логическую цепочку, но Глебов, ещё совсем молодой, новый человек в этой вздыбленной восточной стране, упускал важные детали. Он не знал и не мог знать, какой жестокой, какой непредсказуемой бывает война, не знал и афганцев – людей другого, мусульманского мира, для которых умереть в борьбе против неверных было пропуском в райские кущи, во всяком случае, так они думали. Да и травку они покуривали не просто так: после неё страха становилось меньше.

Перевалило за десять часов. Батальон остановился на короткий привал у Малимы, небольшого кишлака, зажатого в скалах, пока вторая рота заканчивала его осмотр и зачистку. Вокруг расстилалась широкая зелёная поляна, набитая плотной травой, из которой шляпками боровиков выглядывали замшелые валуны и острые углы прибрежных камней. И так приятно было лежать на этой весенней поляне, откинув голову на вещевой мешок, глядя в высокое синее небо, где свободно парил всё тот же одинокий орёл... Что-то там есть в этом небе, отчего-то так хочется смотреть и смотреть, наслаждаясь его прозрачной глубиной, волокнами перистых облаков, дышать его свежестью. Смотреть и дышать, как в последний раз...

– Батальон, начать движение! Сапёры, вторая рота – прямо по тропе... Разведка, третья рота, перейти через мост, по правому берегу – вперёд... Гранатомётный взвод следом... Миномётная батарея...

Масса людей с оружием пришла в движение, набирая интервалы, выходя на свои направления: третья рота уже пересекла мост. И здесь произошло что-то невероятное, никем непредвиденное, то, что не умещалось в командирских головах... Моджахеды всё-таки осмелились...

* * *

– Сроки выполнения задач... – Глебов раздражённо пожал плечами. – Скажу честно, я до сих пор не понял, зачем их так форсировали. Выйти на рубеж... Занять высоту... Зачистить кишлак... Сроки ставились такие, что к ним было физически не успеть. Существует же и предел возможного. Предел не у полковника в комфортном штабе в Кабуле или в Ташкенте, а у солдатики на горной тропе с двухпудовым снаряжением на плечах.

– Ну, положим, сроки ещё и дисциплинируют. Огромное количество войск, вдумайся! Их надо привязать к понятным ориентирам, а время – это лучший ориентир, отсечка, за которую командир и отвечает. И меня, комдива, тоже в ежовых рукавицах держали.

– Очень много боевых потерь было именно из-за спешки. Перепады высот составляли сотни метров, нагрузка на людей была запредельной, а приходилось ещё и минуты высчитывать. Я убеждён: командир должен иметь право на своё мнение, на командирскую оценку всех обстоятельств, ему никто не может связывать руки и уж тем более гнать к надуманным срокам.

– Это ты так рассуждаешь как взводный или как командир бригады?

– Я этих ребят между собой не делю. Каждый из них лично отвечает за свои поступки. Видел я Караулова на привале у Малимы. Он уже тогда был обречён, перешагнул роковую черту, такое у него было лицо. Знаете, есть понятие – синдром непринятого решения, своего рода замешательство. Тот самый случай. Ему, командиру, не оставили выбора, значит, и батальону не оставили. А если бы он имел право сомневаться...

– В чём? В выполнении приказа? – Манторов приподнял подбородок, привычно, начальственно свёл у переносицы брови.

– Товарищ генерал, вы за горло берёте... Сомневаться не для того, чтобы сорвать задачу – чтобы трезво оценивать свои возможности, высказывать свои доводы командованию, отстаивать их... Вот только кто его будет слушать? Кто его, капитана, услышит? Вперёд, твою мать, за тебя уже всё решили, иначе в трибунале будешь объяснять свои сомнения под протокол. Именно в таких выражениях, ведь так? Что скажете? А нечего вам сказать! И шёл капитан с достоинством и честью на смерть, и солдат за собой вёл.

Глебов вспылil, но, словно вспомнив о субординации, одёрнул себя и, не ощущая вкуса, разом выпил остававшийся в фужере коньяк. Манторов же свой глоток тянул долго, многозначительно, так и не сумев ответить на агрессивный выпад своего визави. Ему было страшно признаться себе, что Глебов прав. В разговоре возникла неловкая пауза, и тут же осторожно заявили о себе настенные часы, словно напоминая, что они на службе у времени и они всё слышат.

– Налей мне ещё. Чёрт с ними, с докторами, больше, чем отпущено, всё равно не проживёшь.

– Хм, выходит, бойцам и офицерам, что погибли на Хазаре, ничего не было отпущено, – Глебов мрачно усмехнулся.

– Моей вины здесь нет. И мои амбиции не зашкаливали. – Манторов говорил твёрдым голосом, глядя в полированную столешницу и как будто убеждая

самого себя в своей правоте. – Я уже тогда был в генеральском чине, не топтал горы ногами, не напарывался на засады – это верно, но я тоже выполнял приказ. Догадайся чей?

Ты даже не представляешь, какая тогда сложилась обстановка. Операцию в Панджшере планировали на последние дни марта, руководил подготовкой маршал Соколов, готовилась она втайне, тщательно, но товарищ Наджиб, в то время начальник афганской контрразведки, попросил его перенести начало операции. На Ахмад Шаха, нашего главного врага, готовилось покушение. Сорвалось. Сдвинули начало на апрель. Снова Наджиб просит о переносе, и снова с покушением неудача. Его мы в двурушничестве не подозревали, но факт остаётся фактом: утечка информации была, погибло несколько сотрудников контрразведки. Операция начинается 19 апреля, но за три дня до начала, за три (!), Ахмад Шах уводит с боевых позиций свои подразделения в запасные районы (а это несколько тысяч боевиков), уводит население. Как? Как он это смог повернуть? Наша стратегическая, штурмовая авиация, артиллерийские дивизионы наносят удары по оставленным пустым опорным пунктам и не причиняют врагу вреда. Практически безрезультатно. А впереди годовщина Саурской революции, и у нас майские праздники, и День Победы следом. Должен быть результат! Вот откуда и берутся сроки. Тем не менее операция шла по плану, без серьёзного сопротивления, если помнишь, и наши потери были минимальными, в основном, подрывы на минах.

– Помню, как не помнить. Подрывов было так много, что мы все пребывали в шоковом состоянии. Духов ещё в глаза не видели, а раненых и изувеченных в полку десятками считали. У соседей-десантников в Анаве тринадцать человек погибло одним разом. Что считать минимальными потерями – это большой вопрос.

Но организованное сопротивление душманы всё-таки не оказывали, и мы успевали завершить операцию по захвату Панджшерского ущелья в апреле.

– Успевали, – Глебов смотрел перед собой, мыслями он снова, в который раз – в сотый, в тысячный – был там, на Хазаре, где они так спешили к назначенному рубежу. Кто бы знал, какой их ожидал рубеж. – Я даже представляю красную стрелу на карте командующего армии, которая медленно ползёт к верховьям Панджшера, к заледенелым перевалам. Вот и Пакистан видно в стереотрубу.

– Я понимаю тебя, – генерал смягчился, перед ним сидел человек из его раздираемого противоречиями прошлого, один из тех офицеров, кто если и не спасает сражения, то даёт армии шанс не потерять лица. – Всем нам, побывавшим в Афганистане, выпало по-разному, тебе же досталось полной мерой.

Но должен тебе сказать, мы, командиры звена – полк-дивизия, постоянно ставили вопрос о сохранении жизни людей, наших солдат, офицеров, о сокращении числа операций. А высшее командование, оно ведь ещё той, военной закалки, заботилось исключительно о выполнении главной боевой задачи. Для него она была и политической задачей, известной тебе как интернациональный долг. Да, мы гордимся предками, героями великой войны, так и есть. Но те, кем

мы гордимся, всё ещё были на командных постах и мыслили, как прежде. Победа и только победа! Вчера они сломали фашистам хребет, сокрушили Германию. Сегодня перед ними Панджшер. По ущелью отбомбилось несколько полков авиации, что им этот Панджшер? Они же Берлин с землёй ровняли! А ведь у них ещё и репутация была, и апломб, вот и задумайся...

Всё это Глебов знал и выслушивал Манторова из уважения, как-никак тот тоже был из военной элиты, хотя бы и в отставке.

– Белый генерал Скобелев как-то сказал: «...я привык расходовать войска...» Когда он завоёвывал для России Среднюю Азию, он именно расходовал войска как ресурс. Много ли изменилось с тех пор? Вот, и маршал Соколов упокоился недавно, земля ему пухом, сто лет прожил. У него Отечественная война за плечами была, он уже в сорок первом начальником штаба полка ходил, людей на смерть посылал. Что ему ваш батальон, помнил ли? Совсем другое измерение. В афганскую кампанию он уже был заместителем министра, куратором по Афганистану. Операция в Панджшере – это его детище, понимаешь? Ну и как ты думаешь, справился он с задачей? Вот это и есть вопрос. Он отвечал за всё и лично докладывал в Политбюро о ходе боевых действий. Мне приходилось с ним общаться, и должен тебе сказать, руководителю такого ранга, как он, невозможно ответить «нет». А когда такая ответственность, такой прессинг, случаются и ошибки, они бывают у всех. Ошибки – не преступления, это должно быть понятно.

– Товарищ генерал, вы сейчас утверждаете или спрашиваете?

– А какой тут может быть вопрос?

– Чаще всего вопрос стоит о масштабе. О масштабе ошибки.

– Вот ты о чём... Я... Я расскажу тебе о своей главной ошибке, а ты уж сам решай, сколько она весит. Когда формировался ваш мотострелковый полк, мне уже была известна задача по захвату Панджшера, ради которой его и создавали. Надо было продавить духов до самых верховьев, до ледников, лишить их коммуникаций, баз снабжения, оружия, выбить живую силу. Не скрою, Соломин вызывал у меня доверие. Местную обстановку знал, полком командовал уверенно, Кабульскую трассу держал, разведрота полка была на лучшем счету в дивизии. Когда встал вопрос о назначении его, танкиста, на мотострелковый полк, я сомневался. Да, я сомневался в его профессиональных навыках. Пехота – это образ жизни, это судьба. Поймёт ли он, закованный в броню... Но Соломин целый год в Афгане, знает местные обычаи и людей, знает войну. Предлагали мне кандидатов из других соединений, либо достойные выдвиженцы, либо чьи-то креатуры, карьеристы – поди разберись. И я за него ходатайствовал, считай – назначил. Вот это и была ошибка. Моя вина, не отказываюсь. Он оказался мастак скакать по верхам, каблуками щёлкать. Что он там корреспонденту выдавал, когда меня срамил? Мол, он гонял *панджшерского льва* Ахмад Шаха по всему ущелью, а тот даже Базарак, родовое гнездо, не стал защищать. Жаль, не уточнил, как дорого это стоило именно его полку, не уточнил же! Да и про соседей забыл, которые ему фланги обеспечивали, которые из Панджшера всё лето не выбирались; между прочим, в операции участвовали батальоны трёх дивизий и другие части.

– Что вам Соломин, если каждый человек отвечает только за свои поступки?

– Но кто-то хочет, чтобы я теперь, спустя столько-то лет, ответил ещё и за чужие, мне бы вот со своими разобраться. Что я, по-твоему, сухарь бесчувственный, не понимаю, что тогда произошло? Это же мои солдаты погибли... – Здесь Манторов поднял глаза, он был неожиданно бледен и сосредоточен. – Глебов, ты действующий военный, командир бригады, в разных кругах вращаешься, не посрами моё имя, защити от произвола.

– Товарищ генерал, Виктор Иванович, это сложная тема, – Глебов удивился и не скрывал этого, – Вы – представитель военного руководства, этакого клана неприкасаемых, на ком лежит ответственность за всю афганскую войну. Командиры батальонов и полков были для вас подушкой безопасности, разве не так? Чтобы принять сейчас вашу сторону, надо быть либо безрассудным, либо заинтересованным. Но мой интерес совсем другой, мне бы понять, что там произошло на самом деле? Да и что оно, мнение одного человека... Это уж, извините, как звёзды сойдутся.

– Какие, к чёрту звёзды, твоё слово вес имеет, ты просто скажи...

– Слов недостаточно, люди понимают самое простое. Если Ваньку-стрельца стражники на плаху повели, значит, он и есть главный разбойник в государстве.

– Вон ты куда гнёшь.

– Я всё по делу говорю. Кулуарные решения вынесены давно, забылись уже, истлели вместе с бумагой, а вот бесславную гибель стольких людей забыть невозможно. Чтобы вам отстоять свою правду, нужно быть открытым, публиковать статьи, давать интервью, с людьми встречаться и, само собой, признать ошибки. И ещё нужно обязательно побывать на могиле Караулова.

– Я побываю, но... кто-то посчитает меня лицемером и циником.

– Есть за что? Ну, что ж... Это крест, его надо нести. У каждого своя Голгофа. А настоящий солдат поймёт и другого солдата. Наверное, и вас поймут.

★ ★ ★

Батальон умирал смертью мучеников... Расколосось напололам это синее, это равнодушное небо, и мир полетел в преисподнюю. Хлестнуло плетью, бичом! Резко, больно, с брызжущей кровью, с семидесяти, со ста метров... Ты представляешь, что такое сто метров для пулемёта? Захочешь промахнуться – не сможешь. Смерть циничная, дерзкая врезалась веерами из сотен пуль в человеческую массу, ломала, корёжила, била... Над полем брани стоял крик и стон искалеченных, израненных людей. Те, что ещё были живыми, искали укрытий, бежали и ползли, но расстояние до вражеских позиций, откуда вёлся огонь, было таким ничтожным, что сноровистые стрелки не могли промахнуться. Люди гибли, как в немыслимом страшном сне, как в кинохронике сорок первого года... Так не должно было быть... Срубленный пулемётной очередью, упал Караулов, один из первых...

– За камни... Рассредоточиться... Вести огонь...

Говорить, тем более кричать раненому комбату становилось всё тяжелее. Связист уже был мёртв. Его, командира, почти никто не слышал. Но в анналах навсегда останется, что он до последнего вздоха управлял боем, делал всё, что оставалось в его силах, он терял кровь, но сопротивлялся. Вражеский прицел продолжал искать его среди массы погубленных людей, и через час ещё одна очередь опоясала грудь. Когда мы говорим: «*Слава героям!*», мы говорим и о нём, о комбате Караулове. Был ли он прав, заблуждался ли, но он вступил на тропу войны, не сошёл с неё и погиб с оружием в руках... Следом за ним рухнули в бездну офицеры батальона, и второй, и третий ротные, и взводные, а потом и сержанты, и солдаты по бесконечному смертному списку...

Душманская засада располагалась подковой. Справа по ходу движения батальона, со стороны заоблачной горы Пизгарани длинным языком спускался хребет, как бы сужая ущелье, вот его и использовали духи для замыкания огневого мешка. Третья рота продвигалась вверх по ущелью слева от реки, но бить её начали с правой стороны, с близлежащей сопки. Вторая рота шла по правой – и огонь по ней открыли с противоположной, с позиций, подготовленных в скалах, над головами третьей роты. Это и есть губительный перекрёстный огонь. В обеих ротах почти сразу не стало сапёров, незащищенных рыцарей минной войны, они шли первыми, первыми и легли. Остальные могли бы попытаться отойти, но оторваться от земли, приподняться, попробовать бежать или стрелять – значило стать мишенью, по которой будут бить плотным огнём. Прикрытия на высотах, хотя бы отвлекающего, той самой третьей роты Баженова, не было, а огонь артиллерии или вертолёты вызвать уже никто не мог. Откуда бы знать Караулову, что такое могло случиться... И люди продолжали гибнуть, не находя выхода с кровавой поляны.

Среди этой растерзанной плоти, среди сосредоточенного вражеского огня Глебов был стопроцентной целью, таким же, как все, но всё же удачливее, он менял позиции, перебегал, искал укрытия и мёртвые зоны, он успевал видеть, что происходит вокруг, чтобы уберечься от душманской пули – в конечном счёте от глаза стрелка и снайпера. Те восточные звёзды, на которые лейтенант всегда уповал, разложили свой пасьянс в его пользу, не подвели, но пожелали, чтобы сегодня он был героем. И он стал им. Это был не его выбор, личное мужество требуется только в случае, когда для спасения или для победы не остаётся других средств...

Найдя безликий серый камень, выпирающий из плотно набитой прибрежной травы, Глебов начал ножом, ногтями рвать землю из-под него, чтобы самому врасти в эту землю, хотя бы на несколько сантиметров стать ниже, незаметнее. Невдалеке от него лежал убитый солдат из гранатомётного взвода. Тяжёлая груда автоматического гранатомёта с опустошённой лентой валялась рядом со станком вверх. Зацепив его стволом автомата и подтянув к себе, он огляделся в поисках боеприпасов и выживших людей.

– Баталов, ты? Живой?

– Я, товарищ лейтенант, – отозвался из соседней ложбины сержант-гранатомётчик, – вроде ничего, жив покуда.

– Где командир взвода?

– Нету больше взводного, убило его.

– Боеприпасы?

– Лента осталась, последняя.

– Давай её сюда, поработаем по духам, что добру пропадать... Присмотри себе другую позицию, начну стрелять – сразу уходи, они ответят...

Четырьмя плотными очередями Глебов израсходовал всю ленту, гранаты рвались на позициях моджахедов и дальше, за их спинами, сыпались зазубренными осколками, пробивая душманские паколи и пируханы, заставляя их вжиматься в лежаки или наоборот – бежать. Долго ждать ответа не пришлось. Лейтенант едва успел отползти, когда земля в том месте, откуда он стрелял, закипела хищными фонтанами, две пули пробили его вещевой мешок и ещё одна – повредила гранатомёт.

Спустя час-полтора со стороны Панджшера в ущелье ворвалась пара боевых вертолётов, шла низко, рискованно, сделала облёт поля боя и ударила НУРСами по правой каменной сопке, с которой продолжали обстреливать третью роту. Под прикрытием их огня Глебов рывком бросился менять позицию, перескочил через ложбину... Увидел Баталова: глаза открыты, автомат прижат, на груди смертные знаки от пуль, не успел... Вот и Карпенко лицом вниз, убит... Чуть дальше и третий брат Лёха Сабитов неловко подвернул руку, тоже мёртвый... Багров, взводный гранатомётчиков... Как же вы так, ребята? За валуном, посечённым пулями, можно было прийти в себя... И наблюдать. Сжаться в комок – и наблюдать! Не думать, что будет потом – думать, что делать сейчас. Кто ещё остался в живых? Самый мучительный вопрос... Где-то впереди, из-за туши убитого ишака прохрипел голос начальника связи. Он с кем-то перекликался, из его обрывочных невнятных слов Глебов понял, что убит комбат, убиты особист и авианаводчик, тяжело ранен, умирает замполит батальона.

– «Стрела» знает про засаду? – не выдержав, почти закричал Глебов, назвав позывной командира полка.

– Знает... Доложили сразу, как смогли.

– Так что же он?

– На связь не выходит... Бросил он нас, сука...

Автоматная очередь хлестнула совсем близко, Глебова отбросило в сторону, он так и остался лежать на спине, сдерживая дыхание, прикрывая руками и автоматом живот, боясь лишний раз пошевелиться, и при этом хорошо видя, что происходит вокруг. Стреляли именно в него, на звук голоса, духи выискивали занозистого лейтенанта, затерявшегося среди наваленных тел, среди камней и ложбин. Дальность всё та же, не промахнёшься, засекут – всё, конец. Через какое-то время он увидел трёх моджахедов, продвигавшихся по краю поляны, они осматривали убитых, собирали оружие, и уже подошли к нему метров на двадцать. Один из них был европейской наружности, высокий, светловолосый, одетый в

камуфляж песочного цвета, другие – в необычной чёрной униформе. *Европейцы, инструктор? Зачем ему надо ходить по полю мертвецов? Или наёмник? Похоже, теперь мы это не узнаем.* С такими мыслями Глебов медленно, чтобы не привлечь внимания, приподнял автомат, подсоединил к нему полный магазин, прицелился по стволу и плавно нажал на спуск. Жадная горячая очередь на тридцать патронов рванулась из ствола, и когда последняя отлетевшая гильза отзвенела в прибрежных камнях, три рухнувших моджахеда были уже мертвы.

В какой-то момент бой раскололся на несколько очагов. Вот духи идут добивать раненых, снимают место боя на камеру, кто-то с матом и яростью бросился на них врукопашную. Вот кто-то, чтобы не попасть в плен, подорвал себя гранатой, ему уже не больно, кто-то другой дал отчаянную длинную очередь в сторону врагов, не в силах дольше терпеть страх. Вот кто-то из-за камня одиночными бьёт и бьёт по духам, но, если он не сменит позицию, они его достанут. Впереди, во второй роте, под скалой после взрыва мины больше не стреляют, живых там не осталось, а их ротный лейтенант Житник погиб ещё раньше. Вот замполит батальона Медунов, наспигованный пулями и промедолом, пришёл в себя после тяжёлого ранения и по радиосвязи зовёт на помощь начальника штаба: *«Сделай же что-нибудь!»*. Вот недалеко от уреза реки лежит Баженов, опрокинутый навзничь, его расстреляли в спину. Но кто-то добежал до Хазары, бросился в ледяную воду, и его несёт течение. Вот миномётчики укрываются опорными плитами от миномётов, на открытой площадке свои *самовары* им не развернуть, они так и не сделали ни одного выстрела. Вот снова идут вертолёты сразу боевым курсом, снова бьют выступающий каменистый горб, расщелины в скалах, пещеры – всё, что подходит под вражеские позиции. Они боятся попасть по своим. Спасибо вам, братья-вертолётчики, за поддержку, но мёртвых уже не поднимаешь. Вот кто-то из живых вырвался с расстрельной поляны, скрывается в скалах и не уходит, живые не могут бросить своих мёртвых.

Поле боя продолжало жить бессмертной надеждой, но её, этой надежды становилось всё меньше, потому что в пяти километрах, ссутулившись, тупо уставившись в речные панждшерские камни, командир полка никак не мог принять нужного решения на бой... Погибал его батальон, а он всё ждал победного доклада, всё медлил, не понимая очевидной логики происходящего и самого главного противоречия – между жизнью и смертью.

★ ★ ★

– Да, ты поднялся на свою Голгофу, выстоял, ты смог, за что я тебя и уважаю, и готов выслушать от тебя даже нелицеприятные вещи. Но только от тебя, – генерал не пытался скрыть своих сомнений, почувствовав в боевом офицере твёрдость и прямоту. – Так скажи мне, герой, мог ли быть другой исход у этого боя? Ведь у тебя-то получилось, вот ты сейчас стоишь передо мной крепкий, дерзкий, как и раньше, с благородной сединой, с этакой снисходительной улыбкой победителя. Почему же другим это не удалось?

– Так сошлись звёзды, – во взгляде Глебова не было и тени иронии, почти тридцать лет он сам задавал себе этот вопрос, не находил ответа, но этот же вопрос ему задавали и другие, – я здесь ни при чём.

– Опять ты за своё, хватит ёрничать. Тебя ведь даже не ранило.

– Сильно жить хотелось. Вот и весь мой героизм и удача заодно. Могу только добавить из своих наблюдений, что к бою надо готовиться заранее, и я готовился, командовать людьми – до боя, и я командовал. В бою должны работать рефлексy, вот они и работали. Весь день только рефлексy. Такой ответ подойдёт? Ко мне и моим бойцам никто из духов так и не приблизился, не смогли. Я и говорю, что так сошлись звёзды.

– А ты веришь в Бога?

– Кто ж в него не верит? Все верят и все чего-то от него ждут, чаще всего, чуда. Только обычно он приносит с собой тяжёлые испытания, и никакая самая искренняя вера от этих испытаний не спасает. В тот день некогда было думать о чудесах, и героем я тоже не был, просто хотел выжить. В этом и кроется суть. Мы отбились, мы свой путь прошли, проползли, всё остальное – легенды.

– А видеокамера?

– Да, интересный эпизод. Они хотели снимать наших мёртвых, наших раненых на камеру..., наверное, для отчёта перед своими боссами. Суки, совсем оборзели! А что в итоге? Кто-то видел хотя бы один кадр этого поля битвы? Никто не видел, похоже, что камеру мы им всё-таки подпортили.

Глебов раздвинул тяжёлые гардины и сосредоточенно смотрел в окно, в чёрную ночную пропасть, по его лицу блуждала неприятная усмешка. Да, их pozor не видел никто.

– И ещё. Это были не совсем простые духи, среди них были и сбежавшие сарбозы, и гости из Пакистана, а их учили воевать. Это не крестьяне, которых местная власть набирает в армию, которые не знают, что делать с ружьём, и только ждут, когда их по домам распустят. Они наслаждались бойней. Задача по ходу дела перед духами стояла обычная: организовать засаду, плотным огнём нанести максимальный урон противнику, то есть нам, и отходить, пока мы будем заниматься ранеными и разбираться, что происходит. А тут вдруг такая удача попёрла, удача! Шурави потеряли бдительность, долго не могли прийти в себя, отстреливались кое-как, и – ни одного артиллерийского залпа. У шурави полный Панджшер войск, а на помощь к ним никто не пришёл, значит, их надо бить до конца. Вот такая схема событий, с этим до обидного просто, а что происходило вокруг боя? Разное говорят, приходится верить на слово, либо не верить совсем. Вы-то что скажете?

– Одним словом, что ты сделал, комдив, чем помог? – Манторов усмехнулся. – Ну что же, имеешь право. Около полудня на связь со мной вышел командир соседнего 177-го полка, доложил, что в нескольких километрах от его роты идёт бой, слышна активная стрельба, он сообщил ориентировочный квадрат. Так я первый раз узнал о том, что ваш батальон напоролся на крупное подразделение моджахедов. Заметь, я узнал это не от Соломина, который был обязан сразу до-

ложить мне о боестолкновении, да ещё в таких невыгодных условиях! Я до сих пор не представляю, что с ним происходило, но на мой вопрос об обстановке командир полка ответил, что Караулов справится своими силами, и помощь от командира дивизии не потребуется. Его не беспокоило даже длительное отсутствие связи. Как выяснилось позже, Караулов к тому времени был уже убит. Может быть, Соломин под прессом ответственности был не в себе, и его надо было направить на медицинскую комиссию? Жаль, это не было сделано сразу, многие вопросы снялись бы сами собой. Так вот, после его странного доклада я отправил к месту боя два Ми-24 с начальником разведки дивизии, он-то мне и сообщил, что там происходит на самом деле.

– Похоже, это и была первая пара вертушек, которая отработала по духам.

– Да, она самая. После неё пары горбатых шли одна за другой, штурмовики бомбили по гребням, по высотам. Но главное, я отдал приказ командиру полка принять немедленные меры к разблокированию батальона. Всё это он как командир должен был сделать самостоятельно, без моих указаний, а не распускать сопли и не размазывать их, спустя десятилетия, перед молоденькой журналисткой. Два, два (!) дивизиона артиллерии молчали. Как же так можно? В чём зерно командования? Боевые машины пехоты с полным боекомплектom, с экипажами – их-то почему Соломин не использовал? Ну и, наконец, в резерве была мотострелковая рота, разведка. В чём же истинная проблема, если не в самоустранении от управления? Кто-то может мне объяснить? Ты – можешь?

– Я лучше промолчу.

– Понимаю, дело принципа. Не хочешь принимать мою сторону.

– Это обвинение в преступном бездействии. Поверить, что так и было – немыслимо.

– А как иначе понять? До места боя всего пять километров, марш-бросок для пехоты – час времени. А боевые машины, БМП с их пушками? Они бы камни в щебень размолотили. Сколько бы людей было спасено!

– Надо ещё разобраться, что было у него в голове, почему он так себя вёл, что ему мешало действовать.

– Ты не хочешь видеть факты. Но ответ же мне тогда, что Соломин сделал сам лично? Сел на связь и руководил артиллерией? Собрал все резервы и бросил их на прорыв? Сам возглавил усиленную роту и двинулся спасать своих ребят? Пешим порядком, на танке? Потребовал от комдива высадки десанта в районе боя? Ничего подобного: не было ни эмоций, ни командирской воли. Ну а позже... Позже крокодиловы слёзы. Но ты всё это знал и без меня?

– В общих чертах – да.

– Если так, что ж ты ехал в такую даль?

– Того, что знал, мне показалось мало – всё больше предположения. Я решил сам сложить эту мрачную мозаику, а значит, надо было услышать всех, кто причастен к событиям, кто помнит. В заочных высказываниях много лукавства, а иногда и вранья. Каждому есть о чём промолчать. Когда же смотришь в глаза,

всё становится проще – глаза не обманут. Вон вы как реагируете, чувствуется, что вам не всё равно.

– Реагирую... – Манторов чуть задумался. – А ты, значит, и к Соломину заезжал? Та-ак, вот мы и вернулись к нашему главному персонажу...

* * *

– Товарищ подполковник, бронегруппа первого батальона готова к выходу.

– Не рви удила, начальник штаба, поостынь. Караулов – хороший командир, сам знаешь, обстановка штатная, справится.

– Дайте приказ! – Рогулин настаивал, он не понимал, что для танкиста является штатной обстановкой. Если по броне надоедливо бьют случайные пули? Если осколком срезало антенну? Если миной-итальянкой разорвало гусеницу? Это не про пехоту – пехота беззащитна, у неё даже исподняя рубаха надёжней бронежилета, на голом пятаке ничего, кроме смерти, не найдёшь. Даже госпожа слава, если соизволит прийти, и та – после смерти, пропустив *старуху* вперёд.

– Дайте приказ! – Рогулин не находил себе места, у него внутри было смятение. Вот он стоит со сжатыми кулаками, готовый на всё, а его не пускают помочь своим, своему погибающему батальону. Взвод бойцов в нервном возбуждении тоже ждёт команды, им уже надоело курить. Странно, что ещё не прибыла первая рота и разведка. Время-то уходит, жизнь уходит. И уже как два часа пропала радиосвязь. Начальник штаба всё ещё надеялся переубедить Соломина: не ждать подкреплений, а начать действовать теми силами, что есть, – товарищ подполковник, там тяжёлый бой, там люди гибнут, нельзя ждать.

– Куда я тебя пошлю? Зачем – чтобы ты тоже влез в капкан, а полк остался совсем без резерва? Обстановка неясна. Сиди и жди указаний, рано ещё. Должен наступить перелом.

Соломин, будучи командиром полка, который прежде успешно обеспечивал охрану Кабульской трассы, не мог себе и представить, какими бывают последствия, когда пехотный по своей сути батальон попадает в засаду, в огневой мешок. Он давал Караулову время переломить ход боя, не осознавая, что ситуация с самого начала была неуправляемой. И даже отсутствие связи с батальоном укладывалось у него в рамки всё той же надуманной им штатной обстановки.

В третьем часу дня Рогулин, наконец, услышал по радиосвязи неузнаваемый хриплый голос замполита Медунова.

– Ну, где же ты есть? Сделай же что-нибудь, нас убивают.

Начальник штаба не выдержал. Разрешения выдвигаться в район боя ему не дали, но и прямого запрета не последовало. «Надо будет ответить – отвечу...»

– Взвод, по машинам! За мной, вперёд!

Через несколько минут, едва танк и боевые машины пехоты вошли в ущелье, в Хазару, шедший в колонне первым танк подорвался на mine, броня выдержала (всё штатно!), но вот гусеницу разорвало, и машину с экипажем пришлось оставить. Для Рогулина это была оправданная жертва, и когда в наушниках на-

зидательно заскрежетал голос командира полка, он выслушал монолог с досадой, но своих намерений не изменил.

– Я же говорил ждать! Кто дал команду? – ярился озлобленный голос.

– «Стрела», я – «Клён-73», вас не понял, не понял!.. Стрела, повтори. Не слышу. Продолжаю движение к площадке. Приём.

– Я тебе дам «не слышу»! Отвечать будешь за самоуправство!

– «Стрела», вас не слышу, у меня повреждена антенна. Приём! – и, выключив тангенту радиостанции, ослабив приступ накопившейся агрессии, добавил: – Ещё посмотрим, кто отвечать будет, накомандовал перестраховщик *хренов*, батальон вместе с комбатом положил и всё распрямляется.

Через два километра потеряли ещё одну машину, она подорвалась на очередной мине. Всё было непросто в этом ущелье: действовавшее здесь бандформирование кое-что понимало в горной войне, но надо было идти дальше, на помощь.

Кто-то представлял себе Куликово поле после великой битвы? Конечно, кто-то пытался. Удалось? Не думаю. Сотни тысяч порубанных людей, мёртвых и ещё живых, представить невозможно, это не уместится в обывательском сознании. Большая зелёная поляна у Малимы для всех нас, кого мы называем современниками, была страшнее любых полей сражений средневековья, потому что на этой поляне лежали наши современники. Колонна под руководством начальника штаба Рогулина наконец-то добралась до этого поля битвы. Он остолбенел от увиденного. *Мать честная. Сколько народу погублено!* Но едва они показались из-за уступа скалы, по ним ударили крупнокалиберные пулемёты, били с недолётом, не рассчитав своих возможностей или опасаясь приближения боевой техники, но в том-то и дело, что теперь было чем ответить. В сумеречной полутьме стрельба из пулемётов выдала вражеские позиции, и пушка головной машины с молодой лёгкостью, со злостью ударила по верхней террасе, откуда вёлся огонь. Эту тонкую, мстительную работу Рогулин не доверил никому, он тщательно, плотно укладывал пушечные очереди, не считая и уж точно не жалея расстрелянных боеприпасов. *Безнаказанными не уйдут...*

В сумерках подтянулась и разведрота, она помалу стала привыкать к функциям *пожарной* команды. Сегодня ей выпало всю ночь искать раненых и мёртвых, носить трупы. Пока шёл бой, люди забивались в любые каменные щели, под валуны, прибрежные осыпи, где и умирали от ран и потери крови, и теперь их надо было найти и собрать, как последнюю страшную дань, отданную войне. Трупы грузили навалом на две БМП, дошедшие до расстрельной поляны. Зрелище было безобразное, зловонный дух забивал ноздри, но всем, кто здесь оказался этой ночью, было не до щепетильности. Изодранные тела, смердящие останки с загустевшей кровью и лимфой, стволы автоматов, гранатомётов, антенны радиостанций навалом, вперемежку лежали на броне машин, топорщились во все стороны, как изломанный хворост. Их вывозили для эвакуации на ровную безопасную площадку, которую уже окрестили *пляжем*. В те часы никто не знал, насколько много было погибших, сколько их всего, скольких искать. Сложность

была и в том, что возвышающиеся над Малимой, над Хазарой отроги и высоты до сих пор не были прикрыты нашими войсками, только полная темнота скрывала от чужих глаз поисковую операцию, и с рассветом она была приостановлена.

Остатки батальона получили задачу подняться по отрогам над Хазарой и занять позиции для наблюдения и прикрытия. Их отодвигали в сторону, никто из командования не знал, что делать с людьми, которые прошли через горнило чудовищной бойни. Глебов собрал то, что называлось третьей ротой, недалеко от смертного пляжа, половина роты осталась в строю, всё-таки выжили. Он ходил между солдат, заглядывал в глаза и отчётливо понимал, что сегодня они находятся в глубочайшем ступоре и мало на что способны. У самого взводного на душе было такое опустошение, что не находилось слов его описать. Бездна! В неё уходили все силы, все эмоции. Жизнь человека – ничтожна! Разве можно принять эту мысль, сжиться с ней, заложить в фундамент своего будущего? В этом месте часто следует недобрая усмешка: *а ты уверен, что оно есть, это будущее?* Но на войне к такому страшному выводу однажды приходят все, и то, что жизнь ничтожна, здесь никого не удивляет.

Привычной колонной рота поднималась по хребтам Пизгарани к господствующим высотам. В солдатских головах крутились чёрные недочитанные мысли, дочитывать их до конца было страшно, все молчали, только тяжёлое, срывающееся дыхание сопровождало мрачный утренний рейд. Глебов смотрел вниз на Хазару, на Малиму, долина удалялась, казалось, забирая с собой и вчерашнюю бойню, и тревожную ночь, и этот чужой рассвет. Но всё вернётся. И будет возвращаться снова и снова чёрно-белыми, рваными сполохами сновидений, холодным ночным потом, водкой, от которой не пьянеешь, и таким неудержимым желанием выплеснуть из себя весь накопившийся в сознании полоумный бред. Уходя всё дальше вверх, он и представить себе не мог, что однажды ему, кровь из носу, захочется сюда вернуться. Зачем? Наверное, спустя годы придёт время поставить точку в тяжёлых, бесконечных, затёртых временем раздумьях о своём прошлом, в котором так коварно, так жестоко сошлись апрельские звёзды. Там не было старых, даже Караулову, комбату, было всего двадцать девять лет – *сама* жизнь, *самый* расцвет, когда ещё много сил, когда всё впереди. Как же вы так, ребята... Как же вы так...

Зачем вернуться? Наверное, чтобы поклониться себе, молодому, потому что, когда тебе за пятьдесят, ты не понимаешь себя двадцатилетнего, и вставить себя в те же рамки, взять в себя прежний страх и прежнюю дерзость невозможно. Но именно тот молодой спас тебя сегодняшнего, твоих детей, которые родились позже, весь твой род на несколько колен в будущее... И ему, Глебову, однажды захочется встать на этой проклятой земле в полный рост – так, как он не мог раньше, встать и смотреть на высоченные хребты Пизгарани. Горы знают, что он остался непобеждённым, они знают, что он нашёл здесь свою точку силы.

* * *

Манторов, заложив руки за спину, не торопясь, прошёлся по гостиной.

– Значит, у Соломина ты был... Чай с ним пил?

– Водку. Много выпили.

– Ну и как он? Всё так же речист и значителен? Не признал своих грехов, нет? Судя по тому, как тяжело идёт наш разговор, понимаю, что не признал, вот в этом-то всё и дело...

– Соломина обида столько лет душит, что его крайним выставили, с чего ему признавать. А вы свои признали?

Комдив опустил седую голову и замолчал на время, собираясь с мыслями.

– Знаешь, Андрей... Их ведь нельзя признать наполовину. Здесь я дал маху – здесь не я – здесь подчинённый идиотом оказался – здесь обстоятельства такие сложились. Их признавать надо полностью, а значит, всё, что случилось, на мне должно лежать могильной плитой. Только сам посуди: я в Баграме за десятки километров от места принятия решения, Соломин – в пяти километрах, а Караулов – на самом рубеже. А это и есть расклад перед боем. Кто же из нас троих лучше должен понимать происходящее? Кто принимает решение на бой?

Глебов простил Манторову снисходительное обращение, видя, как медленно, как неохотно теряет апломб старый генерал, как сквозь маску уверенности и непогрешимости иногда проскальзывает лицо одинокого, непонятого человека, в сущности, старика.

– Этой темы мы касались. Был бы комбат самостоятелен, был бы с него спрос. Хотите личный опыт для примера? В Парандехе, в одном из Панджшерских ущелий, поднимаюсь как-то с ротой к перевалу, впереди – завал из каменных глыб, ну, точный рубеж засады, дело к вечеру, на душе неспокойно. Выхожу на связь с приданной батареей. Ребята, говорю, собутыльнички, дайте пару огурцов на закуску. Они в ответ, мол, для хорошего человека ничего не жалко, принимай. Сразу после второго разрыва отправил головной взвод вперёд, назначил цели пулемётчикам для прикрытия... Духов там не оказалось – если были, ушли – перестраховался я, но это было моё решение. А если бы мне вместо двух снарядов начали тыкать пальцем в хронометр и угрожать? В тот апрельский денёк решение на бой принимали моджахеды, и плевать они хотели на сроки чужих задач и чужие праздничные даты.

– Хорошо, почти убедил, – Манторов снова оживился. – Теперь давай с другой стороны посмотрим... Допустим, что ты – комбат – отвечаешь за полторы сотни людей, осознаёшь риск... Так рискни и, чёрт с ним, с моим приказом! Действуй трезво, действуй расчётливо.

– Вы сейчас сказали преступную вещь. Не может офицер нарушить приказ... Он так воспитан, это стержень командирской натуры. И потом – никто не знает свой час *икс*, когда ударит тот самый колокол, о котором вы говорите.

– Но если ты понимаешь, что комдив с катушек слетел, тогда что... Да, будет трибунал, будут судить. Вот там и докажешь, что приказ был преступным, а ты сберёг людей...

– То есть комдив Манторов слетел с катушек, а подчинённый, который по должности на три, на четыре ступени ниже, должен это понять и упредить развитие событий.

– Да! Именно так. И не событий, а катастрофы...

– Давно же вы на пенсии, Виктор Иванович, если так рассуждаете...

– Ну что ж, не повёлся. Это я так, в рамках нашего с тобой разговора. Вы же взводные-ротные все молодые, умные, все с амбициями, командир дивизии для вас не авторитет. Вот только, когда доходит до дела, не всегда в голове включается нужный тумблер. А вот у комдива Манторова этот важнейший тумблер всегда в положении «включено», потому что под его ответственностью тысячи жизней, а ещё боевые и государственные задачи. – Здесь Манторов многозначительно приложил ко лбу указательный палец. – Я плавно подвожу тебя к началу разговора. Приказы должны выполняться – но каждый исполнитель делает свою работу, исходя из нормы устава и здравого смысла.

– Знаю, к чему вы меня подводите, – Глебов растянул губы в саркастической усмешке. – Чем выше должность, тем острее болит душа за всё человечество сразу. Хм, а взводные знаете, почему такие умные? Потому что их ответственность очень дорогая и неминуемая, им некогда рассуждать о целесообразности, они на кон свои жизни ставят, и решают они именно государственные задачи, а не свои личные. – Глебов уже не улыбался, представив своих сегодняшних взводных, выпускников последнего года, которые по возрасту годились ему в сыновья.

– Ладно, давай отложим эту тему, но вопрос, кто и как отвечает, намного сложнее, чем тебе кажется.

– Настолько сложнее, что в тот раз обошлись без трибунала. Так ведь? Как же это могло быть? У меня даже нет предположений.

– Как... На стадии предварительного следствия были изучены все известные факты, дана оценка обстоятельствам и всем руководителям. И дело закрыли. Напоролись на засаду, приняли бой в невыгодных условиях, и всё тут. Иначе Соломин сидел бы, Караулов потерял бы доброе имя, армия умылась бы ещё и позором. Батальон – всё ж таки тактическая единица советской армии, а его раздала под орех какая-то банда моджахедов-наёмников. Ты представляешь себе резонанс?

– Да что он, резонанс? Трагедия произошла, беда. Важны факты, а не то, что мы о них думаем. Версии хороши для кино, а здесь кровавая окопная правда.

– Прав ты, Глебов, прав. Окопная правда многих руководителей пугает. А почему ты про меня не спрашиваешь?

– Про вас? Ваша роль очевидна – низкий уровень управления. – Здесь Глебов сделал паузу и поднял глаза на генерала. – А в преступную халатность и, тем более, в злой умысел я не верю. Иначе бы не приехал. Такие обвинения ещё надо обосновать, серьёзно обосновать.

– Был бы заказ, обосновали бы. И ноги об меня вытерли бы и не посмотрели бы, что генерал. Уволили бы подчистую. Делали выбор между мной и Со-

ломиним. А Караулов... Караулов, так вышло, нас всех спас. Погиб в бою. Один заплатил – за всех, жестоко заплатил. Никто не посмел его имя марать...

Манторов подошёл к книжному шкафу, достал увесистый, изрядно потрёпанный том, было видно, что к этой книге обращаются часто, поддержал его оценивающе и начал неторопливо просматривать закладки.

– Читал воспоминания генерал-полковника Меримского, его оценки событий того дня?

– Не только читал, это само собой, я с автором был знаком в своё время.

– Так даже... а ты непрост, Глебов.

– Ничего особенного, в Афганистане и познакомились. Общались. У меня хорошая память на имена, на лица и на события тоже, да и с людьми всегда поговорить интересно. А когда Меримский, который много чего про Афган знает, издал мемуары, было любопытно узнать его мнение о нашей войне. Там, хоть как, мимо Панджшера не пройдёшь.

– Вот и я почитываю в минуты раздумий. В общем, рабочие заметки, ничего лишнего. Ему, руководителю высокого ранга, проще, чем нам, собирать факты и давать оценки. Есть документ – есть факт, есть оценка. Нет документа – и событие пролистнули. Он в любой своей заметке исходил из постулатов боевого устава, там всё прописано, кто и за что отвечает, и в итоге, за что ответит. Ничего неординарного, без витиеватых рассуждений. Командир и есть главный организатор, и не важно, нравятся ли ему указания старшего начальника, например, мои, или не нравятся, он должен их выполнять наилучшим образом, а не ломать комедию. Надеюсь, ты с этим согласен?

– Согласен. Каждый командир на своём месте выполняет поставленную задачу.

– Итак, что тут пишет Меримский? Посмотрим... – Наконец, Манторов нашёл нужную страницу, надел стильные в потёртой позолоченной оправе очки. – Цитирую. Успех боя во многом зависит от командира, от уровня его профессиональной подготовки... отношения к делу. У него (у Соломина) просматривалось стремление к выработке «своих» взглядов на ведение боя без учёта оценки обстановки, тактики мятежников, требований наших боевых уставов... Он зачастую забывал, что только он лично несёт персональную ответственность за принятие решения на бой, э-э, решений, принимаемых в ходе боя, за выполнение боевых задач и, конечно, за жизнь подчинённых. А вот ещё... Связь с командиром полка была потеряна, но это не вызвало у него беспокойства, и он продолжал докладывать надуманную спокойную обстановку и естественно никакой помощи батальону не оказал... Вот такую оценку даёт генерал-полковник Меримский нашему коллеге, а что написано пером – не вырубишь топором. Так что фигура Соломина достаточно понятна, а вот Караулов...

★ ★ ★

Афганец с чёрной с проседью бородой, со шрамом на щеке и культёй вместо правой ноги растерянно крутил головой, оглядываясь то на Глебова, одетого

в джинсы и лёгкую кожаную куртку, то на щуплого таджика-переводчика, тоже одетого по-западному. Фотограф с большой профессиональной камерой без перерыва щёлкал и щёлкал затвором, словно тысячетлетние камни-валуны, невзрачные осыпи на склонах гор, низкорослый камыш могли быть кому-то интересны. Шурави? Понятно, что шурави. Сколько лет прошло? Сосчитать пальцев на руках не хватает. Афганец хотел точнее уловить, что на самом деле интересует иностранцев, зачем они из Кабула приехали в Панджшерское ущелье, на Хазару. За его спиной жёлто-коричневым, выгоревшим за лето пятном лежала та самая злосчастная поляна, ставшая последним прибежищем для десятков убитых солдат и офицеров. Теперь в прибрежных зарослях орешника, в бороздах от дорожно-строительной техники, она казалась заброшенным пустырём, растеряв за минувшие годы всё своё мрачное величие.

– Ты мне одно скажи, бача, слив информации был? – Глебов упёрся взглядом в афганца, по возрасту они были почти ровесники.

– Он не понимает, что такое *слив информации*.

– Вы заранее знали, что шурави здесь пойдут? Фамиди? Понимаешь?

– Шурави? Да-да, фамиди, фамиди, нас предупредили. Помню, тогда вечером человек пришёл от Ахмад Шаха, говорил, что по ущелью пойдут много шурави, большой батальон, их надо встретить, попутать. Люди собрались, разговор был.

– Что значит, попутать? Переспроси у него.

Глебов нелепо напрягся, улавливая какой-то новый смысл во всём, что произошло почти тридцать лет назад. Их ждали. Значит, всё-таки предательство, и сарбозы – афганские солдаты из приданного взвода «зелёных», что-то знали об этом, потому что они и боялись идти вглубь ущелья. А как же их командир, майор, он же погиб вместе с Карауловым? Получается, он ничего не знал.

В это время его переводчик, активно жестикулируя, заставлял афганца вспоминать детали. И тот вспоминал, кивая головой и становясь всё более разговорчивым: он был тогда молодым парнем, моджахедом, гордился собой и хорошо помнил день своей первой победы.

– Он говорит, что душманов, ну, то есть моджахедов, в Панджшере оставалось мало. Ахмад Шах основные силы отправил тогда в северные ущелья, в Андараб, а их отряд остался: устраивал засады, минировал тропы и выполнял отдельные поручения, потому что у них были инструкторы из Пакистана, дезертиры из армии и даже два араба-наёмника. Человек от Ахмад Шаха приказал устроить засаду на Хазаре, пострелять и сразу уходить, пока артиллерия не открыла огонь. Он ещё говорил: не задерживаться долго на одном месте, вокруг было много шурави. Надо было нападать на них в разных местах – так они и делали, и сразу уходили. Но главное, он говорит, у них в отряде было много дезертиров, бывших сарбозов. Это всё из-за них: они были злые, им надо было доказать, что они по-настоящему перешли на сторону моджахедов.

– Замазаться кровью.

– Нис фамиди.

- Скажи ему: скрепить предательство кровавой печатью.
- Да, да, кровавая печать, он понял, так и есть.
- Бача, а ты сам стрелял в шурави, убивал?
- Стрелял? – Афганец ненадолго смутился, но потом с достоинством продолжил. – Стрелял, все стреляли, и я стрелял. Аллах всё видел, Аллах всё знает.
- А у вас, у моджахедов, потери были? – Дурацкий вопрос, сам про себя подумал Глебов: бача или не ответит, или соврёт.
- Потери? А-а, убитые, да были. Мы их сразу уносили, а вечером похоронили у Саха, у соседнего кишлака.
- Много? – Вопрос прозвучал вполголоса, на выдохе, и оттого показался многозначительным.
- Много, мало... На всё воля Аллаха.
- Надо было заканчивать этот лукавый восточный разговор. Глебов закурил, подошёл к молодому аскетичному фотографу, продолжавшему снимать панораму пожелтевшей осенней долины, чёрных скалистых гор, их беседу с афганцем на фоне кишлака Малима.
- Ну что, Саша, ты слышишь, как бьётся от волнения моё сердце? – Для убедительности он потёр ладонью грудь под джинсовой рубашкой.
- Андрей Петрович, моё дело – видеоискатель, а насчёт психоанализа уж простите...
- Ладно, прощаю. Куда тебе, молодому, понять. Этот дух, то есть афганец, в меня, в моих ребят стрелял! И вот я стою на этой страшной поляне и понимаю, что совсем не хочу его убить, оборвалось что-то. А ведь в то время было желание достать их всех и растерзать голыми руками, чтоб ни одна сволочь живой не ушла, ведь смог бы. Вот как всё изменилось, а ты – видеоискатель, видеоискатель... Только ради того, чтобы почувствовать, как посветлело на душе, стоило вернуться в Афганистан. А ты, Файзулло, что скажешь?
- Что сказать, – таджик-переводчик пожал плечами, – кажется, этот старый бача рад, что вы живы и здоровы, что поговорили с ним о днях молодости. Он пожалел, что мы не можем зайти к нему в гости, выпить чаю. Или можем?
- Вот уж совсем ни к чему: мои мёртвые меня не поймут, с ними я уже никогда не выпью ни чаю, ни водки... Давай лучше подойдём к Хазаре, есть у меня тут пара приметных камней с насечками.

* * *

- Что в итоге сгубило римские легионы? – Высокие амбиции и разрушенная дисциплина. Они думали, что сильнее них никого нет. Амбиции заслоняют реальность. Отсутствие порядка губит управление. И любой легион становится толпой. Бей её, топчи, рви, пусть умоется собственной кровью, захлебнётся ею. И алчущая толпа рассыпалась, теряя своих убитых и изувеченных. Вот так, лейтенант!
- Товарищ генерал?
- Да, ты уже стал полковником. Прости, старею, заносит иногда. И ты уже знаешь, командовать батальоном или полком на параде и в бою – не одно и

то же. Этот гордо поднятый подбородок, развёрнутые плечи, знаки отличия на груди, взгляд, готовый испепелить... Красиво. Мощно. До холодка, чёрт побери. Честь и слава гвардейцам-десанникам! Разведчикам... Танкистам... Много таких офицеров прошло перед моими глазами. А в бою... Там до лютого холода проберёт, если со смертью разминёшься. Идти в каппелевскую атаку с поднятым подбородком – это ж ума не иметь. Да умри ты сам сто раз, это твой выбор, но ты же солдат за собой ведёшь, целый батальон. Всех – в преисподнюю! Ты понимаешь, Глебов?

– Вы сейчас о Караулове?

– О нём. Он был отличный офицер мирного времени.

– Если вы о комбате, вопрос не ко мне. Перед Богом и перед людьми он отчитался. Я же могу только за себя и за свой взвод ответить, у меня в том бою два бойца погибло, всего – два! Кстати, потом, утром вы всех живых построили, и моих тоже, помните, и давай их гнобить и унижать, почему они выжили, когда другие погибли. Как посмели! Этот вопрос надо было мне задавать, командиру взвода, а вы жертв безответных нашли, чтобы покуражиться.

– А что должен спросить командир дивизии?..

– Страшно им было.

– Знаю. Только сопли вытирать – не моя задача...

– Спасибо, что искренне. Но вы же их в подлецы и в предатели записали.

– Ну, знаешь ли... – Генерал чуть потупился. – Когда мне доложили, что духи оружие убитых собирали, раненых добивали...

– Поле боя – не полковой плац. Каждый боец был целью. Кто мог, у кого получалось, тот отбивался. И противник у нас был настоящий – не бумажный.

– Настоящий... – Немного помедлив и явно уходя от неприятной темы, Манторов продолжил: – Вот и скажи мне по старой памяти как боевой офицер, душманы были достойным противником? Как ты их воспринимал?

– Да, чего там – однозначно – как крестьян или, как их правильно назвать, как вооружённую толпу. Приходилось общаться.

– Ну нет, ты явно их недооцениваешь.

– Бросьте вы, товарищ генерал, какие они воины? Душманы, басмачи – самое верное их название. Осторожные, хитрые, коварные – это да, местность знают.

– Но многие из них проходили подготовку в Пакистане, годами оружие из рук не выпускали.

– Не спорю, но сопротивление армии могут оказать не отдельные моджахеды с оружием, а организованные отряды. Вот на такой отряд мы и напоролись в виде исключения. Духи сильны ровно до тех пор, пока не чувствуют другую силу. Всё дело в нас, в нашей неподготовленности. Мы пришли в Афганистан выполнять миссию, охранять чужую власть и позировать перед камерами в кедах и с автоматами... Такие крутые, такие brutальные парни. Просчитались. Надо было бить заразу, раз уж пришли, огнём выжигать, может, и талибов не было бы. Перед местными племенами встал бы вопрос: с кем они? С нами – получи карт-бланш и действуй, против – получи артиллерийский залп. Разделяй и властвуй – древнее

правило, мудрое, до сих пор работает. Только всё это называется войной, да? Да. Ну, а мы что туда припёрлись: играть в пионерскую зарницу или во взрослые игры? Интересно, в Москве, в коридорах власти этот вопрос себе задавали? Нет? А вот капитану Караулову задали, духи задали, и ответить на него он не смог.

– Мы поверили в собственные доклады о том, что моджахедов в Панджшере нет, все поверили, включая командующего и московских представителей. Ну а раз духов выдавили, какого чёрта вы еле плетётесь и оглядываетесь? Резонно? Так что свой вопрос я тоже получил.

– И каков был ваш ответ, товарищ генерал? Опираясь на предписания этих представителей, вы дали команду уйти с хребта, то есть снять прикрытие, и добились своего?

– Слова нельзя выдёргивать из контекста, получается бессмыслица...

– В другом случае, может, и бессмыслица, в этом... Батальон чуть больше месяца в Афгане, чуть больше месяца на войне, да ещё измотанный до предела за последние десять суток. Это был неопытный батальон – надо называть вещи своими именами – не имевший боевой практики. Это был молодой комбат. И вы, и Соломин это понимали.

– Он комбат! Что значит, молодой?

– Вы знали, что Караулов не сможет вам перечить. Другой комбат, третий калач, на его месте мог любые реляции по радиосвязи выдавать, а поступать согласно реальной обстановке и своему военному опыту. Караулов этого драгоценного опыта не имел. И вот командир полка получает сообщение, что батальон вступил в бой, – сидит на пеньке, как перед телевизором, и ждёт, когда *наши* в конце *фильма* победят, не пытаясь повлиять на ход боя. Одним словом, плюнул на всё, пусть идёт как идёт. Вы возомнили, что с высоты вашей должности всё видно, и деликатно поинтересовались, не нужна ли помощь, чем и ограничились, а спустя годы утверждаете об ответственности каждого на своём посту.

– Я и теперь говорю, каждый командир должен быть на своём месте, отвечать за своих людей, понимать свой манёвр! Если всё это выполнить, расклад любого боя можно изменить. – Генерал поднял вопросительный взгляд на Глебова, пытаясь почувствовать, понимает ли его собеседник. – Ты знаешь, сколько у меня комбатов в дивизии? Ну да, знаешь... Не в Караулове дело, не в нём лично. Ему бы полгода повоевать, был бы у него этот опыт, согласен, был бы он лучшим комбатом дивизии. Но он стал жертвой системы...

– Кажется, наш разговор подходит к чему-то важному.

* * *

В прихожей громко хлопнула дверь, и тут же раздались и ненадолго замерли лёгкие пружинистые шаги. Глебов чуть наклонил голову, прислушиваясь, но Манторов небрежно взмахнул рукой.

– Это Дима.

Почти тут же в проёме двери показалась русая взъерошенная голова.

– Деда, привет! Я тут на дискотеку, у нас в универе... Здравсьте, – поправился он, увидев незнакомого человека. – Деда, дело есть.

– Да знаю я твои дела, говори, сколько надо?

– Ну, знаешь, – ему было неловко, и он непроизвольно понизил голос, – тысячи хватит. Но лучше две.

– На кока-колу?

– Типа того. На энергетик, на «Рэд булл», ну и на такси потом.

Манторов строго и в то же время вопросительно посмотрел на внука, молча предостерегая его от необдуманного удалства.

– Дед, да не курю я. Ты же знаешь. Преждевременный инсульт – себе дороже. И пиво не пью, чтобы за угол не бегать. Лучше уж водки стакан, – он засмеялся, с удовольствием сморщив веснушчатый нос и точно зная, что дед ему не откажет.

Отношения двух поколений были как на ладони. Внучок призывного возраста, крепкий и по всему неглупый парень, совершенно не остерегался своего строгого предка. Впрочем, это на службе он строгий, в своей стариковской жизни Манторов боялся перегнуть палку, остаться без идейного продолжения в семье. И то, что Дима – студент, у которого ветер в голове, его беспокоило, словно внучок уже в этом отдалялся от него в угоду родительским планам или просто по ходу весёлой студенческой жизни, в которой возможен любой неосторожный выбор.

– А у меня гость! – сказал дед с гордостью. – Служили в Афганистане, почитай, тридцать лет прошло, а вот приехал. – Он по-доброму посмотрел на Глебова.

– Хм, меня ещё и в проекте не было.

– Полковник Глебов. Андрей Петрович. – Глебов протянул руку, пожал ладонь мальчишки, которую тот напрягал, чтобы показать себя настоящим парнем.

– Дима. То есть, Дмитрий!

– Силён. Чем занимаешься?

– Да так, всем понемногу. Плавание, рафтинг, стрельба из пистолета.

– Дмитрий – парень правильный, толковый, вот только свободолюбивый слишком. До либерализма.

– Это нормально, дед! Сейчас другое время, все дороги открыты. Это ты динозавр, в смысле, мудрый динозавр.

– Ну что тут скажешь, теперь молодой человек волен сам определять свою судьбу, невзирая на семью, традиции, на то, что в мире происходит.

– Дед, что не так?

– Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя! Вот что не так. Это ещё Ленин сказал. Нельзя идти против течения, много ты на своей байдарке против течения пройдёшь?

– Дед, ну зачем против? Можно же поперёк. Напряжешься и вырулишь.

– Вот видишь, Андрей Петрович, как молодое племя резонирует вместо того, чтобы прислушаться к здравому смыслу. Думал, в военное училище отдать. Куда там!

- Дед, моё личное пространство – это моё личное пространство, а ты...
- Андрей Петрович – свой человек, – перебил внука Манторов. – И кстати, его жизнь многим могла бы быть примером.
- Дима, ты принципиально против службы? – вмешался Глебов, чтобы не стать объектом для изучения.
- Нет. Армия – это круто, и деда своего, Виктора Ивановича, я уважаю, но это не моё, не могу я быть частью марширующей толпы.
- А частью народа можешь?
- Есть разница?
- Вот он, эгоизм, но откуда же он взялся в семье? Служить всегда было почётно.
- Дима, а если Родина позовёт?
- Товарищи офицеры, вы меня загрузили по полной. У меня мозг дымится.
- Что? Теряешься с ответом, боец.
- Дима с улыбкой вскинул брови оттого, что этот полковник, друг деда, без колебаний возвёл его в ранг бойца, в высокий ранг.
- Если Родина-мать призовёт, то с двадцати пяти метров я не промахнусь, – сказал он тоже без колебаний и продолжил, обернувшись к деду: – Но служба – это ведь судьба? Так же? Ну, зачем мне такая судьба?
- Когда ты успел стать таким взрослым? – Манторов внимательно, с удивлением рассматривал внука, ища в нём изменения.
- Заметил? Хорошо. Дед, Андрей Петрович, вот вы Афган прошли, вы чувствуете удовлетворение? Вы хотите, чтобы я тоже свой Афган прошёл, а потом задавал себе вопрос, правильно всё там было? Нигде не перегнул, никого не подставил? Не надо, не отвечайте. Лучше я буду дома строить. Это тоже ответственность. Дом должен сто лет простоять, и в доме сто лет будут жить люди. Им будет тепло и уютно, а меня, инженера, они даже и не вспомнят. А в армии... а в армии вспомнят – накроют именной гранитной плитой и вспомнят. Вот такая дилемма.
- Дима, ты прямолинеен. Ты рисуешь мир, в котором у нас нет врагов...
- А вы их постоянно ищите...
- Дима, не доводи до абсурда!
- Так, Дмитрий. Уясни чётко, врагов искать не надо, они не прячутся, они смотрят нам прямо в глаза и ждут, когда мы дадим слабинку. – Глебов перестал быть мягким. – Или хуже того – ждут, когда мы соплю распустим. Ты должен это знать, даже если у тебя особое мнение об армии. Ну а дома тоже кто-то должен строить. Здесь ты прав.
- Глебов развёл руки, чуть растянул губы в улыбке, посмотрел одобрителем на Манторова.
- Ладно, разобрались. Пойдём на кухню, чаю выпьешь.
- Нет, не хочу. Дед, я не пацифист, чтоб ты знал, не надо меня извёсткой мазать. У меня друг на днях из армии вернулся, вместе по Чусовой несколько раз

сплавлялись, в общем, надёжный. Он на Кавказе служил. Провожали – весёлый был, заводной, анекдоты травил. Вернулся – молчит. Орден Мужества на груди, медали. За что, спрашиваю? А он молчит, молчит, и всё. Его как веслом по голове ударили.

– Что тебе сказать, внучок? – Манторов пожевал губы, помолчал. – Значит... Значит, не достоин ты его рассказа.

– Ты и правда так думаешь?

– Что я? Главное, что думает твой друг.

После того как за Димой закрылась дверь, Манторов вернулся в комнату, задумчиво рассматривая под ногами ковёр.

– Его мать, то есть моя дочь Елена, мне прямо так и сказала: ты там дел наворотил, а теперь хочешь, чтобы внук по твоим счетам отвечал. Ему припомнят. Не будет никакого военного училища! Вот так и сказала. Да что она знает?

– А Дима что знает?

– В Интернете всё есть, не спрячешь. Ни разу не спросил.

★ ★ ★

– Так, о чём мы? На чём остановились?

– Вы говорили, если бы Караулову полгода повоевать, набраться опыта...

– Да, да. Если бы набраться опыта... Я жизнь прожил и скажу тебе, что главная заповедь командира – надейся прежде всего на себя, на свои силы, всё остальное – по ситуации, как Бог положит. Не понял он этого, не успел. Мне иногда кажется, что ему просто не повезло. Ты понимаешь, что такое стечение обстоятельств? Обидно, но у нас, как национальный закон подлости – хотели как лучше, а получилось как всегда, – Манторов произнёс последние слова с горечью, и в них не было ничего смешного.

– И всё же...

Дождь давно кончился, и за окном, в которое теперь вглядывался Манторов, в свете уличных фонарей блестел мокрый асфальт. С лёгким ветерком рассеялся и туман. Он пытался мысленно увидеть внука, спешащего к своим друзьям, но тот уже и забыл про их разговор. Последняя надежда и опора. В своём прошлом опоры он не находил.

– Да, я давал команду спуститься с хребта, и для Караулова это было одним из обстоятельств... – Манторов в задумчивости, взвешивая каждое слово, вышагивал по старому туркменскому ковру, и глухое поскрипывание такой же старой половицы сопровождало его шаги. – Но я и подумать не мог, что последствия могут быть такими, что исполнение будет таким бездарным! Ты ведь помнишь, какие на Хазаре господствующие высоты и гребни? Ну и скажи, каким образом по ним могло выдвигаться прикрытие? Да, никаким. Ваша третья рота могла бы там, на удалении, выполнять самостоятельную задачу, но не связанную с долиной, то есть с прикрытием войск. Так на кой чёрт сдался этот грёбаный гребень, если рота ничего не обеспечивала? Приблизь её к себе, выдвигай вперёд, когда необходимо, прикрывайся ею. Все отданные мной распоряжения не

означают, что я гнал батальон в западню, в ловушку. Головная застава, боковая застава, интервалы между ротами и взводами, манёвр подразделениями при ввязывании в бой, применение собственных миномётов и приданной артиллерии. Разве этого мало? И тут в ходе радиообмена я узнаю, что Соломин, этот... этот недоученный танкист, умышленно или нет, саботирует мои распоряжения. Не понимает, не хочет понять, как действует пехота, когда она в пешем порядке. Ему инструкцию подай, где всё прописано! Это война, а не полигон, здесь экзамены враг принимает. А теперь развивай мысль: что мне было делать, когда я видел, что идёт целенаправленный срыв боевой задачи? Отстранить его от командования батальоном и полком я не мог, хотя с радостью сделал бы. В этой ситуации и с таким командованием мы бы ничего не выполнили. Я был вынужден давать указания через его голову и снять роту с прикрытия, чтобы она могла действовать с батальоном, а не в отрыве от батальона. Это позволило бы ускорить движение и закончить операцию в срок. И что было делать, когда батальон в тот день действовал без одной роты и взвода? Должен тебе сказать, я всё-таки надеялся, что Караулов справится с задачей, должен был справиться. Ну, хотя бы нанести превентивный удар артиллерии в наиболее узком месте? Что же он...

Генеральская бутылка коньяку уже закончилась, да и сам генерал словно выдохся, высказав, наконец, свою мысль до конца, но так и не услышав собеседника. Глебов, было, потянулся к своему походному кейсу, чтобы сменить французский коньячный букет на армянский. В это время тяжёлым гулким боем ударили настенные часы, отсекая промозглую осеннюю полночь... И он остановил себя, как будто одёрнул. Ведь что же получается? Манторов, несмотря ни на что, не хотел признавать ни своих ошибок, ни заблуждений. Твёрдо упёршись в букву устава, он, как Скобелев, был готов и дальше расходовать войска. Война всё спишет, на то она и война. Так же думал и Соломин, который два месяца назад во время их беседы был готов кого угодно признать виновным, но только не себя. Его доводы обезоруживали. *...Кто загнал батальон в ущелье, в засаду, тот пусть и отвечает. Он мне трибуналом грозил, а тут 58 погибших один к одному – и никакого трибунала. Крайнего нашли?..*

Разговор вдруг упёрся в стену, рассыпался, как песок, оборвался, оставив нелепые междометия, и уже не стало смысла искать ответ, что же на самом деле случилось в тот день на Хазаре, в горном разломе? Потерялась и сама нить... Глебов не заметил, как выпал из разговора, и не слышал слова старого генерала о том, что надо было бы ввести ещё несколько дивизий, добиться тотального превосходства, перекрыть границы... Он молчал, с отчётливым недоумением осознавая, что все... все в тот гибельный день вдруг оказались не на своих местах, все делали не то, что должны – не в этом ли и есть удар набатного колокола? Не в этом ли эффект бабочки, когда взмах её крыла отзывается ураганом на другом конце планеты? Не в этом ли эффект высоких решений, когда росчерк золотого пера через тысячи километров отзывается убийственным рокотом пулемётных очередей?..

– Я скатился тогда до грубых эмоций и всё этим испортил. Да, я грозил Соломину трибуналом, но точно также разговаривали и со мной. Соломин зата-

ил обиду, он, видишь ли, с характером, бросил вожжи и уже ничем не управлял. Демонстративно! Молодым комбатом прикрылся. На зло, из принципа! Ваш батальон ждали на Хазаре, теперь это факт, и боя было не избежать – не избежать было и потерь. Но мы так и не использовали всех наших военных возможностей. Не смогли... Ну что, Глебов, ты это хотел услышать?

– Так вы всегда знали, что произошло на самом деле?

– Ничего я не знал. Это моя рабочая версия, и все эти годы я выстраиваю в ней свой рубеж обороны. Вот только мою роль как руководителя оценивают другие. Ты своё мнение тоже высказал. И что, в мою защиту у тебя не найдётся ни одного слова?

– Почему же, найдётся. Вспомнился эпизод из того дня, правильное, из ночи. Командир дивизии, генерал, своими ногами отмеряет километры к месту гибели батальона. Не боясь испачкать сапог в грязи, в крови, не боясь увидеть плоды своего командования. Чтобы помнить эту чудовищную картину всю жизнь. Так ведь, товарищ генерал?

– Так, Андрей. Так и есть. Всю мою жизнь... Ты приезжал, чтобы услышать это от меня?

– Я хотел понять...

★ ★ ★

Подступающий сон клонил к спинке дивана седую голову генерала, когда в ночных новостях уже привычно, буднично стали рассказывать о трагическом происшествии в Афганистане. Ресницы сначала чуть вздрогнули: «А-а, *опять американцы, всё им неймётся...*». А когда сухой голос диктора за кадром произнёс: «...на авиабазе Баграм потерпел крушение...», – сна у генерала и вовсе не осталось. По экрану, по краю неба тяжёлой распластанной птицей сползал американский транспортный «Боинг-747», медленно, неотвратно... Лет двадцать назад он бы потёр руки от удовольствия видеть гибель и беспомощность подлого врага, теперь же, как после укола адреналина, он тревожно вздрогнул, привычно свёл брови у переносицы, вглядываясь в контуры такой знакомой, такой далёкой страны, в сполохи ещё одной фатальной катастрофы... «*Что поделаешь, за всё надо платить*».

Течёт речушка Хазара,
Смывает кровь с камней...

Марина КУДИМОВА

Небесная ткань чиста

Стихи

Ватники

Посылает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
Возвращались без «языка».

Не контрактники и не штатники,
Не прошедшие инструктаж,
На манер пропаганды – ватники,
Хоть обряжены в камуфляж.

Ночь не треснула перестрелкою
И с врагом не столкнула в лоб.
Ватник держит осколки мелкие,
А от крупных спасёт окоп.

По дороге от виноградника
До ближайшего блокпоста
Убедились четыре ватника,
Что небесная ткань чиста.

На лоскутья она не делится,
А поделится – вмиг сошьют.
Только шёлковой зыбью стелется,
Как спасательный парашют.

Нет у междоусобий линии,
Смерть минувшего не вернёт,
Плещаницею этой синею
Тело жёсткое обернёт.

Как здесь танки понаворочали –
И куда лежать головой?
Кровью мокнет по Новороссии
Чернозём её даровой.

Над донецкою степью пуганой
Кропивянка поёт судьбу.
Ватник пылью пропитан угольной –
Не смывается и в гробу.

Кровь пробьёт покрова холстистые,
Запечётся – не разорвут.
Это русскою реконкистою
СМИ речистые назовут.

* * *

В мае, когда высоко и грозно,
Воздух как изумруд.
В мае, когда темнеет поздно, –
Верные не умрут.

Если уж главный дурак района
Делает гордый вид,
Будто по сотовому телефону
С Родиной говорит.

Дам ему крашеного яичка,
Чёрстного кулича.
Скоро придёт моя электричка,
«Что-то-там» – встык стуча.

Что же там, что же там? Люди, люди,
Мутный родной дурак!..
Господи, пусть оно так и будет,
Пусть оно будет – так.

Сумерки эти, лихой наскальный
Аэрозольный fu...k,
Запах мускатный и звон пасхальный...
Пусть оно будет так!

Ворон, болтающий на валторне...
Я далеко живу
И на вибрирующей платформе,
Как на плоту, плыву.

Поздний сорт

1.

День праздничный, как обычный,
С обочины дух шашлычный,
То пиво, а то коньяк,
И память уходит в паблик,
Но запах тамбовских яблок
Преследует, как маньяк.

Вот краснополосный штрифель –
Верхушка черна, как грифель,
Медов и амброзен сок,
И хвостик наискосок.

Антоновка – в зиму лёжка,
Кургузая плодоножка,
Оржавленная воронка,
Мочилка на дне бочонка.

Пока не пришёл Мичурин,
Давай мы глаза прищурим,
Давай помечтаем впрок
О раннем наливе белом,
О власти души над телом,
О знании между строк.

Когда ж промычит сирена,
Отужинает конвой,
Я буду уже смиренна,
Как яблоко Симиренко
С кожуркою восковой.

2.

Яблоки ранних сортов
Чествуют в день Петров.
Где же при этом Павел?
Псих его обезглавил,

Чтоб начертал крест
Центурион Кест.
В Риме рабы спят.
Пётр кувырком распят,

Чтобы кропил нас
Яблочный летний Спас.
Но гандикап дан
Яблоку Джонатан.

Зреет оно не зря
Плотно до октября.
Бьёт, будто мяч в борт,
В дерево поздний сорт.
Панцирь его твёрд.
Скажут: La Belle Mort*...

* Красивая смерть.

Вход Господень в Иерусалим

Подъярёмная не возразит ослица,
И на муле пашущем нет вины.
Но жребятя не езженная покорится
Лишь Царю, не жаждущему войны.

Фарисей от удушья раздёрнул ворот,
Из пустыни высунулся ессей.
Так въезжал Соломон в свой царственный город
И семью в Египет вёз Моисей.

От приветственных кликов распухли глотки,
Примирилась враждующая родня.
Но о чём же плачешь Ты, Боже кроткий?
Впереди ещё целых четыре дня.

Финик машет метёлкой: ура нисану!
Шпику шпик условленный сделал жест...
А когда груднички запели осанну,
У ослёнка на холке выступил крест.

Черёмуха

Я люблю на черёмуху похолодание,
Кулича подъедание, Пасхи отдавание,

Чтоб весенний застрой был, как белой шпаклёвкой,
Гроздевидно обрызган молочной маёвкой.

За неделю предлетие сапою тихою
С пятипалой разделается засадиhoю,

После скуксится осень вдовою соломенной –
Так её скосоротит лиловой оскоминой.

Мне мила не персидская и не виргинская,
А плебейская наша, родная, суглинская,

Отражённая вовсе не в водах Потомака
Черессильная, скудная эта черёмуха.

И, едва слыша города гонку блошиную –
Далеко, невложимо в кусты черемшинные,

Засыпаю беспечно, а в комнате холодно,
И умолк соловей, нахлебавшийся солоно,

Потому что его, как дикого приёмыха,
Крупной солью вскормила глотуха-черёмуха.

Василий КРАСНОВ

«Любите родину за так...»

Стихи

* * *

За сто лет до моего рожденья,
Точно так же плыли облака.
И вишнёвых омутов круженье
Затевала сонная река.

И дубы, тогда ещё младенцы,
В час ночной, а может, поутру
Отбивали звонкие коленца
На совсем не лёгоньком ветру.

И деревни кутались в сугробы.
И на сердце руку положи,
Сторожа в церквах смотрели в оба,
Православной верой дорожа.

* * *

Как лосося на нерест, нас тянет к родимым местам –
Прикоснуться, припасть, замереть на руинах холодных.
Наяву и во сне мы тоскуем по древним холстам
Бесконечных полей и пейзажей, сегодня немодных.

Так устроена жизнь: улетев из родительских гнёзд,
Мы на годы порой забываем маршруты обратно.
Даже если тебе удалось дотянуться до звёзд,
Всё равно вспоминать о событиях детства приятно.

И не надо стыдиться, что ты появился на свет
Не в столичном роддоме, а в Богом забытой больнице.
На руках фельдшерицы, дававшей подруге совет,
Ты впервые увидел славянские русские лица.

Ты вошёл в этот мир не под рёв паровозных гудков,
А под пение трав или пляску отчаянной вьюги.
Ты озоном дышал до своих совершенных годков,
Оттого и сложился стоический, статный, упругий.

Ты родных хоронил и друзей неподкупных не раз.
Но однажды, собравшись, за счастьем уехал далече.
Ты надолго забыл вековой материнский наказ,
А теперь вот стоишь над могилой, ссутуливши плечи.

Сколько песен не пой, только душу порвёшь на куски –
Твоему уголку приговор приведён в исполнение.
Значит, век доживать свой придётся в приливах тоски,
Неуёмную жизнь принимая во всех проявлениях.

Но запомни: покуда звучит в уголке твоём речь –
Без акцента и мути, приправленный юмором говор,
Может быть, ещё можно продлить, заручиться, сберечь
Твою малую родину. Это ведь ты – её донор.

* * *

Без старинных сёл и деревень
Родина – икона без киота.
Полусгнивший сгорбленный плетень,
С ним подсолнух – шляпка набекрень.
Коль детишек подсчитать не лень,
То поймёшь, что не было им квоты.

Нынче пусто в древних деревнях,
Как и в коренных громадных сёлах.
Ни тебе – на выборы в саях,
Ни мельканья ласточек в сенях,
Ни гаданий в святочных огнях,
Ни процессий, грустных и весёлых.

Кто, скажите, в этом виноват?
Не услышишь честного ответа.
То ли век не в меру был парат –
Оттого и шёл на брата брат.
То ль идей немислимый парад
Нас довёл до окончанья света.

Ложный неуместен оптимизм.
Он – цветочек, вышитый на пальцах.
В нас почти загдох вчерашний «изм».
Лермонтовский ближе нигилизм.
И совсем уж плох патриотизм,
Из чужого высосанный палец.

✱ ✱ ✱

Четыре сезона – Евангелъе Божье –
От Марка, Матфея, Луки, Иоанна.
Стою, замерев, у земного подножья.
Пою вдохновенно планете осанну.

Сменяются дни, как в подойнике струи.
Звонят, растворяясь в неистовой пене.
И каждый сезон эксклюзивно ликует,
Подобно актёру – герою на сцене.

Хотя их границы немного условны –
Размыты, и стёрты, и непостоянны.
Они убедительны и непреклонны.
И волей Создателя все осиянны.

Четыре сезона – не стороны света –
Мне напоминают загадочный свиток,
Где в злой череде аномалий планеты
Они для вселенной почти пережиток.

Но как мне прожить без пурги, без цветенья,
Без роскоши лета, дерев позолоты?
Четыре сезона – судьбы обретенъе
Для каждого, кто не боится работы...

* * *

Казённое тепло от отопления газом.
Казарменный уют на письменном столе.
А в телеглазе некто, не моргнувший глазом,
Мне вдохновенно лжёт о рае на земле.

Очерчен круг судьбы, но виден в нём периметр.
Параметры его озвучены давно.
А в круге том рабы, а над рабами скипетр –
Такое вот у нас привычное кино.

Столетия текут, а мы, как в банке шпроты,
Уложены в ряды, и наш известен путь.
С ума сошедший мир на всех его широтах
Искрится и дымит – готовится рвануть.

* * *

Деревень штрафные роты,
Сёл штрафные батальоны...
Все мы вышли из босоты –
Разночинцев миллионы.

Из бескрайних русских весей,
Непридуманных, реальных,
Где просёлок каждый весил
Больше съездов эпохальных.

Я бы в камне высечь смело
Мог один все эти строфы,
Чтоб кому-то стало дело
До российских сёл Голгофы.

Не жилища с карт исчезли –
Стёрты души предков наших.
Опрокинутых, как кегли,
В мире не было их краше.

Только в словаре Ефрона
И других бесценных книгах
Ты отыщешь легионы
Их названий – жизни миги.

Русские печки

В печках русских огонь не горит.
Просто нет этих печек в помине.
Но притягивает, как магнит,
Их музейный, увы, колорит.
Он – упрёк нашей скучной гордыне.

Печь в России – праматерь добра.
Согревала, кормила, лечила.
Всё на ней: от утра до утра,
Как вокруг племенного костра.
Жаль, что верности не научила.

Так и видится: чудно зело
Тесто месят и хлебы ржаные
На листах на капустных – в чело –
Помещают. Давненько прошло
Время это. И печки – иные.

Деревянные кадки в углу.
В них хранили хозяйки творенья
Фунтов в двадцать по весу. Золу
Выгребали наутро. Иглу
В хлеб втыкали, коль были сомненья.

Вместе с веком ушли мастера
Дел печных, утаивши секреты.
Видно, нам приниматься пора
За науку тепла и добра –
Только, Русь деревенская, где ты?

✱ ✱ ✱

Поэзия сегодняшнего дня
Похожа на китайскую принцессу.
Не скажешь, что по виду размазня –
В ней нет огня, она, как западня.
На злобу дня – так сразу: «Чур меня!» –
Звучать не проявляет интереса.

Кто помнит школьный курс,
Тот должен знать
Судьбу наложниц царственного дома.

Конечно, знать – она и нынче знать,
Но им не суждено было познать,
Что значит по земле босым ступать.
Печальная эпохи аксиома.

Увечили их с самых юных дней.
Подробности – потребности желанья...
Поэты нынче – между двух огней.
Как их судить? Ведь каждому видней,
Что в жизни оцифрованной главней:
Первичность бытия или сознания.

* * *

Любите родину за так,
Поэты-граждане, актёры.
Не продавайтесь за пятак.
Ведь вы – по жизни волонтеры.

Любите безо всяких льгот.
Любите честно, не за званья.
Иначе не поймёт народ
В любви подкупленной признанья.

В години подлости и тьмы –
Бывают, к сожаленью, тоже, –
Свои таланты и умы
Не продавайте подороже.

Имейте смелость, господа,
Своих собратьев устыдиться,
Коль их послушная звезда
Взойдёт однажды над столицей.

Дорогой чистою, прямой,
Идите с настроеньем в ногу.
Таланту нет цены земной.
Она известна только Богу.

Не ради красного словца
Смелею на закате жизни.
Ведь славе чёрной нет конца,
Как чести, иногда, в отчизне.

* * *

При рожденье календарь от Бога
Мне вручили ангелы его:
«Пусть висит у самого порога».
Я спросил: «А больше ничего?».

Но посланцы скромно промолчали:
Мол, себе чужого не берём...
Господи, пришли их, как в начале,
С новым именным календарём!

Сергей ЧЕБОТАРЁВ

Слово на открытии памятника Г.Р. Державину в Тамбове 27 апреля 2026 года

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей.
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся,
И общей не уйдёт судьбы.*

Г.Р. Державин, 1816 год

Гавриил Романович Державин покинул Тамбов 238 лет назад. Покинул под почти всеобщее ликование. С горечью констатировал: в стане врагов оказались даже самые близкие и преданные. «Во мне нет тут никакой надобности».

Три года этот беспокойный человек будоражил размеренную и сонную жизнь Тамбова.

Привёз тексты законов, без которых здесь прекрасно обходились до него. И не только привёз, но и обеспечил их выполнение твёрдой, а главное, бескорыстной рукой. Планировал улицы и строил мосты, общественные здания и училища. Державин в Тамбове – это первые театральные постановки и первая в России провинциальная газета.

Заботился чужак-наместник о том, о чём никто до него и не помышлял: об устройении быта заключённых и душевнобольных.

Он был изгнан из Тамбова косностью и корыстью. Но пройдёт совсем немного времени, и о нём все вспомнят, даже его откровенные недруги. И поймут, кого потеряли. Ведь Державин – это прежде всего особая атмосфера, особый дух, который он привёз в провинциальный город. Дух высокой культуры, дух просвещения. Тамбов уже никогда не будет прежним. Он всё больше и больше будет становиться настоящим губернским городом.

И вот уже ближайший друг и соратник Державина епископ Феофил Раев возводит величественный ансамбль Казанского мужского монастыря – духовную и архитектурную доминанту города. Возлагает в нём руки на никому ещё не известного монаха Серафима Мошнина и отправляет его по вымощенной Державиным улице на окраину Тамбовской губернии в глухие Темниковские леса. Ему только предстоит стать светочем веры Серафимом Саровским.

Сам Державин в Царском Селе под Санкт-Петербургом возлагает свои старческие руки на молодого лицеиста Александра, которому тоже только предстоит стать светочем. Светочем литературы, солнцем русской поэзии Александром Пушкиным.

Тамбов и Санкт-Петербург. Екатерининская эпоха. Место и время силы великой страны. Всё только начинается.

* * *

Некогда изгнанный и оболганный, он сегодня с честью возвращается в Тамбов, где, по его собственным словам, «удалось сделать немало».

Добро пожаловать в свой город, пятый наместник Тамбовский, поэт и пророк Гаврила Державин. Река времён не поглотила тебя.

Открытие памятника Державину натолкнуло на идею установки ещё двух памятников выдающимся деятелям русской культуры, олицетворяющих собой очень значительные повороты в её истории. Особенно интересно, что исторически они связывают столичный Санкт-Петербург и провинциальный Тамбов. Державин и Феофил Раев, как уже было отмечено, рукоположили для России и всего мира Александра Пушкина и Серафима Саровского – двух гениев духа. Эти два имени знаменуют собой трагическое разделение русской культуры на светскую и духовную (церковную). Отныне эти пути почти не будут соприкасаться. Символично, что Пушкин и Серафим, будучи современниками, не встретились друг с другом ни в каком смысле.

Через несколько столетий пути разделённой русской культуры соединятся. Русские писатели и мыслители обратятся к духовным сокровищницам Православной Церкви. И в этом смысле символической станет встреча духовного гения, уроженца Тамбова, старца Амвросия Оптинского с гением русской литературы Фёдором Достоевским.

В период подготовки и празднования юбилея Тамбовского наместничества представляется интересной установка памятников этим выдающимся людям и этим знаковым для русской культуры явлениям.

Открытие памятника Г.Р. Державину в Тамбове. 27.04.2026 г.

Выступление В.Р. Мединского на церемонии открытия памятника

У гробницы Феофила Раева в Тамбове поставить памятник, который изображает рукоположение Серафима Саровского (на месте события). Возможен аналогичный монумент и в Царском Селе, изображающий историческую встречу Державина и Пушкина.

В селе Большая Липовица (пригород Тамбова) установить монумент, изображающий встречу Амвросия Оптинского и Фёдора Достоевского.

Памятники будут символом единства провинции и столицы, светской и духовной культуры, основанной на традиционных нравственных ценностях. Станут интересными туристическими и паломническими объектами.

Сергей КОЧУКОВ

Бег белой волчицы

Исторический роман-фэнтези

Падение будет серьёзным, она поняла это ещё в момент, когда передние ноги рыжего «Маэстро» глухо бухнулись в верхнюю часть барьера, и её вместе с конём неудержимо потянуло вниз. Она поняла, что он не сумеет выпрямить ноги до встречи их с землёй, инстинктивно сгруппировалась, ожидая падения. «Эка невидаль! Да сколько раз так вот приходилось падать и во время тренировок, и на соревнованиях... Всего и дел-то на пару синяков и ушибов». В этот раз всё было гораздо хуже. Инерция разогнавшейся спортивной лошади под семьсот килограмм весом захлестнула обоих и начала переворачивать через голову ещё до земли. А тут ещё стремя, проскочившее до самого каблука, не давало возможности высвободить правую ногу, а значит, падать придётся вместе, а не соскочить и «попахать» землю отдельно. «Сама виновата, чемпионка хренова...» – было последней мыслью. Потом был страшный удар, от которого вдруг стало темно и бесконечно тихо.

Через короткое время темень начала отступать, окружающее наполняться светом, вначале робким, размытым, а потом вдруг резко засветилось тысячами серебряных нитей. Впереди что-то сияло и играло уже не серебром, а ярко-жёлтым золотом. И это непрекращающееся ощущение полёта среди этих серебряных нитей, и стремление к тому золотому солнечному диску. «Боже мой! Кажется, именно так описывался в некоторых читаемых ранее книгах переход – перелёт от земной жизни в мир иной?» Она вдруг с немалым удивлением обнаружила, что не утратила способности чувствовать и мыслить. «Что же дальше?»

Она не сразу заметила, что в этом полёте стремительном и одновременно сладостном она не одинока – рядом с нею, развевая белые шелка грив, летят кони, все отчего-то белые, друг на друга похожие. Виктория трогала руками эти гривы, ощущая привычное тепло. Она почувствовала невероятную лёгкость во всём теле, а в душе разливалось необыкновенное благодатное спокойствие, и тихая

светлая радость переполняла её. «Как здорово, что и здесь это чудо есть – дорогие сердцу лошади!»

Додумать и домечтать Вика не успела. Раздался вдруг невероятный грохот, треск, в уши ударил давящий свист, и вой, и дикий хохот. Серебряные нити начали безжалостно рваться в клочья, коней замотало, закружило и вместе с девушкой понесло куда-то вниз, в темноту, в сторону от такого тёплого манящего золотого диска.

Неожиданно для неё последовал неприятный толчок, какой обычно бывает при неправильном приземлении после преодоления конкурного барьера. Почти одновременно она уловила, что ноги привычно и упруго упираются в стремяна, а под нею привычное спортивное седло. И... О! Боже! Под седлом любимый её «Маэстро» пластается в бешеном галопе. И копыта его стучат по самой обыкновенной земле, по уже тронутой осенней желтизной пожухлой траве, и овраги впереди, и сумрачный сосновый бор. «Дома!» – трепенулась на мгновенье мысль и замерла.

Она вновь была не одинока – рядом скакали кони. Не те самые белогривые из серебряной сказки. Скакали, загнанно хрипя, длинногривые, разномастные, захлёстанные грязью и собственной пеной лошади. А на них всадники, такие же разномастно одетые, заросшие грязным волосьём, безжалостно нахлёстывающие загнанных коней. Это была погоня. Вика поняла это, когда услышала сзади гортанные крики, звуки пугающих выстрелов. В качестве загонщиков выступал кто-то другой, а её спутникам приходилось выступать в роли гонимых. Они изредка оборачивались в седле и делали выстрелы из непонятных ружей, страшно гремящих, ещё страшнее дымящих. Втянутая в эту бешеную скачку, Вика пригнулась к гриве коня и пыталась хоть как-то, хоть что-то осознать в происходящем. Удавалось слабо, особенно после того, как её сзади на излёте, но достаточно чувствительно достала пуля преследователей. Обожгла плечо, но не более.

Впереди, всего в несколько сотен метров, гудел спасительный лес, куда из последних сил стремились гонимые. В это время ещё двоих её спутников вышибло из сёдел. Точнее, только одного. Лошадь другого то ли получила пулю, то ли просто завалилась, вконец обессилив. Соскочив с неё, он теперь беспомощно оглядывался, вытягивая из ножен саблю. Отрядец не остановился ни на секунду; может, не заметил потерь, может страх животный и стремление спастись не позволили заметить.

Викторию что-то заставило остановиться, хотя мозги вообще отказывались понимать, что за чертовщина кругом происходит. Тело подчинялось лишь инстинктам: есть реальная опасность, и её надо во что бы то ни стало избежать. «Маэстро» заплясал, закружился вокруг безлошадного. «Прыгай», – крикнула Вика и порадовалась, что того не пришлось уговаривать – вмиг оказался на крупе рыжего, за её спиной. Конь взял с места в карьер и быстро оставил погоню позади. Этим ли неказистым малорослым сивкам-буркам тягаться с ним. Он не был чистокровным, но в крови его текла и английская кровь для резвости, и ахалтекинская для неутомимости в дальних походах, и донская для выносли-

востости и неприхотливости, а его копыта крепче кремня и железные сухожилия были унаследованы от заезжего кавказца кабардинской породы. Они нагнали и вместе со своими спутниками ворвались в лес. Стремление уходящего от погони отряда именно сюда было не случайно: его встретил с десяток изготовившихся к стрельбе соратников. После первого же их залпа преследователи сочли нужным отказаться от своих намерений и круто завернули коней назад.

– Спасибо тебе, парниша, что не бросил, в долгу перед тобой теперь, – к Вике подступился невысокий, ладно скроенный парень с серо-зелёными глазами, одетый в заляпанный грязью тёмно-синий кафтан и отороченную мехом шапку такого же цвета.

– Да ты откуда взялся средь нас? Не было тебя с нами, когда уходили на Моршу, да и когда воеводины псы погоню устроили, тоже не было? Эка, братец, ты чо напялил на себя? Чо за одежа? – протянул руку к её плечу, – да ты, братец, сам ранен никак? Дай взгляну, чо там у тя.

Вика дёрнула плечом. «Сам ты на себя напялил чёрт те что. Прикид что надо, конечно, в моде, правда, лет четыреста назад был...». Мысль, что попала на съёмки какого-то исторического киносериала, Виктория отмела сразу. Книжки фэнтези про «попаданцев», которыми она в своё время зачитывалась, сделали своё дело. То, что залетела, восприняла почти спокойно. Ну не в смысле «залетела», а в смысле занесло её в далёкие прошлые времена.

– Чёрт дери, да ты девка, никак?! Ничо не пойму. Ты откуда взялась вообще? – серо-зелёные глаза спасённого, казалось, выпрыгнут из орбит от бесконечного удивления.

– Чо молчишь? Язык проглотил, или, как там тебя, проглотила? – вокруг стали собираться служилые из числа спасшихся от погони.

– Гля, Гаврила, и впрямь баба, только постриглась дура, как парень.

– Ну, точно, баба! Хоть и в портах, а не в юбке.

– А по мне так пущай, чо хошь напяливает, я куды надоть всё равно долезу. Ты, Данилка, отодвинься, не засти тут белый свет, дай посмотреть и пощупать, чо это нам привалило.

Данилка, тот самый спасённый ею парень, отодвигаться не спешил, сузив глаза и расставив ноги, демонстративно руку на рукоять сабли положил.

– Глянь на него, захапистый какой! Сам один таким добром владать хочет. Да тут всем хватит, – большинство подступивших было явно не на стороне Данилки, что, однако, не уменьшило его решимости защитить свою спасительницу.

Неожиданно голоса смолкли, и в обступивший Викторию круг вступил средних лет служилый. Его одежда и внешний вид мало отличались от остального воинства, но лицо, с заметным шрамом от левой брови почти до уха, одновременно открытое и властное. Широкие плечи, которым было тесно в кафтане, словно свитые из могучих жил сильные руки. А ещё эта скупость в движениях, в словах веских и не нуждающихся в обсуждении. Можно было не сомневаться, что именно он главный в этом воинстве.

– Посмотри, Тимофей Трофимович, што за добрая добыча у Данилки, только с братами делиться не хочет.

Главный подошёл вплотную – Данилка лишь на полшага в сторону отодвинулся – рукоятью нагайки подбородок Вики приподнял слегка. Долго в упор смотрел. Чего он там высмотрел – непонятно, только слова негромкие, но беспрекословные выдавил: «Пальцем не трогать. Данила, коли сбежит или натворит чего – головой ответишь». Все с явной досадой стали расходиться. Чуть позже к главному, одного с ним возраста и не менее солидный, длинноусый казачина подступился: «Не слишком ли рискуем, атаман? Сомнения не отпускают, не подсыл ли воеводский?»

– Воевода, лиса старая, хитёр, конечно, но девку под парня стричь и одевать – мудрёно слишком для него. Башку опять же под пули подставляла, Данилку спасая... Тут другое что-то... Вот ты, Игнатий, и присмотришь, вникни, выясни, что по чём.

– Да ты на её конягу взгляни. Таких на тыщу вёрст вокруг не найти. Я единжды чего-то подобное видал, да и то в полоне турецком. На том красавце тогда едва ли не сам султан восседал. А тут девка?! А седло, сбруя на её коняге? Тут и вовсе дело непонятное, ничего похожего у нас не встречается... Ум за ум заходит. Кто она? Поступить с нею как? – не унимался Игнатий.

– Доглядел я и конька ейного и сбрую. Вопросов поболее твоего могу задать и все неразрешимые. Тут, коли не знаешь, как поступать, вообще никак не поступай. Поторопишься – дров наломаешь. Сам видишь, не простой человечек нам встрелся – не сделать бы хуже. Поживём – увидим. А сейчас всем в седла и ходу, воеводы псы верные лишь на время утихли, новую западню готовят. На Червлёное идём, на Горелое, людей тамошних подымать на восстанье. Тамошний служилый народ дюже властью недоволен, поднеси только трут – полыхнёт, что тебе порох.

Обстоятельства погони и последующего спасения с высокого лесного кряжа¹ наблюдала одинокая волчица необычайного светло-серого окраса. Была она ещё не старой, но многоопытной; глаза отчётливо различали фигурки людей, а чуткий нос даже уловил их запахи. Она невольно тявкнула от досады, когда один из преследуемых всадников остановился и пытался спасти другого, по-видимому, раненого. Почти безошибочно представила, как сейчас их настигнет погоня, как навалятся скопом на обоих, как потянет сладковато-приторным запахом крови. Ей вспомнилось совсем недавнее, и шерсть на загривке угрожающе вздыбилась, уголки нижней губы поползли вниз, обнажая в страшном оскале зубы. Примерно в тех же самых местах, всего с год назад, их настигала охотничья облава. Нестройный ряд неутомимых мордовских лучников шёл по пятам, загоняя волчью стаю на открытую луговину, где с одной стороны почти отвесный высокий кряж, с двух других – излучина Цны-голубы. Преследователи громко кричали, оглашали лес звуками рожков и трещоток, били палками по стволам сосен. А ещё они посылали вслед серым беглецам смертоносные стрелы. Нередко эти стрелы настигали кого-то из её сородичей, и тогда он, смертельно ужаленный, начинал бешено крутиться, багряня траву, и кусты, и первый выпавший

1. Кряж – линейно вытянутая возвышенность. Кряжи возвышаются над окружающими их равнинами в виде гряды холмов и низких гор. Обычно они представляют собой остатки древних горных хребтов.

снег алой кровью. Один за другим был выбит весь её выводок сыновей-поярков, а их отец, вожак стаи, не выдержал, пошёл грудью на преследователей. Истыканный стрелами, он не закрутился на месте, а продолжал ломиться вперёд и замер лишь перед самыми ногами вожака охотников – старосты мордовской деревни.

Немало стрел летело именно в неё, и не только потому, что её светлая шерсть выделялась на ещё слабо покрытой снегом траве. Видно, кто-то из охотников уже представлял, как кинет к ногам своей любимой женщины эту необычную шкуру, отливающую серебром, с мягким, волосок к волоску ворсом.

Несколько стрел достигли и её. Одна опалила бок, вторая на излёте лишь стукнула преболно за ухо, лишила слуха на короткое время, третья, самая опасная, стрела-срезень² полоснула по ноге, едва не перерубив сухожилия. Она сумела, она смогла извернуться, обмануть преследователей, уползти самой кромкой лесного кряжа в спасительные вымоины правого берега реки. Видно, хранили её их волчьи боги, считали, что ей ещё рано заканчивать свой бег на этой земле. Бег, обречённой на одиночество, белой волчицы.

* * *

Шёл 1671 год. Край тамбовский³, дикий, малозаселённый, с лесными, порой непроходимыми дебрями, богатыми зверьём и татями-разбойниками. На Белгородской черте по крепостям и близ них в основном люд служилый: казаки, стрельцы, пушкарки, воротники от набегов татарских родной край Московию и берегущие. Беспокойный люд, воинственный, своевольный, что и не мудрено. Собирался он в годы основания Козлова с Тамбовом из людей свободных, гулящих, со всей Руси-матушки. Люд этот ещё не остыл от многолетней междоусобной резни и иностранного нашествия, эпохи, которую позже назовут Смутным временем. Отправлял молодой царь из голодной, только ещё встающей из пепла Москвы в порубежные городки-крепости особо беспокойные казачьи ватаги, наделая их землёй щедро, лишь бы не тратить казну на их содержание, лишь бы от Москвы подале. Было среди них немало, что пришли с Дона, Волги, были и черкасы³, были служилые татары, не один десяток лет Великому московскому князю служивших, было немало инородцев из числа мордвы, мещеры, черемисы.

Нелегка была жизнь в этом беспокойном, вечно полыхающем войнами, большими и малыми сражениями крае, а в последние годы и вовсе невмочь стало. Стонали служилые от бесконечных поборов своры царских дьяков, на-

2. Стрела-срезень – стрела с широким, долотообразным, иногда полукруглым наконечником. Само её название говорит о том, что эти наконечники не были предназначены для прокалывания брони. Их широкая режущая кромка имела большую поражающую способность для незащищённого доспехами воина, его лошади или зверя во время охоты. Глубокие резаные раны, которые срезень мог нанести жертве, приводили к серьёзным кровотечениям.

3. В XVII веке город Тамбов именовался Тонбовом, в XVIII веке – Танбовом, современное название впервые появилось в документах 9 декабря 1781 года, когда императрица Екатерина II узаконила это изменение, подписав документ о плане города. Для того, чтобы не создавать путаницы, мы будем использовать современное название (прим. редактора).

Так в те времена именовались запорожские казаки.

воднивших край, от обмана и неправд со стороны царских воевод, которые не только здешние города, но и по всей Руси рассматривали как вотчину, отданную им на узаконенное кормление, грабёж и правёж. А поскольку срок пребывания этих царских сатрапов на одном месте ограничивался обычно двумя годами, вот и старались они выжать невозможное, набить собственную кошницу. А ну-ка царь-батюшка в следующий раз откажет в месте, али сошлёт в места глухие, бедные. Вот и драли по три шкуры. Казнокрадство, мздоимство – вещь на Руси не новая. Да что там! Явление сие есть атрибут не только неизбежный, но, кажется, попросту необходимый для самого существования государства нашего. Никакой другой народ, кроме русского с его безграничным терпением, не мог бы выдерживать такое. И вместе с тем периодически, когда явления эти переходят некую уж вовсе заоблачную грань, наступает предел человеческому терпению, и тогда случались на земле русской народные бунты, про которые классик сказал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

На сей раз бунт вспыхнул на Дону и Волге, возглавил его Степан Разин. За несколько месяцев казацко-крестьянская война охватила обширные районы южного подбрюшья Руси, докатилась до Тамбовских земель, где нашла благодатную почву. Во главе тамбовских сторонников Разина стал Тимофей Трофимович Мещеряков, в отряд которого угораздило залететь Виктории.

Тимофей Мещеряков сам был из донских потомственных вольных казаков, всего лет пятнадцать назад, юношей вместе с отцом пришли они в Тамбов-крепость, челобитную подали с просьбой писать их в сторожевые казаки тамбовские, верстать землёй и жалованьем. Отчего тогда отец с Дону отъехал, Тимофей не знал в точности. Догадывался лишь, что строптивый, во всём искавший правду отец не поладил с казацкой старшиной, ушёл искать для себя и детей лучшей доли.

Отца уж давно нет на белом свете, а Тимофей за эти годы заматерел, опыт жизненный и воинский скопил, а хитрости и изворотливости, недюжинной силы и ума своих хватало. Теперь у воевод тамбовских уж какой год едва ли не рука правая, в числе людей начальных тамбовскими казаками руководит. Да видно от покойного батюшки дюже беспокойный характер достался, всё бы ему перечить, всё бы правды-матки добиваться. А уж с нынешним воеводой Хитрово и вовсе отношения не заладились. Был воевода стар, нерешителен, трусоват от природы, что, однако, не мешало ему грести почти всю казну под себя, голодные семьи стрельцов, казаков, пушкарей его мало волновали.

С началом выступлений тамбовского люда против властей, воевода не в шутку струхнул. В первых же челобитных царю и в Разрядный приказ, а также в письмах соседним воеводам писал в середине октября о волнениях в Тамбовском и Шацком уездах, о своём бедственном положении, слёзно просил помощи: «... Крестьяне и служилые люди завели бунт... и стали побивать всяких чинов людей и животы их грабить. И... великого государя казну... и трубы и литавры, и пистолы и карабины взяли».⁴

4. Здесь и далее курсивом приводимые выписки из подлинных архивных документов.

Перед Мещеряковым лисой юлил, заискивал, награды сулил, упрашивая того возглавить отряд воинский (по сути, карательный), унять, погасить бунт в селе Алгасово, что на севере края, на Мокше-реке.

Не внял Тимофей уговорам, посулам воеводы, пришёл с людьми своими верными в Алгасово, и не только на сторону восставших встал, но и тамошний бунт возглавил.

Пришлось воеводе самому во главе отряда верных стрельцов, пушкарей и немалым числом лёгких пушек двинуться на мятежное село. Трусил до дрожи в поджилках, переживал до тягучей боли под левым соском, а вышло всё на удивление легко и просто. Обложив село, стрельцы с пушкарями первыми же залпами разнесли в щепы и запалили несколько домов. Среди осаждённых возникли разлады. Местные повстанцы стали орать атаману, что он, Тимоха, человек пришлый, повоюет тут, поиграет сабелькой, да и подастся восвоюси. А у них воевода всё село спалит, порушит. Зима на носу, без жилья их семьям гибель верная. Доподлинно до сих пор неизвестны обстоятельства случившегося тогда в Алгасове. То ли местные жители Мещерякова выдали, то ли он сам сложил оружие, только через несколько дней был он полонён воеводой Хитрово и предстал пред ним по рукам повязанный. Вдоволь тот натешился, вдоволь налаялся, восседа на креслице, которое челядь его в обозе возила. (Надо же, как пригодились, а дорогой, тайком от хозяина, выкинуть собирались).

Хитрово ликовал, Хитрово почивал на лаврах. «Ну, кто теперь усомнится в моих несомненных полководческих талантах, в моей личной храбрости?! На Москву отписать немедленно следует, доложить царю-батюшке о победах наших». Находясь в столь благодушном настроении, воевода неожиданно для всех решил отпустить всех повязанных казаков. Что двигало тогда воеводой, не совсем ясно, особым человеколюбием он никогда не отличался. Бывало, умучивал людишек ему непокорных до смерти. Нельзя исключать, что он всё-таки побаивался Мещерякова и его головорезов. Чаял своим прощением завоевать в будущем преданность Тимофея, лично ему, воеводе Хитрово, преданность. Он заставил всех пленённых прилюдно каяться, что поддались на разинские «прелестные письма»⁵, совершили воровской умысел и вновь крест целовать на верность царю московскому. Мещеряков и его казаки не сомневались, что ждёт их долгая изнурительная дорога на Москву, а там правёж на дыбе да калёное железо. Потому легко согласились и на покаяние, и на повторную крестоцеловальную клятву, особых угрызений совести при этом, видно, не испытывали. «Подумаешь, одним грехом больше, одним меньше. Да на нас на каждом за годы этой воли казачьей, да службы собачьей, всякого рода грехов как на той самой собаке блох. Уж больно на дыбу не хочется в царских пытошных, под калёное железо его умельцев – катов».⁶

5. Прелестные – не от слова прелесть, а от слова прельщать. Подметные письма воззвания, призывающие к неповиновению и бунту, обещание устройства будущей жизни без воевод и помещиков, без царских чиновников – дьяков, с внутренним управлением в стране по примеру вольного казачества.

6. Кат – палач, пыточных дел мастер.

Вот в какую, властям непослушную, компанию занесло Викторию Рычагову, москвичку, 22-х лет от роду, серебряного призёра чемпионата Российской Федерации по современному пятиборью. Вот с кем вместе она сейчас двигалась «волчьим намётом»⁷ в сторону поценских сёл Червлёного, Горелого и других. За короткое время пребывания среди новых знакомых она в целом разобралась, что это за эпоха, каковы основные персонажи, какие события разворачиваются. Признаться, полученные познания её никак не порадовали. Вика была отличницей в школе, да и университет с красным дипломом закончила, потому хорошо помнила, чем закончится вся эта история под названием Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина.

Виктория скакала в центре группы, её нынешние соратники просто опасались, что эта непонятная особа даст дёру, а гнаться за её рыжим аргамаком – дело безнадёжное.

Скакала, предаваясь воспоминаниям о событиях мира, из которого она попала в глубь веков. Вспоминала дорогую сердцу семью. Обожаемого ею отца Александра Ивановича Рычагова, в прошлом неоднократного чемпиона СССР, пятиборца, призёра Олимпийских игр, а ныне заслуженного тренера РФ, заместителя директора школы Олимпийского резерва. Он делал всё возможное и невозможное, чтобы его старший сын Виктор, на четыре года старше Виктории, продолжил его дело, но того, парня не без способностей, совсем не прельщала ни спортивная стезя в этой дисциплине, которую ещё называют «спортом мушкетёров» (не без оснований, поскольку современное пятиборье включает в себя верховую езду, плавание, стрельбу, фехтование и лёгкую атлетику), ни возможная слава в будущем. Без труда выполнил норму кандидата в мастера спорта и подался на физмат Плехановки. В двадцать четыре защитил кандидатскую, а в прошлом году докторскую. Работал с ведущими физиками страны в престижном НИИ, и, по их убеждению, не за горами время, когда он пополнит дружные ряды академиков фундаментальной физики.

С братом её связывала искренняя любовь и настоящая дружба. Они не имели друг от друга тайн, которые порой даже от родителей скрывали. Она была уверена, что её умный брат рано или поздно станет академиком, а, чем чёрт не шутит, ещё и нобелевским лауреатом. Он не сомневался, что талантливая сестрёнка завоюет в скором времени не только кубок чемпионата мира, но и олимпийское золото. Иначе и быть не может! Не зря же называли их Виктором и Викторией – победа, победитель!

Для Виктории, в её обожании братом, считавшей его идеалом мужчины, была и негативная сторона – всё искала похожего и к своим двадцати двум так и не могла определиться в выборе. Ни один из поклонников надолго не задерживался.

Александр Иванович делал всё возможное и невозможное, чтобы дочь не стала профессиональной спортсменкой. На худой конец, выбрала иной вид спор-

7. Аллюр – ход лошади: шаг, рысь, волчий намёт (лёгкий, бесшумный галоп), широкий намёт, карьер.

та, более женский, менее травмоопасный, более престижный и оплачиваемый, и менее затратный по времени и физическим нагрузкам. Куда там?! Эта упрямая девчонка с далеко не женским крутым характером ни о чём другом и слышать не хотела. Рычагов-старший противился как мог, наконец позволил, как и старшему сыну, сделать дочери свой выбор. В последние годы стал тренировать лично. Для совершенствования навыков верховой езды и прежде всего преодоления препятствий конкурра даже поделился своими накоплениями для покупки собственной лошади, а ныне взял на себя оплату содержания «Маэстро» в конюшне в Битцах.

«Ах, папочка, родной, как же я тебе благодарна за всё. Чтобы я делала сейчас, если бы была, к примеру, выходцем не из пятиборья, а из художественной гимнастики или фигурного катания?» Виктория невольно заулыбалась от тёплых воспоминаний и невольных сравнений.

Мама, мамочка! Ольга Александровна Панкратова, выходя замуж за Рычагова, фамилию менять не стала, к тому времени уже была известной тележурналисткой-международницей. Всегда долго ожидаемая и желанная. Прилетая из очередной заграникомандировки, словно наверстать желала, одарить своих домочадцев любовью, заботой и вниманием. Какое это счастье быть вместе с бесконечно любимыми людьми. Как они там без меня? От этих воспоминаний стало грустно, на лицо вместо недавней улыбки тень набежала.

Вспомнила своего дедушку Сашу, и вновь стало на душе теплее. Проработав всю жизнь на ЗИЛе токарем, дед так сильно переживал и развал страны в 90-е, и закрытие родного завода, и крушение идеалов, которым искренне верил, что запсиховал не на шутку; метался от митингов коммунистов до пивного ларька. Угроза спиться окончательно встала реально, тем более жил один, схоронив жену лет восемь назад. Ольга Александровна не сдавалась, принимая все немыслимые меры для спасения отца. Наконец всем вместе им удалось заттащить отца на свою обширную дачу в малозаселённом, потому как дальнем, пригородном районе. Да и не дача это была, а загородный дом на краю деревни. Построил его один из порождённых переменами в стране «новых русских» в самом начале процесса «дикого накопления капитала». Капитал у хозяина, видно, прирастал действительно дикими темпами, потому и дом, хотя и резко выделялся среди деревенских домов, показался ему маловатым – продал и возвёл дворец в одном из ближайших к столице элитных посёлков.

Зять специально взял отпуск, сидел с дедом безвылазно, нагрузив его, а заодно и себя, массой нужных дел. Дед отдышался малость, в себя приходит начал по малу. Перечинил весь дачный инвентарь, которого было превеликое множество, в том числе и от старых владельцев ещё оставшийся. Дед Саша вспомнил вдруг, что родом из деревни, что в соседней Тверской области, с детства привитые навыки вспомнил: косить, копать, грести, мести. Подтрунивал над зятем, который и годился только на: «подай – принеси – пошёл на фиг...».

Прибывшие в очередные выходные дочь с внуками дачу не узнавали. «Ты вот что, профессор, раздобудь и привези непременно в следующие выходные всю вот эту приблуду. Единую систему орошения делать будем», – и дед выложил перед Виктором объёмный список с десятками различных наименований.

К концу месяца дед заявил зятю за ужином: «Ты вот что, Саша, ты поезжай домой, вижу, как ты без любимого дела вовсе замаялся. Нечего тут меня стеречь-беречь. Я тут к себе прислушался... да вроде ничего, особо не тянет, да и некогда – дел невпроворот. Так что езжай, не беспокойся. В следующий приезд не забудь книг захватить, у вас тут их не густо, да и то заумные какие-то, или не нашиенские. Что-нибудь из истории российской привези».

Очередных выходных едва дождались, волновались всё-таки, приехали в полном составе. Дед держался молодцом. Не переставал удивлять. Взялся приготовить праздничный ужин. Меню видно выбирал из своего не очень сытного детства послевоенного. Жареную картошку, заправленную луком и душистым, домашней выработки, нерафинированным то есть, подсолнечным маслом. А дальше уж вовсе кулинарный изыск в виде поджаренной на листе жести селёдки. А ещё пышки из пресного теста, опять же не в духовке, а на сковородке. Одни почти чёрные ржанные – для селёдки, другие посветлее, для холодного козьего молока.

– Где достал, где достал? Ну не на Луну же вы меня сослали. Тут, между прочим, каждые три дня автолавка продуктовая приходит, а козу соседка держит. Славная, скажу вам, женщина! – дед загадочно заулыбался. – Представляете, и соседку и её козу Зинками зовут... Смеялись от души. Одна Ольга Александровна боялась преждевременно радоваться. То ей пронырливый водитель автолавки мерещился, тайком завозящий в деревню спиртное, то местные бабки самогонщицы. Слава Богу, и эти тревоги со временем отошли в прошлое.

А дед всё не переставал удивлять. Всерьёз увлёкся историей родного края, генеалогией собственной семьи. Неоднократно выезжал в Тверь, где часами просиживал за книгами в областном архиве. Что-то выписывал – записывал и грозился удивить всех и оставить потомкам их родословную, истоки которой нашёл едва ли не во временах разорения Твери и Торжка опричным войском Ивана Грозного в 1569 году.

Именно дед, бесконечно любящий свою внучку, высказал мнение, что имечко ей подобрали в целом неплохое, но какое-то не совсем русское. Не только высказал мнение, но и переиначил по-своему – «Викуся – Маруся». Для окружающих почти незнакомое, а в узком семейном кругу довольно часто употребляемое.

Именно Марусей назвалась она, когда атаман Мещеряков спросил об имени. Посчитала, что для данного времени и места Виктория и впрямь было не привычным и не русским.

Нестерпимо захотелось домой, в тёплый кружок близких людей и круг привычных дел. Заозиралась по сторонам. «Дёргаться не стоит... Должен быть всё-таки выход... Непременно должен быть какой-то приметный знак, подсказка. Что это может быть? Да что угодно. Может, камень огромный, может, омут глубокий, может, курган древний. Всё может быть. Не пропустить только, не проглядеть знак этот заветный...».

С малыми остановками скакали уже часа четыре. Мещеряков осторожничал, часто менял направление, иногда уходя глубже в лес, где отряд переходил на

шаг и растягивался на версту лесной тропой. О своих намерениях предпочитал умалчивать, лишь отдельными делится с Игнатием Сорокой, своим есаулом. Вот и сейчас, отказавшись вдруг от намерения идти на Червлёное, приказал стать лагерем близ большой деревни Семикино, которая, как и большинство поценских сёл, располагалась на правом лесном берегу Цны. Десятки лет проживали здесь дворцовые тягловые крестьяне Верхоценской волости – вотчинной земли бабушки нынешнего царя московского инокини Марфы. С заселением края и большим оборонным строительством часть молодых крестьян записали в «салдаты», обязали нести гарнизонную службу в Тамбове и на земляном валу, позднее ещё и на Дон отправляли служить. Помимо непосильного гнёта дворцовых приказчиков, добавились ещё и тяготы службы. Роптали мужики, терпели до часу.

Не мудрено, что уже к вечеру в лагерь к Мещерякову семикинские поверенные пришли Колотнёв да Дудин. Твёрдо заверяли, что станут под его начало и знамёна, выставят войска до полутора сотен. На отсутствие настоящего оружия сетовали, имели всего лишь до двух десятков старых фитильных пищалей и примерно столько же сабель. Правда, луки со стрелами у каждого были: не зря же здесь всякий с детства зверя в лесу промышлял.

Днями позже Виктория-Маруся разглядела эти луки. Убедилась в их несовершенстве и допотопности. С тоской вспомнила, из каких довелось ей стрелять в секции лучников, куда затащила её на целых полгода одноклассница Танька Куприна. Стекловолокно, пластик, чудо инженерной мысли! Научилась, настрелялась и сбежала. Статика, а не спорт! Стой на одном месте и часами посылай стрелу за стрелой в мишень. Нет! Это не для Виктории Рычаговой. Ей движение, ей бег, скачку, полёт ей подавай.

Присмотрелась к местным лукам, сделала пару пробных, пристрелочных выстрелов, а потом с невероятной скоростью всадила в ствол засохшего ясеня все оставшиеся в колчане семь стрел. Данилка от удивления раскрыл рот, подошедшие казаки отказывались верить собственным глазам, атаман с есаулом многозначительно переглянулись, покачали головами и отошли.

– Видал, атаман, что творится. В седле словно вросшая сидит, из лука садит почище степняка-татарина. Может она от ногаев лазутчицей?

– Всё тебе, Игнатий, аманаты, лазутчики мерещатся. Ты на её мордаху взгляни, чистая девка русская, хоть и стриженная.

– А тебя, атаман, тоже не поймёшь, то сторожишься всего и вся, то беспечен не в меру. Погоди, погоди... а может, просто глянулась тебе девка? А чо, ты у нас семьёй не обременён, хоть и кобеляка тёртый. Тады хватай её да волоки хоть в кусты, хоть в шатёр атаманский.

– Да иди ты... – только и сказал Тимофей, хотя глаза, того не желая, в сторону невольно отвёл.

Маруся, к собственному удивлению, должна была признать, что местные луки не так уж несовершенны. А что касается их убойной силы, далеко до них углеволокнистым, которые только для мягких мишеней и годны. Ты поди посмотри вон, что они с этим старым ясенем сделали?! Разворотили до самой сердцевины. А ведь яшень не липа, древесина у него твердокаменная.

Попросила Данилку присмотреть ей подходящий, и чтобы непременно с запасом тетивы и стрел. Друг её (и двух суток не минуло, а сдружились незаметно. Как не сдружиться, если рядом всё время. Чего уж там? Приходится Данилку просить даже о том, чтобы постерёг её, когда она за кустики по некой надобности отлучается) ответил, немного смутившись, что оружие можно заполучить только двумя путями: добыть в бою или купить за деньги. Маруся знала, что времена и события грядут нешуточные, и не иметь хоть какого-то оружия было неосмотрительно. Убивать, калечить кого-то, да упаси Боже! И в мыслях не было. Только и вовсе безоружной быть не очень хотелось. Потому и потянула с руки серебряный браслетик с мелкими камешками, который оказался с ней в ту злополучную тренировку с падением. «Подарок брата Виктора... Не брюлики, конечно, но бижутерия самого высокого качества... Жаль, конечно...»

Вечером того же дня Мещеряков отозвал Данилку и Марусю в сторонку от лагеря.

– Завтра день воскресный, у Троицкой мужской пустыни торжище, ярмарка, стало быть. Пройдёте туда, потолкаетесь там среди люда, послушайте, об чём народ толкует, известно ли о событиях в Алгасове, Керенске, Темникове. Что об нас, на борьбу с боярами поднявшимися, толкуют. Есть ли в Троицкой Дубраве или поблизости иде царские войска. А главное, найдёте возможным тайком с отцом Ниофаном встретиться, старший он там среди монашествующей братии. Поклон от меня передадите, скажите, что со мной ныне до полтыщи оружных людей, можем ли на его поддержку помощь рассчитывать. Ещё узнайте, есть ли у него людишки верные в сёлах, что выше Тамбова по реке Цне стоят. Всё, что скажет игумен, слово в слово запомнить и мне позже передать.

– Как попасть нам туда? Конными, оружными, дело понятное, не подходит... – атаман Данилку не дослушал, пояснил веско:

– Пойдёте с Петрухой Семикиным, он завтра затемно обозцем в три подводы на торг едет. С ним разговор был уже. Его же баба одёжу вам даст подходящую. Ты, Маруся, вроде как на богомолье идёшь к святой Троице. Да помалкивай больше, уж больно говорок у тебя ненашенский. А что? Может, и впрямь за Данилкину глухонемую сестрёнку сойдёшь? – Мещеряков склонился к девушке, спросил участливо. – Не боязно ли, девонька?

– Нет, Тимофей Трофимович, особого страха нет. Может, там правительственных войск и нету совсем...

– Каких, каких войск?

– А, ну да, царских, конечно.

Как ни рано выехали, а всё ж таки припозднились. Высоко солнышко поднялось, роса высохнуть успела, торжище в самом разгаре. Нет, не шумит, а гудит. Гудит ровно и монотонно, словно рой пчелиный. Данилка идёт рядами торговыми, для него ярмарка стихия родная, словно рыба в воде себя чувствует. Дядька родной, что в Тамбове в стрелецкой службе, промыслял кожами, скупал по всей округе, затем в доме, что на Студенце, в Стрелецкой слободе, квасил, мял. Оттого и прозвище заполучил – Кожемякин. Дядька Роман добрым был и не жадным

вовсе. Единственный его недостаток – провонял своими кожами; и сам, и домо-чадцы, и весь дом на Студенце. Ну, да ничего, не велика трагедия. Вы бы вон ещё у мыловаров побывали. Вон, где запах! В семье у дядьки семеро девок и ни одного сына, вот и привечал племянника, доверял прилавок с товаром на тамбовской большой ярмарке. Имел задумку сделать его с годами своим преемником. Не вышло, не срослось – у Данилкова отца на сына свои виды были.

Шёл Данилка рядами, зубоскалил, перед молодухами бисером сыпал, с мужиками ядрёным словцом перекидывался. Ягоды, орехи лесные на вкус пробовал, Марусе отсыпал щедро.

– А, покаж, покаж свой товар, дядя. Откуда юфть, откуда кожа седельная? Почём товар? – Когда торговый человек назвал цену, даже у Данилки глаза на лоб полезли.

– А ты чего хотел? Не самоделка какая, от самого Кожемякина, с Тамбову товар, высшего сорта товар. Так что ничего не дорого, почитай себе в убыток продаю...

– От Кожемякина, это от какого? От Ивана али Селивёрста? От Ивана, говоришь? – Данилка наклонился к торговцу кожами и зашептал: – Так нет на Тамбове кожевенных дел мастеров с такими именами. Единственного Кожемякина Романом кличут, то дядька мой родной.

На лице торговца такая мина появилась, что вот-вот горячими слезами зайдётся. Маруся зажала рот ладошкой, второй рукой за живот от смеха схватилась.

– Ты, энта, ты, мил человек, ты бы... – замямлил торговец.

– Ладно, не канючь, не егози, пошутил я... Сам-то, когда в Тамбове был? Я-то давненько не бывал, чо там у нас? Новостя какие? Что воевода новый? Куды же старого дели? В кадомских лесах воровские шайки ловить? Ах ты, Господи, вот бедолага... В его-то годах по лесам злодеев излавливать. А новый воевода Пашков, это не тот ли, что при старом в его ближнем круге состоял? Он самый? Я так и думал. Кстати, что там за злодеи в кадомских и темниковских лесах объявились, что сам воевода за ними гоняется?

– Да какие там тати злодеи, – торговец на шёпот перешёл, – Людишки местные там взбунтовались. Поди, в конец народец допекли, вот и схватился за дреколье. Не мудрено, дерут вон три шкуры. Я, к примеру, пока энтот самый товар сюды довёз, ободран был словно липка. Кому только в лапу не давал, какие только напридуманные пошлины не уплатил... Будет ли конец мытарствам нашим? Мужик, понял, что в рассказах своих хватил через край, даже рукой потянулся, словно сам себе по губам нащёлкать хотел.

– Так ты будешь покупать, али нет?

– Конечно, не буду, на кой ляд он мне нужен, свово девать некуда по временам нынешним тревожным.

У коновязи один крестьянин у другого годовалую тёлку торговал, но речь не о животине шла.

– Сказывают, что с Дона, с Волги в наши места несметное войско самого

Разина движется. Али не слышал? Верные людишки сказывали, грозитя он извести под корень весь род боярский на Руси, разогнать Приказы с их дьяками-мздоимцами, великие послабления крестьянам дать.

– А у нас сказывают, и Никон, патриарх бывший с ним, к отцовой вере вновь приводить всех будут, несогласных с этим попов погонят в шею.

– По мне, что старая, что новая, не разбираюсь я в энтот. Да и не нашего это ума дело. Наше дело: поставил свечку, помолился иконам с ликами святыми, одел рубаху посконную, лапоточки новые, да вновь за сошку.

– Вы чьих будете? Монастырские? А мы из вотчин князя Черкасского. Хрен редьки не слаще. Гнут нашего брата приказные княжеские, гнут и приказные игумена, – на шёпот перешёл, – Как думаешь, подымутся ваши, коли время придёт? Говоришь, коли клич бросят, пойдут? А наши? Не знаю... Дремучи все, забиты донельзя, порой кажется, что и мозгами собственными думать разучились. И-ех!

★ ★ ★

Данилку и Марусю взяли следующим днём по полудню, когда, завершив дела, уходили опушкой леса в сторону Семикино. Налетели впятером верхами. Сбили конями на землю, повязали накрепко. Прежде чем бросить в сёдла, избili крепко Данилку, секли нагайками так, что с армячка ключья летели. Верные воеводе стрельцы, молча, ничего не допытываясь, намахавшись руками, принялись пинать ногами, норовя достать в пах, добратся зелёным сапожком до почек, печени. Данилка терпел, порой преувеличивал собственные страдания перед истязателями. «Умелые у воеводы Яшки Хитрово подручные, не с допросов начинают, а с серьёзных побоев, чтобы волю сломить, чтобы ты ещё до первого вопроса штаны от страха намочил. Хорошо, когда заранее ведаешь, что ждёт тебя, и что за чем последует. Хотя так и эдак дела хреновые. Стрельцы-то не из местных, тамбовских, на старое знакомство с которыми рассчитывать можно. Из пришлых видно, судя по выговору – москвиты коренные...».

Обида душила, и досада. А как всё здорово складывалось... Всё, о чём атаман приказал, выznали, даже с лихвой. С игуменом Неофаном встретились, недвусмысленной поддержкой восставших заручились. Смышлёный Данилка понял, однако, что старый святоша не о благе народном радеет, а лишь надеждой, что вместе с восставшими вернётся к былой власти бывший патриарх Никон, искренним и истинным сторонником которого он был.

Данилка не о себе, больше о Марусе душой болел. Знал, что может ждать его спутницу от этих зверюг воеводских.

Её пока не трогали, один из стрельцов, с изуродованной шрамом щекой, к ней повязанной по рукам и ногам, присел рядом, потянулся крючковатыми грязными пальцами под подол сарафана, пребольно щипнул за ягодицу.

– Убери лапы, сей подарок не тебе, Кирюха, воеводе предназначен. Видишь, кака девка ладная, будто не из крестьянок, а с боярского терема.

– Чо всё воеводе, да воеводе. Ему, хрычу старому, бабье племя теперя и во все ни к чему. Да и с неё, простолюдинки, не убудет, коли позабавит нас малость.

К тому ж малый наш сказывал, что глухонемая она. Так что и не заголосит на весь лес, и позже воеводе не расскажет, не пожалуется. Гы-гы.

– Поговори мне... Сказал нет, значит нет, – последние слова стрелецкого десятника прозвучали уже с меньшей уверенностью и твёрдостью. Кирюха, недовольно осклабившись, сплюнул, к соратникам присоединился, на Данилке свою досаду выместил.

Полонянников вновь в сёдла бросили, вывезли на дальние пчелиные угодья, в сараюшке, что к домику мордвина-бортника примыкал, до времени заперли.

Двоих, Кирюху включая, десятник ещё утром для доставления вестей воеводе выслал, сам же с остальными подручными всерьёз за Данилку принялся. Дошло до Кожемякина, что настоящая пытка только начинается. Ещё понял, точнее по опыту знал, что такой боли ни один смертный не выдержит, знал, что и сам рано или поздно сломается. Решил всё же терпеть, покуда сил хватит, насколько сдюжит.

Десятник умеючи на угольях пруток железный добела накаливал, к телу Данилки прикладывал, всё более болезненные места отыскивал, жёг терпеливо и немилосердно. Знал и он, что язык у пытаемого развяжется рано или поздно, вопрос во времени только. Уменье своё довелось в прошлом году в царских пытошных подвалах совершенствовать. Вот где умельцы настоящие, хорошую, хоть и не долгую, школу тогда прошёл.

Данилка дико кричал, извивался от нестерпимой боли, задышался от запаха сгоравшей собственной плоти.

Взопрел десятник, злиться начал, чертёнок этот и впрямь крепеньким оказался. Распалился донельзя, возможностью безнаказанно терзать и мучить свои жертвы распалился, возможностью дать выплеснуться грубой силе и власти.

– Волоки сюда девку. Её и впрямь не убудет. Щенок, коли и вправду ему сестра, пусть смотрит.

Сподручные ждать себя не заставили; притащили, сноровисто сарафан заодно с исподней рубахой наверх задрали, связали тугим узлом над головой с руками вместе. На некоторое время заминочка, однако, вышла. Все трое, хоть от вождения и слюна по сивым бородам бежала, на её трусики уставились. Хорошие трусики, в дорожном бутике купленные. С ярким рисунком в стиле авангарда, плотно облегавшие бёдра и ягодицы. Маруся ещё, когда в Семикино, у Петрухиной жёнки переодевалась, поняла, что этот столь необходимый элемент нижнего женского белья во временах, куда её угораздило попасть, ещё не прижился, не вошёл, так сказать, в обиход. Ещё точнее, вообще отсутствовал, как таковой. Следовать их примеру упрямая девица из двадцать первого века не считала нужным.

Оцепенение прошло, и насильники вновь накинудись на свою жертву. Десятник, чертыхаясь, разрезал не лишённые синтетики трусики, швырнул в сторону. Один из сподручных ловко подхватил их, сунул за пазуху, решив сделать подарок зазнобе своей московской, разумеется, не для натягивания на её задницу, явно не её размерчик, а непременно для украшения нагрудной части сарафана.

Что происходило далее, Маруся не видела, услышала лишь дикий рык, треск разрубаемой плоти, чей-то задушенный вскрик. Что-то горячее, как выяснилось позже кровь одного из насильников, плеснулось на голый живот. Она продолжала извиваться, всеми силами стараясь освободиться от сковывающих пут.

Не видела она, видел Данилка, ненадолго очнувшийся. Видел, как ворвавшийся в избушку атаман Мещеряков закрутил вихрем свою тяжёлую саблю, так что кровь во все стороны брызнула. Вмиг управился. Наклонился над третьим подраненным, с отрубленной кистью стрелцом, острый окровавленный клинок к горлу приставил: «Коли хочешь жить, говори кто о моих парне с девкой донёс вам?»

Вращая от боли и ужаса глазами, тот затараторил: «Служка монастырский, послушник али инок – не знаю. Зовут как, тоже не ведаю. Щербатый он, двух верхних зубов передних не достаёт. За игуменом следить воеводой подкупленный. Он и рассказал про парня и девуку, что с Ниофаном тайком встречались...»

– Щербатый, говоришь, примета знатная, найдём и имя иудино тогда узнаем. Жить, говоришь, хочешь? А кому она нужна твоя поганая жизнь, ты и сам, поди, от неё устал..., – клинок мягко прошёлся по шее неудачливого насильника, раскроив её до самых позвонков.

Лишь после этого атаман к Марусе повернулся, разрезал путы, прикрыл подвернувшейся дерюжкой. В избушку тем временем шумно ввалились Василий, родной брат Мещерякова, а с ним ещё два казака из их ватаги.

– Один управился, – не столько спрашивая, сколько констатируя факт, произнёс негромко младший из братьев.

Двое других возились с Данилкой, вновь потерявшим сознание.

– Ах душегубы, псы воеводские... Ты поглянь, ну чисто мясники. Доколе ж терпеть гнусности ваши, доколе же вы народ мытарить, умучивать будете? Пощады не ждите, не будет к вам жалости, – приговаривал седоусый казачина, в летах, пытаясь протереть смоченным лоскутом Данилкины страшные раны.

– Не управимся мы здесь, атаман. Данилку в какую ни есть деревню надо, обмыть, обиходить. Знахарку, стоящую со снадобьями. Иначе загнётся малый.

– Быть посему, Спиридон. Вот ты с Ильёй и займись этим. Тут вёрстах в десяти, двенадцати, деревенька мордовская. От моего имени к старосте обратишься, к Пенясу. Есть у него и укрыться где, и старуха-мать лекарка в округе знатная. Обустроете Данилку, в отряд возвращайся без промедленья, нужен ты мне.

Маруся пыталась привести себя в порядок. Платье, конечно, порвано местами, но терпимо. Как сказали бы здесь, срамными телесами отсвечивать не придётся. А вот до трусиков даже не коснулась: разрублены они были надвое тяжёлой атаманской саблей, вместе с грудными костями одного из стрелцов московских, пропитанные кровью, в бурые тряпки превратились. Ноги подкашивались, она сделала пару шагов в сторону атамана, на грудь ему пала. Словно плоти-

ну прорвало, рекой слёзы хлынули, крупная дрожь по телу прошла, заколотило, залихорадило. Всё сразу навалилось: и пережитый ужас, и собственное бессилие без надежд на спасение. Она пыталась вжаться в грудь своего спасителя, мокрое от слёз лицо в складках его кафтана спрятать, защиту найти в объятиях его сильных рук.

Атамана и самого потряхивало мелкой внутренней дрожью, которую всё никак не удавалось унять. Он гладил спину прижавшейся к нему девушки, касался губами её коротких и жёстких волос. О том, что избушку соратники покинули, он и не заметил.

– Не плачь, ну не плачь же... Позади всё... Слава тебе, Господи, не попустил до беды... Не отпускаю тебя одну боле, ни на шаг не отпускаю...

В какой-то миг их неудержимо потянуло друг к другу, влечение было настолько сильным и обоюдным, что сердца готовы были выскочить из груди, а дыхание стало тяжёлым, почти невыносимым.

В себя пришли тоже одновременно. Разомкнули объятия, отстранились друг от друга, засмущались собственной минутной слабости. «Что это было? Всего мгновение, а вместилось в него сколько? И отчего раньше такого никогда не бывало? А ведь был, надо себе признаться, некий, пусть и небольшой опыт общения с сильной половиной...», – думала она.

«Вот тебе раз! Это чой-то было. И энто с кем? Эх-хе-хе, казаче, ты то думал, что всё познал в своей жизни далеко небезгрешной. Поди, и не вспомнишь, когда в последний раз так-то вот сердце заходило. Ну, и ну», – думал другой.

* * *

Вернувшись в лагерь под Семикино, Маруся не узнала его: многотысячным муравейником кипел. Со всех сторон шли к Мещерякову люди. Вчера ещё безмолвные и донельзя затурканые, ныне они были полны решимости погибнуть, но смести с лица земли власть ненавистную. «А ведь так всегда на Руси было, – думалось ей, – бесконечно терпеливый народ в час, когда чаша его терпения переполнялась, через край плескалась, восставал, и тогда случался русский бунт. Так при Разине, Пугачёве было, других вождах народных. А ведь именно в этих местах уже во времена не столь отдалённые случился крестьянский бунт, который называли «Антоновщиной». О последней крестьянской войне она знала слабо, как-то не отложилось, не случилось интереса познать подробнее. Знала только, что, как и прежние крестьянские восстания, оно было с неимоверной жестокостью подавлено».

Ныне незамеченной вошла в атаманский шатёр, где Мещеряков вместе с ближним кругом решал вопросы похода на Тамбов. Глядела на ставшее с недавних пор таким родным лицо Тимофея, жалость и отчаяние обручем сдавливали сердце. Ей ли не знать, чем закончится эта война крестьянская и что ждёт её главных руководителей.

Мещеряков, казалось, щекой ощутил чей-то взгляд, выглядел её за спинами, на лбу морщины лишь на миг разгладились, улыбнулся одними уголками губ, опять же только на мгновение. Вновь над походным столом склонился.

Маруся прочь из шатра юркнула, торопливо к лесу двинулась, и только там, в одиночестве, дала слезам волю. Вспомнила, как позавчера ночью, уже за полночь, прошмыгнула в атаманский шатёр с единственным и неожиданным для себя желанием согреть, растопить лёд ожесточившегося в этой войне сердца. И любить, любить. Любить без конца и без края.

Услышала в темноте шелест вытягиваемой из ножен сабли, подала голос. Тимофей огарок свечи запалил. Взгляд его не помягчел, кажется, для себя решение он уже принял.

– Ты, Маруся, на меня зла не держи. Люба ты мне, шибко любя, да только не согреться тебе у костерка моего. Стар я для тебя, хотя и не в этом дело. Жизнь моя, сама видишь, беспокойная. Любая рядом со мной в одночасье вдовой может остаться. Без защиты и крова. А делать тебя жонкой походной, для чужих злых языков приманкой, это уж свинство с моей стороны полное. А мне честь дорога.

– Тимофей Трофимыч, Тимофей, ты не спрашивай, не смогу объяснить толком, только ведомо мне, чем вся эта война кончится. Знаю, и от этого знания сердце заходится. А может, бежать нам? Куда, куда, да разве краёв дальних мало? Да хоть на Дон, или на Урал-реку, Сибирь-матушка, ой как велика...

– Какая ещё Урал-река, что за Сибирь-матушка? А, ну понятно, на Яик-реку значит, за Каменный пояс податься. Так ведь и там не спокойно ныне. Чужие там земли, не нашенские⁸. Да и куда мне от войска? Ведь никто другой, а именно я их поднял, собрал воедино. Предательством будет с моей стороны, а нет пуще этого греха на свете.

Сейчас вот дала слезам волю, слезам отчаяния и боли, физически ощущимой боли от невозможности что-то изменить, как-то предотвратить неминуемую, надвигающуюся трагедию.

★ ★ ★

А в это время в городе-крепости Тамбов не находил себе места оставшийся за старшего воевода Еремей Пашков. Крупнотелый, рыхлый, с вечно блестящей от пота лысиной он рывками метался из угла в угол приказной избы.⁹

«Яшка Хитрово, порода лисья, вражина коварная, не зря фамилию такую носит. Ушёл в сторону Керенска али Кадома, и войско, сколь-нибудь стоящее, с собой увёл. С чем город бросил? Гарнизон – будто кот заплакал. Сам ведь в

8. В описываемые времена с завоевания Сибири Ермаком не прошло ещё и сотни лет, и край этот для рядовых жителей центральной части России был ещё мало известен.

9. Приказные избы (воеводские избы, съезжие избы), в Русском государстве в 16 – начале 18 вв. органы местной государственной власти при городских воеводах. Исполняли поручения воевод, вели делопроизводство; хранили городские печати, различные царские грамоты, копии писцовых книг и переписных книг уезда, росписи собранных налогов, именные списки служилых людей, материалы воеводского судопроизводства, описи казённого городского имущества и прочее; надзирали за деятельностью выборных должностных лиц (таможенного, кабацкого голов и др.) и органов местного самоуправления (земских изб и губных учреждений).

отписке царю-батюшке с месяц назад в челобитной отписывал Яшка, что на тамбовских служилых людей надежи никакой, у них де на Дону братья да дядья, да племянники, и многие из них у разбойника Стеньки Разина. Хорошо ему, подлому, сейчас по степям поскакивать, сабелькой помахивать. Встретил малый отряд бунтовщиков – можно и побить, большой повстречался – можно и попятиться, степь велика. А тут словно в клетке запертый, бунтовщиками обложенный. А ну, как стены не выдержат, гарнизон не сдюжит, али вовсе на сторону неприятеля переметнётся». Воеводу передёрнуло от одного воображения ворвавшихся в его палаты бунтовщиков. А тут, как на грех, жену с дочками в свои подмосковные вотчины не отправил вовремя. А ведь советовали добрые люди. Всё думал, что не дойдёт до этого, что к Тамбову подступятся. Не понаслышке знал, довелось в прежние годы видеть, что с государевыми людьми делали восставшие. Да в те годы – это так себе вспышки, восстания отдельные. Ныне-то большой пожар не на шутку разгорелся, всю Русь охватил. Вздыхал Пашков тяжело, прел от страха под тяжёлым, куницей подбитым кафтаном. Не иначе от страха животом ослабел, с утра мается.

Проходя мимо, пребольно прихватил за ухо немолодого уже подьячего, которому диктовал письмо, ткнул носом в стол, так что дополнительную кляксу на лист положил:

– Ах мать-перемать! Сколько раз говорено, пиши аккуратнее, не пачкай бумаг государевых. Ну, пиши далее: ...собрал Тимошка Мещеряков до пяти тысяч войску, в рядах которого преимущественно *«Тамбовского уезду розных сел и городовых слобод служилые люди и крестьяне окрестных деревень... воровские казаки и мятежники тамбовских сел, всяких чинов люди, идут к Тамбову большим собранием наскоро, и чаёт-де их приход к Тамбову к нынешнему числу и ночи»*.

– Теперь перепиши это письмо ещё дважды, пошлём с людьми верными, надёжными в Воронеж, Усмань, Козлов, будем просить у тамошних воевод помощи. Нам теперь только на поддержку их и рассчитывать, да уповать на Господа.

Пашков приоткрыл слюдяное окошко, воздух осенний вечно душную приказную впустил. Гонял внизу ветерок по мостовой, сложенной из сосновых плах, мусор да багряные листья лип и вязов тамбовских. С тоской подумалось: «Удружили завистники московские, нашептали царю, вот и послан был в эти места дикие, издревле разбойные. Да ещё вторым воеводой всего лишь. А ведь светилось в Муром ехать али в Вологду, города вечно сонные, и что важно – богатые дюже. Дядька вон родной, что лет пять назад в тех местах воеводил, набил мощну добрую от посулов, подарков купцов тамошних... Ох-хо-хо, не повезло-то как. Не зря места эти ещё недавно «Диким полем» звались...».

Тимофей Мещеряков вспомнился, от чего вновь передёрнуло. Не часто видеться доводилось, однако в памяти остались и глаза открытые, с насмешинкой, без тени страха и подобострастия пред людьми начальными. А ещё руки, всегда по локоть голые, неимоверно сильные, из одних, казалось, жил плетённые, в шрамах многочисленных. Немало наслышан был Еремей о воинских за-

слугах атамана, о разгромах им больших и малых татарских орд, делавших набеги на эти земли, об отбитых им русских полоняниках, о дальних походах под Воронеж, Яблонь, до самого Северского Донца. Сам видел пригоняемые им в Тамбов толпы взятых в плен татаровей, а также целые суммы дурно пахнувших ушей, побитых в сече крымцев да ногаев. Всё для Москвы, всё для отчётности. Не без горечи признать должен был воевода, что слабоват он лично перед таким супротивником, не справиться ему без помощи соседей и самой Москвы. «Авось, Бог не выдаст, свинья не съест... Надо только затянуть события, время выждать, а там глядишь и помощь поспеет...».

Прав оказался воевода: уже вечером того же дня в рано наступивших осенних сумерках вокруг города запылали костры мятежников. Их становилось всё больше и больше, а несмолкаемый гул многотысячного табора до утра не дал Пашкову, как и другим запершимся в городе его защитникам, сомкнуть глаз.

Утро, на редкость солнечное и безветренное, привело в ещё большее уныние. Восставшие обложили город плотно, без боязни попасть под ядра и пули защитников, под самые острожные стены подошли.

Мещерякову крепко задуматься пришлось. С одной стороны, войско его едва ли не втрое превосходило численность осаждённых, и штурм стал бы неминуемо победным. С другой – сжечь дотла город, где большая часть жизни прошла, и который он по-своему любил, порушить стены острога и кремля, с которых самому не раз приходилось отбиваться от набегов, было искренне жаль. А того горше: биться придётся, смертным боем биться не с басурманами какими-нибудь, а со своими, с такими же служилыми людьми, с кем не раз в прежние времена плечом к плечу стоять доводилось супротив врага. Была и ещё одна засевшая в мозгу мысль – взять город целёхоньким, с крепкими дубовыми стенами, огромным нарядом¹⁰ большой и малой артиллерии, с полными кладовыми свинца и зелья. В будущем и самому при случае в такой крепости отсидеться.

Ближе к полудню воеводе доставили письмо от мятежного атамана с предложением «...здать город без боя...», с обещанием в таком случае грабежа и насилия не чинить, город не палить, его вместе с домочадцами и всеми, не пожелавшими примкнуть к восставшим, беспрепятственно отпустить.

У струсившего до дрожи в коленях Пашкова с этим посланием махонькая надежда возродилась: «Лишь бы не штурм, лишь бы не сейчас». Не в воинских талантах, а в собственной изворотливости он никогда не сомневался. Полдня медлил, наконец передал ответ, что не вмошь ему город сдавать, поскольку он всего лишь второй воевода, и за такое самовольство царь его не пожалует. Ещё через несколько часов прислал новое письмо, в котором вроде бы и обещался сдать город без боя, но начал выдвигать некоторые дополнительные условия сдачи. Условия порой заведомо невыполнимые, а чаще выеденного яйца не стоящие. Да ведь и о них надо было договариваться. Наконец предложил Мещерякову лично явиться к нему для конкретных переговоров.

10. Наряд – принятое в допетровской Руси обозначение совокупности артиллерийских средств: орудий, зелейных (пороховых) запасов, ядер, гранат и дробовых (картечных) снарядов.

Игнатий Сорокин зубами скрипел, словами бранными лаялся: «Чего ждёшь, атаман? Запасы еды к концу подходят. Да и не было никаких запасов: налегке шли, на тамбовские кладовые надеялись. Дождёмся, когда воинство наше оголодавши по домам разбежится...» А время шло, благоприятный момент был безвозвратно упущен.

Игнатию вторил горячий, скорый на язык и на руку атаман Андрей Серебряк (всего неделю назад прибыл он в войско Мещерякова по личной указке действовавшего в рязанских землях ближайшего сподвижника Разина Кирилла Осипова): «Вон уж и козловский воевода Степан Хрущёв своих стрельцов в Челнавский городок привёл. Долго ли? Сорок вёрст всего. Навис над нами с северо-запада, того гляди в спину ударит. Ещё грозитя пожечь все сёла, что вниз по Челновой стоят, а жёнок и детей мятежников с собой в полон увести. С него станется. Сказывают, лют, собака. А из тех самых сёл в нашем войске не одна сотня наберётся». Другие атаманы – Василий Гайдук да «вдовый поп» Иван помалкивали, лишь хмурились да затылки чесали.

Днями позже по лагерю мятежников поползли слухи, что идёт от Воронежа большое войско регулярное под команду полковых воевод Бутурлина и Еропкина, со дня на день здесь будут. Мещеряков понимал, что источником слухов был сам Пашков, что сроки подхода войск из Воронежа явно преувеличены, но поделаться ничего не мог. Изменилось и поведение самого запершегося в городе воеводы; в последних посланиях он уже начал диктовать свои условия, а с подосланным стрельцом, лично знавшим Мещерякова, вообще предлагал атаману отступить от мятежа и «ни х какому воровству не приставать». В сложившихся условиях Тимофей Мещеряков посчитал нужным осаду с города снять, увести отряды на свои станы в районе Кукосовых гумен, что в двадцати вёрстах от Тамбова.

В дни осады Маруся всего несколько раз мельком виделась с атаманом, занималась вместе с примкнувшей к отряду бродячей монашкой Василисой обустройством некоего, напоминающего лазарет учреждения, чем немало подивила и Мещерякова, и его ближайших сподвижников. Дело для тех времён в привычку не вошедшее: остановить кровь из раны, наложить повязку, сшить края изувеченной плоти или вправить выбитый, вывихнутый сустав каждый служилый человек мог. При более серьёзных ранениях и необходимости более длительного лечения отправляли домой, под надзор местных знахарок. Интерес к её затее проявил лишь вдовый поп Иван. Он же подсказал, где разжиться несколькими поставами¹¹ небелёного холста для изготовления бинтов (впрочем, слово для людей тамошнего времени тоже ещё не знакомое). С отцом Иваном Маруся сошлась незаметно. Интересен ей был этот невысокий, сухонький, с тощей бородкой и добрыми, небесной сини глазами старичок. Отец Иван в атаманах лишь числился, а по сути занимался окормлением мятежного воинства, в беседах с людьми дух

11. Постав – старинная русская мера длины тканей. Поставами назывались большие куски, на которые было разрезано сукно. Длина этого куска использовалась как единица измерения, но в разных местностях была неодинаковой. Чаще всего – кусок холста, ткани, свернутый трубкой (25 аршин, или 18 метров).

их поддерживал, а ещё был мастером подготовки и распространения воззваний – «прелестных писем». За глаза Маруся прозвала его «замполитом». Когда читала его воззвания, пришла к мысли, что содержание их не так уж и отличается от каких-нибудь пропагандистских листовок времён Великой Отечественной войны, а ещё больше Гражданской.

Отец Иван едва ли не единственный чувствовал в Марусе что-то необычное, что другим неведомо было. И речь шла вовсе не об её одежде, необычном коне или странном выговоре. Священник чувствовал глубже и не раз заводил душевные беседы, пытаясь до этих глубин докопаться. Маруся безобидно для него отшучивалась, но «исповедоваться» не спешила. Хотя точно знала, что рано или поздно именно этому батюшке она и откроется. Да может ещё и Тимофею Мещерякову.

★ ★ ★

Отведя войско на Кукусовы гумна, Мещеряков частично до времени пустил его (в основном крестьян) по домам, другую же часть начал серьёзно готовить к новым боевым делам. Развил кипучую деятельность, не покидая седла, мотался по всему Тамбовскому уезду, сколачивал новые, тайные до времени отряды повстанцев, через верных людей связывался с руководителями движения в других областях. Заручился поддержкой действовавшего под Керенском атамана Михаила Харитонов, который твёрдо обещал направить ему в помощь ещё один из отрядов. Особое внимание обратил Мещеряков на противодействие засевшему в Челнавском городке козловскому воеводе Степану Хрущёву со стрельцами. Для того и отъехал с несколькими верными людьми к Лысым Горам, где по слухам подняли мятеж местные казаки. Взял с собой и Марусю.

Клокотало буйное море голов на ярмарочной площади под стенами «Красного городка» – крепости, что на «Татарском валу», на Лысых Горах. Ораторы драли глотки, сменяли друг друга на приспособленной для этих целей телеге. Некоторых, особо неугодных, говорящих не в тему всеобщему настроению, стаскивали с телеги силой. Говорил и Мещеряков, бросал слова в примолкнувшую толпу, звал постоять за правду, извести неправду бояр, воевод да дьяков, напомнил, как в прошлом году тамбовский воевода Яков Хитрово по царскому указу велел описать весь хлеб, собранный в Тамбовском уезде, обмолотить его и доставить в Тамбов, сложив в житницы и амбары «на случай прихода воинских людей»¹². Просил стеной стать, если Хрущёв с козловцами на Тамбов двинется. Главным же считал поставить во главе восставших людей в воинском деле сведущих, общему делу преданных. Своего же казачьего голову Молева, некогда поставленного над ними самой Москвой и за эти годы настолько всем опостылевшего, поспешили повесить на одинокой корявой ветле близ Круглого озера. Удалось убедить выбрать в атаманы восставших седоусого казака Кондратия Бу-

12. Вот, оказывается, кто на Тамбовщине первый в её истории продразвёрстку организовал, большевики лишь опыт переняли. Выметая у крестьян всё до зёрнышка в конце шестидесятых годов XVII века и в начале двадцатых годов века XX, и те, и другие своими действиями вынудили подняться народ на восстание.

знева, близкого знакомого Мещерякова, с которым не раз вместе «в степи воинских людей татаровой грамливали». Молодой в те времена Мещеряков не стеснялся учиться у Кондратия мастерству воинскому. Стар годами стал бывший пятидесятник, но телом и духом крепок оставался.

Другим атаманом избрали казака Калину Бочкова, того Тимофей знавал меньше, но в честности которого и готовности постоять за общее дело, не сомневался.

Маруся вперёд не лезла, стояла в стороне за спинами толпы буйной, отмечала, что и в этом воинстве нет единства, каждый на себя одеяло тянет. Вон кучкой сбились домовитые, по одежде, воинской справе заметно, свой интерес блюдут. Много не по нутру им в столь бурных событиях. «А ведь продадут они тебя, Тимоша, как только тучи нависнут, продадут непременно. Ещё и собственную выгоду с того получить постараются. И атаманов, что ты только что выдвинул, продадут тоже...», – с горечью думалось. Голытьба местная пуще других горланит, этим терять нечего. Да и они ненадёжны, не стойки, разбегутся, коли припрёт.

Вдруг неожиданно Маруся чей-то взгляд на себе почувствовала. Даже не взгляд как будто, а горячий луч щеки коснулся. На неё тут многие пялились, даже под кафтаном и надвинутой на самые брови шапкой углядеть смогли, что не парень, а девка. А вот чтобы так, чей-то взгляд коснулся – впервые. Она впиалась глазами в того человека, им оказался немолодой уже, с будто инеем тронутой окладистой бородкой, казачина. Высокий, в плечах широкий. Он не орал, как все, не размахивал руками, лишь глубокая складка меж бровей легла, да в серых глазах такая же, как у Маруси, печаль и горечь.

Не сговариваясь, они двинулись навстречу друг другу. Непонятно для самой, у девушки сердце забилось часто и неровно, из груди выскочить готовое. Встретились, молчали долго, глазами друг друга изучали. Глаза не обманешь, они, тем не менее, излучали радость от встречи двух незнакомцев. А ещё Марусе показалось, что исходит от казака такая внутренняя сила и одновременно почти родственное тепло, что хотелось, как когда-то к Мещерякову, ткнуться в грудь и укрыться там от бессилия и отчаяния. Первым казак молчание нарушил.

– Как звать-величать, девица? Из каких краёв к нам закинуло? Маруся заметила, не сказал «приехала», а именно «закинуло».

– Марусей зовут, а раньше Викой, Викторией звали.

– Красивое имя, нездешнее. Здесь я, почитай, один раньше такое слышал. Да ты не стесняйся, дочка, нутром почувствовал, что не из здешнего ты мира. Али не прав?

– Правы, – не посчитала нужным Маруся скрывать тайну перед этим человеком, – да и вы... ты, отчего-то чувствую я, не всегда здесь жили.

– Права ты, Викуся-Маруся (ну совсем как когда-то родной дедушка Саша называл, и от того слёзы сами собой из глаз потекли), – Андреем меня зовут, прозвищем, по фамилии то есть, Чибисов. Уж более двадцати лет, как здесь живу-обитаю, но мир, откуда занесло, не забыл ещё. Правда, не знаю, сколько по тамошним меркам годков пролетело.

– Дядя Андрей, да как же так? Как же нас угораздило? Так что же ты, с тех пор так и не пытался в наш мир, в наше время вернуться? И вообще можно ли перебраться обратно? А раньше ты где жил? А здесь каким же образом прижился? – засыпала Маруся вопросами собеседника.

– Вернуться, пожалуй, можно, я вот однажды возвращался даже, по первости это ещё было, да захотелось вновь здесь оказаться.

– Да как же так? У вас же там жизнь, работа, родные, близкие, друзья, наконец.

– Сразу не ответишь, а только на тот момент и здесь я столько родного и близкого оставлял, что не вернуться не мог. Ладно, «почемучка» ты эдакая, засыпала дядьку вопросами, за седмицу, за неделю, то есть, не ответишь. Пойдём домой ко мне, там поговорим неспешно (с этой «почемучкой» вспомнился отец, часто её так называвший в детстве за неуёмную любознательность, и вновь на глаза слёзы нахлынули).

– А как же они? – на мятежную толпу кивнула, – Тебе ли не знать, чем всё это кончится.

– Вот-вот, лучше бы и не знать. Оттого и сердце кровью обливается.

– А может, изменить что-то можно, с нашими-то познаниями?

– Вмешаться в ход истории, как сказали бы у вас там, у нас, то есть, невозможно. Изменить что-то – тем паче. Пробовал и я не раз. Увы! Не вышло из того толку. Разве что самых близких от неминуемой беды отвести, спасти, уберечь. Для меня вот теперь и о тебе такая же забота. Ну, пойдём, пойдём.

Маруся метнулась ненадолго к Мещерякову, предупредила, где отыскать при надобности. Вернувшись, наткнулась на внимательный и холодный взгляд Чибисова.

– Уж ты не в любовницах ли у атамана Тимошки?

– Нет, что ты. Как, наверное, у вас здесь говорят – Бог отвёл от греха. Между прочим, в том не моя заслуга, а того, кого ты Тимошкой назвал.

Андрей лицом посветлел, только и сказал: «Ну, добро», – приобнял за плечо, к дому повёл. Маруся не преминула к нему боком доверчиво прижаться. Ушли вдвоём с торжища перед крепостными стенами, что не осталось незамеченным атаманом Мещеряковым.

На пороге дома, потемневшего со временем, но до сего дня по-прежнему добротного и крепкого, встретила жена Чибисова – Алёна Кондратьевна. Наспороженно перекидывала взгляды то на мужа, то на пришедшую с ним девицу, отчего-то одетую в мужскую одежду явно с чужого плеча. Сельская жизнь, с её палящим зноем, а в другое время с ветрами и стужей (всегда на свежем воздухе, вечной горожанке Марусе ещё из тележика вспомнилось: «хорошо иметь домик в деревне»), непрерывный тяжёлый труд женщин обычно быстро старит. Не могло не коснуться это и Алёны Кондратьевны. Тем не менее, как отметила Маруся, даже сквозь сеточку морщин на лице, чуть согбенную спину и погрузневшее тело, былая стать и красота явно просматривались.

Две женщины придирчиво и ревниво рассматривали друг друга – одна с любопытством, подозревая, что именно здесь кроется тайна повторного воз-

вращения Андрея в этот мир. Другая – с некоторой тревогой: не часто мужик чужую, тем более пришлую бабу домой приводит. Одновременно кольнула под сердце боль, уж не связано ли это с некоторыми странностями мужа, с годами вроде уж и подзабытыми.

– Ну, чего на пороге застыли? Приглашай, мать, в дом гостью нашу, – проходя мимо, коснулся плеча жены ладонью. Рукой тёплой, и как всегда надёжной, отлегло малость от сердца.

Глинобитный, чисто выметенный пол, белёная печь в четверть избы, три оконца с занавесками на солнечную южную сторону, деревянная кровать с горкой подушек, полати под самым потолком и горьковато-пряный запах, исходящий от развешанных по стенам венчиков трав. Примерно такое видела Маруся в Суздале, в музее, куда брала её с собой мать, сопровождавшая группу каких-то важных иностранцев. Тогда очень понравилось, понравилось и сейчас.

Пришли две дочери Чибисовых, погодки лет четырнадцати-пятнадцати. Принялись помогать матери стол накрывать, бросали любопытные взгляды на гостью. Та отвечала им улыбкой, откровенно любовалась, до чего же пригожи и похожи были эти двое. Лица открытые, светлые, чистые, глаза серые с раскосинкой, от матери. И косы длинные светло-русые. Легко было представить, какими были их родители в молодости. И звали как-то особенно трогательно и по-былинному – Варвара и Василиса. (Буду их «Варвасей» звать, всё равно не различить их по началу. О! А это у меня уж от деда Саши привычка имена переиначивать).

– Пост ныне, скоромного у нас нет. Каша-сливуха, льняным маслом заправлена, грибков вот отведайте, груздочки солёные с лучком, жаль, что без сметанки, а только с маслом постным. Нынешнего года грибки, первую кадку открыли намедни. Вот ещё капустка с мочёным яблочком. Слава Богу, уродилось ныне и в огороде, и в саду.

– Ну, за огород, мать, девчонок наших Варвару с Василисой благодари, немало бадеек воды с реки на полив таскали.

– А то..., – не без гордости откликнулась та, и ладонь её, казалось, одновременно ласково коснулась обеих русских головок.

Маруся с удовольствием уплетала понравившуюся вкусную кашу, не забывая похрустывать груздочками. В воинском стане Мещерякова готовили грубо, пресно и не вкусно. А ещё люди страдали от недостатка соли, которой катастрофически не хватало. Маруся не могла не отметить, что в семье этой царили лад и взаимная любовь.

– А вот и Митрий к столу вовремя поспел, проходи, сынок, садись.

На пороге стоял высокий, разительно похожий на Андрея юноша. Широкие плечи и грудь норовили ставший тесным кафтан по швам подрвать. Застыл на пороге, в гостью уставился, аж рот приоткрыл. Девчонки прыснули, отец ухмыльнулся: «Что ж и такое бывает...».

– А Пронку младшенького не видел иде, Митрий? На вопрос этот тот буркнул что-то невпопад, ещё больше смутился, склонил голову над чашкой, ковырял ложкой вяло.

После обеда сидели вдвоём с хозяином в небольшом садочке на скамье, квасок холодный с погребца духмяный попивали. Говорили, наговориться не могли.

– Ну, рассказывай, Виктория, как там у вас сейчас, у нас точнее?

– Не знаю, с чего и начать.

– Как там на Кавказе, война всё идёт? Я ведь почитай прямо с той войны и попал сюда.

– Нет, дядя Андрей, война уж много лет как позади осталась, мир ныне на Кавказе. В Закавказье, правда, армяне с азербайджанцами всё никак Карабах не поделят, а у нас вроде спокойно. Случаются отдельные вылазки до сих пор не утомонившихся ваххабитов, но не часто.

– А Чечня, Чечня-то как?

– В Чечне сейчас мирно и на зависть многим богато живут. Да что там – это сейчас чуть ли не главный наш оплот в регионе. И чеченцы на нашей стороне в другой уже войне воюют. Отчаянно воюют, кстати.

– Что ты говоришь? Не подумал бы никогда. Казалось раньше, что этой лютой вражде конца краю не будет, столько людей с обеих сторон погубило. Надо же?! Спасибо, что порадовала. А что живут богато, что ж – и это чеченцы, пожалуй, заслужили. А про какую другую войну ты поминала?

– Так ты тут, дядька Андрей, совсем от жизни отстал. Ой, прости, не хотела обидеть.

– Чего там, действительно отстал, лет этак на четыреста, без малого, – засмеялся добродушно. – Ну, давай, просвещай далее.

– Так с Украиной же война, хотя зовётся всего операцией, третий год пошёл, как идёт.

– Как с Украиной? В самом деле? Охренеть – не поверить! С чего же вдруг?

– В том-то и дело, что не вдруг. Пришли к власти на Украине националисты ярые, в основном из последователей бандеровцев. Начали теснить местных русских, язык русский запрещать, церкви московского Патриархата закрывать. Ну и пошло-поехало. Русские, которые с восточных областей, и которых миллионы, на свою защиту поднялись, а украинские власти им настоящую войну устроили до полного истребления. Россия, не сразу, правда, но в стороне не осталась. Вот и заполохало всерьёз. На стороне Украины весь мир западный, на Россию окрысившийся. Оружием завалил всю страну, наёмников тьма. Так что, собственно, и не с Украиной мы воюем, а со всей Европой.

– Поверить трудно...

– Ты не думай, что я такая всезнайка и политолог известный. Всё это мне мама объясняет и рассказывает, возвращаясь из поездок, она у меня журналист-международник. А про наёмников нам в нашей спортшколе бывший наш спортсмен Жека Савельев разъяснил. Не только рассказал, но и показал изрядную стопку солдатских шевронов, которую его штурмовая группа «наколлекционировала». На каких только языках там нет надписей, каких только хвастливых, вычурных названий подразделений наёмнических нет. И на каждом крохотный,

а всё-таки национальный флаг страны, куда тело этого очередного неудачливого «солдата удачи» по принадлежности отправиться должно, точнее уже отправилось.

Чибисов мотал стриженной в кружок головой, брови хмурил, желваками играл, порой, не замечая того, зубами скрипел.

– А Жеку Савельева жаль. Он ведь без ноги с СВО вернулся. А какие надежды подавал в прошлом: уже в девятнадцать все нормативы мастера спорта выполнил. Не знаю, что толкнуло его добровольцем уйти. Когда спрашивали, что именно – отмахивался или твердил, что нам этого не понять. «Пока не понять», – поправлялся, чтобы не обидеть. А в целом он парень сильный, и не только телом. Смеялся, новым суперклассным блестящим протезом хвастался. Заявил, что теперь будет к параолимпийским играм готовиться и непременно их выиграет. Потешался над собой: «Бегают и плавают и на двух протезах. В седле мне с моей железякой и шпоры теперь не нужны: посыл, что надо будет, а стрелять... скажу вам по секрету, други мои, я там так настрелялся, что любого чемпиона мира ещё поучу».

– Ну а успехи-то, победы на чьей стороне? – не выдержал, задал главный мучающий его вопрос.

– По-разному бывало, сейчас вроде на нашей. Только не знает никто, когда и чем всё это закончится. Мама говорит, что не скоро. Когда Запад прекратит пичкать Украину оружием. А он сделает это только тогда, когда сам развалится. Там сейчас рулят такие дяди и тёти, что готовы в ущерб самим себе действовать, лишь бы России насолить. «Назло бабушке уши себе обморожу», как говорится.

– Да-а, трудно во всё это поверить, а ещё горше воспринять. Видно, России на роду так написано: каждому поколению своя война. Дед мой по материнской линии в Отечественную подо Ржевом погиб, другой дедушка до Праги дошёл. Родной брат отца, дядя Лёша, два года вертолётчиком над афганским Кандагаром летал, на мою долю Чечня выпала, довелось окропить малость горы кровушкой. Что на долю Дмитрия с Прокофием выпадет, пока не знаю, да уж и им войны не избежать. Дмитрий уже участвовал в паре стычек с крымцами. Ничо... по всему видать – справный казак будет.

– Ой, о Крыме кстати. Я же тебе главного не сказала: наш он теперь, добровольно ещё в четырнадцатом присоединился, или, как сами его жители говорят, вернулся в Россию.

– Вот и опять ты, Виктория, мне радость принесла. Много у меня с теми местами связано, я уже в здешней жизни побывал там дважды. И в Кафе – Феодосии, и в Бахчисарае, даже в зиндане ханском посидеть довелось. Не в диване ханском¹³, а в зиндане, в тюрьме то есть. Перед мысленным взором вереницей прошли лица тогдашних его спутников: атамана Долгого, главы посольства Простева, Четыры, Володьки Рябого, Курпяя, других казаков.

13. Диван – государственный совет Крымского ханства, высший орган власти, который объединял функции исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. В его состав входили: хан, муфтий, калга, нуреддин, беи, визирь, кадиаскер, казнадар-баши, дефтердар-баши и другие высокопоставленные лица.

– Крым сейчас не узнать. Были мы там с отцом в прошлом году, неделю в Судаке отдыхали. Дорог там везде понастроили – не хуже европейских автобанов. А от Керчи до Тамани мост возвели, это вообще сооружение уникальное и по огромности своей, и по красоте.

– Надо же, а я едва ли не в первый год своей здесь жизни проплывал через пролив Керченский, на турецкой галере-каторге шли из Азова в Кафу.

– К сожалению, и там не всегда спокойно, случаются прилёты, или ракетами, или беспилотниками атакуют. На Керченский мост уж не раз покушались.

– Что ещё за беспилотники?

– Это ныне едва ли не главное оружие. Вертолётники этикие маленькие на батарейках, а управляют ими с земли, за много километров. Электроникой напичканы и, конечно, взрывчаткой. И спастись от них возможностей не много.

– Чудно, в мои времена о таком и подумать не могли. Говоришь, что весь Запад против нас поднялся. Это не ново. Здесь вот тоже самое, нет покоя от Польши, от Швеции, Ватикан, Вена свои хитрые сети плетут. С юга Порты Оттоманская никак не успокоится. Всем им Россия словно кость в горле. А что, Виктория, неужели нет у нас там союзников, неужто не от кого нет поддержки?

– Отчего же, есть и сейчас те, что в добрых с нами отношениях. Китай, Индия, Бразилия, много других стран. А ещё Северная Корея. Та вообще свои войска направляла, когда украинские войска в Курскую область вторглись, и помогли, говорят, неплохо.

– Что, неужели и на нашей территории война шла? Ну, а про Северную Корею вообще чудно, в моё-то время мы к ней как-то без большой приязни относились. Что поделаешь – меняются времена.

– Китай в наше время вообще впереди планеты всей. Не воюет, а всех под себя мнёт экономикой. Индия в число сильнейших мира всего вошла. Население опять же в этих странах миллиардное. Арабы потихоньку в нашу сторону смотреть начали. Другие страны в Азии, Африке, Латинской Америке. При таком раскладе бывшее могущество Запада и Штатов шатается уже.

– Ну вот, а говорила, что не политолог..., разложила всё по полочкам.

– Друзья, союзники – это, конечно, хорошо. Да ведь ты, дядя Андрей, должен помнить, как кто-то из царей русских сказал: «У России только два союзника – её армия и флот». Вот в этом и вся суть. Знал бы, как вся страна поднялась. Наверное, нет ни одного народа, национальности российской, где бы не было Героев России. Якуты, буряты, башкиры с татарами. Про чеченцев говорила уже, дагестанские народы, даже самых малых народностей представители, – запальчиво, с нахлынувшей гордостью говорила Маруся.

– Опять порадовала, вот это по-нашенски. Слушай, неужто все заедино?

– Не обошлось без людей несогласных, в основном по первости, на Запад бежали, оттуда на Россию помои лили. Только все говорят, что с их отъездом в стране нашей чище стало.

– А как же, без таких отщепенцев во все времена не обходилось. Да наговорила ты мне, дочка, новостей, за неделю не переварить. Есть о чём поразмыслить, поразмыслить.

Мимо за плетнём проследовала группа служилых, громко галдящих, спорящих. Видно, сходка под стенами крепости закончилась. Из-за сараюшки стук топора раздавался. Там Дмитрий дрова колол, уж не первый час, не прерываясь.

Пришла Алёна Кондратьевна, подсела, но, видя, что оживлённый разговор мужа с гостьей прекратился, хмыкнула, не скрывая недовольства, в избу вернулась. Младший из сыновей, Пронка, вернулся, оказывается, с утра в реке рыбу удил. Сел, начал открыто и беззастенчиво Марусю разглядывать. Был скуласт, губаст, вихраст, ещё с детской угловатостью в фигуре и движениях, одновременно чем-то неуловимо похожим на отца и старшего брата.

– Ну, что, Прокофий, как улов ныне?

– Не важнецкий, батянь. Хорошо хоть в норётах¹⁴ попало малость, – показал прикрытых лопушками подъязков на дне корзины. Позднее Чибисов расскажет Марусе, что назвал своего младшего сына в честь лучшего друга и названного здешнего брата Прокофия, в год рождения последыша, погибшего в одном из походов за Северский Донец. По рассказам очевидцев, принявшего смерть в бою мужественно и красиво. Оказывается, и смерть может выглядеть красивой.

Дмитрий вышел из-за сараюшки, стал у колодца водой обливаться. Это в конце октября-то, Маруся невольно поёжилась. Загляделась на парня. Был он идеально сложен, всё его тело, без капли жирка, иных изъянов, дышало природной силой и здоровьем. Даже плескаясь у колодца, он не делал ни одного лишнего движения, и именно эта экономия в движениях была по достоинству оценена профессиональной спортсменкой Викторией Рочеговой. Не могла не сравнить его со своими сверстниками, которые, за исключением спортсменов, разумеется, отличались заплывшими шеями и плечами, уже в восемнадцать щеголявшими солидными животами. Или, наоборот, тощими до неприличия, с неразвитыми руками и сколиозными спинами.

Девчонки вынесли Дмитрию полотенце, когда только и успели заметить, что их помощь требуется. Одна даже заботливо спину вытерла братцу. Тот наклонился, что-то нашептал им весёлое, прыснули смехом.

– Что, нравится парень? – лукавство и гордость в вопросе Андрея прозвучали.

– Да, – Маруся даже отнекиваться не стала.

– Ну вот. Нынче понравится, завтра полюбится. А что я даже очень не против, если ещё одна дочка в доме моём появится.

– Скажете тоже, дядя Андрей, – сама зарделась невольно.

– Только имей в виду, Виктория, он у нас навроде как с чудинкой парень.

– Почто так?

– Да на звёзды часто смотрит, засматривается. Таких во все времена чудными считали.

– И ничего в том нет особенного, я вот тоже люблю на звёзды смотреть, – прозвучало как заступничество с её стороны.

14. Норето – рыболовная снасть в виде корзины, сплетённой из ивовых прутьев, забрасываемая в воду. Устроена так, что заплывшая туда на приманку рыба, обратно выйти практически не может.

– Это ещё не всё, он ещё и малюет у нас. По понятиям здешнего мира этим только ущербным монахам в монастырях пристало заниматься. А тут воин прирождённый и какие-то художества.

– Что же плохого в этом? – Маруся вновь на защиту парня поднялась. – Слава Богу, что из него не солдафон какой-то получается, а человек с высоким и тонким художественным вкусом.

– Ух ты, я от таких слов и отвык уже, Виктория, – в общении наедине Чибисов подчёркнуто продолжал называть её прежним именем. – Я согласен, в целом. Он вот недавно икону Пресвятой Богородицы на доске написал, её наш нынешний батюшка, отец Александр, даже в Тамбов, в Трегуляевский монастырь возил, освящал, архиепископу Тамбовскому и Шацкому показывал, ныне она в церкви нашей Михаилоархангельской. А до того всё лето из цветов, листьев, кореньев краски натирали. Масла истратил прорву: и льняного, и конопляного, и подсолнечного.

– Долго мы ту иконку всем семейством рассматривали, и все пришли к выводу, что какими-то отдельными чёрточками, едва заметными, Богородица митриева на его собственную мать смахивает, на Кондратьевну, то есть. Ей, кстати, единственной, именно это сходство не показалось.

– Ну, вот видите, это же талант несомненный, – запальчиво подчёркивала Маруся, как нечто уже своё личное. – Ему непременно учиться надо...

– На землю вернись, Виктория. Какая учёба, где? В Академии художеств? Так её нет ещё. Представляешь! И Питера пока ещё тоже нет. Москва твоя есть, только без университета. Какое там! Михайло Ломоносов и тот ещё вряд ли родился.

– Ну, так Рублёв-то уже есть, был, точнее, – не сдавалась.

– Сказанула тоже... Рублёв. Ну, да ладно, иконы. Он ведь и другое малюет. Намедни вообще что-то непонятное изобразил; на клочке высушенной кожи небо звёздное, круги и нити какие-то серебряные, и человечки вверх тормашками летают. А самое странное, что одежды на них для мира сего необычные. Где? Ну скажи, где он такое подсмотреть смог?

Марусю невольно передёрнуло, вспомнила свой полёт с серебряными струнами и конями белогривыми. – Наверное, ему, как художнику, воображение подсказало.

– Вот и я говорю, с чудинкой парень. Люблю его шибко и переживаю одновременно.

★ ★ ★

Пока Чибисов со своей гостьей на скамейке под яблоней беседу вели, в буреломной чаще Лысогорского заповедного леса прилегла белая волчица. Ввалившиеся бока, алый язык, с которого стекала слюна, и мокрая в грязных потёках шерсть, далеко не белого сейчас цвета. Для чего она проделала стовёрстый путь, продираясь сквозь завалы гнилых деревьев, для чего переплывала лесные ручьи, обходила болота непроходимые, она не знала и не задумывалась над тем.

Инстинкт сорвал её с родных привычных мест и, стегая в спину, гнал и гнал вперёд. Знала точно только одно, что бежит кого-то спасать, детей каких-то спасать. Своих ли, чужих...

* * *

Третьего дня в «Красный городок» к Мещерякову прискакал человек его доверенный, казак Трегуб, что был его лазутчиком в Челнавском острожке, донёс вести важные, вместе с тем тревожные. Стрельцы челнавские от поддержки восстания уклонились, опасаясь крутого нрава козловского воеводы Хрущёва. Опасались не беспочвенно, обещал Степашка пожечь дотла дома их, а баб и ребятёнков татарам продать, коли поверят прелестным грамоткам разинским, примкнут к бунту. Знали, хитрый и беспощадный воевода слов на ветер не бросает.

На челнавских стрельцов Мещеряков надежду имел, их бунтарский дух в виду имея. И двадцати лет не минуло, когда они открыто поднялись против неправд тогдашнего воеводы козловского Романа Боборыкина. И ведь добились своего, вместе со служилыми людьми Козлова и Бельского городка, вынуждена была убрать Москва ненавистного им воеводу. «Что ж, ныне с вами стало, служилые?»

Хрущёв привёл с собой до шестисот стрельцов, среди которых большинство не местные, а Москвой присланные, жадные до добычи, на местный люд с его проблемами с высока взиравшие. Имелись среди челнавцев и те, чьи симпатии на стороне восставших были, они-то и сообщили Трегубу, сколько войска из Козлова и городка Бельского с Хрущёвым прибыло, что оружны они и обучены изрядно. При них пушек семь, ядер и зелья в достатке. Передали также, что большинство из местных на рожон не полезут, головы класть под пули восставших поостерегутся. Ну, а там, чья сторона верх возьмёт, могут и к Мещерякову переметнуться. Тимофей вновь зубами заскрипел, на шибко осторожных стрельцов негодуя. Днём позже сведения Трегуба о делах челнавских подтвердил казачок молодой из бывших тягловых крестьян села Троицкой Вихляйки, в служилое состояние лет двадцать назад повёрстанных.

– Добрые вести, аль не очень, а наградить соглядатаев-лазутчиков наших следовало бы. Ты как, Кондрат Маркович?

– Найдём. Отчего ж не одарить. Думаю, по кафтану, да деньгой рубля по три – достатошно будет. Помолчав немного, продолжил: – Мои люди ноне двоих посыльных самого Хрущёва взяли. Допросить довелось.

– Удалось что новое узнать?

– А куды они денутся. Разговорились, ещё железо в горне покраснеть не успело. Поведали, что Хрущ намерен с осаждёнными тамбовцами связаться, о совместных действиях договориться. Ещё сказали, что на выручку Тамбову драгунский полк движется, под командой какого-то немца. Да они фамилию его не запомнили. Как мыслишь, атаман, коли соберутся они все вместе, туговато нам придётся.

– Согласен, Кондратий, и начинать с Хруща надо, который под боком, словно чирьяк на причинном месте. Дозволить ему на помощь тамбовцам про-

рваться, это всё наше дело сгубить. Собирай всю старшину нашу, потолкуем и за дело. От тебя, Маркович, поддержки жду, неча здесь рассусоливать, есть у нас до этого охотники...

Того же дня вечером Тимофей Мещеряков лично выезжал к месту предполагаемой переправы козловцев на Тамбовскую сторону. Уезды Козловский и Тамбовский, а ныне два войска разделяла Челновая, в том месте достаточно широкая и глубоководная. Смотрел на супротивный берег, в замыслы воеводы Хрущёва проникнуть силился. «А замыслы твои, Хрущ, не шибко хитроумные. Переправляться в районе Круглого озера, ввиду пушек «Красного городка», на пролом лезть, ты, понятное дело, поостережешься. Переправишься ниже по течению, да и наплавные мосты, в камышах упрятанные, у челнавцев завсегда были. По всему видно, пойдёшь меж рекой и лесом, вот этой самой пойменной луговиной. Не иначе, мыслишь ты, нас в крепости запереть, а основными силами на Тамбов двинуться. А можешь и не брать «Красный городок» в осаду, а после переправы весь лес заповедный пересечь и опять же напрямик к Тамбову поспешать. А просек через лес прорубленных, наезженных в этих местах предостаточно. Извечно челнавцы в этих местах способом хищным и незаконным лес рубят. Вот и мосты наплавные для этих целей держат. Оттого и тяжба извечная, с самого начала строительства Козлова и Тамбова, меж их воеводами тянется. Царя-батюшку челобитными на сей счёт заваливают. А значит, каким бы из двух путей не двинулся Хрущёв, встречать его здесь следует, на этой вот луговине пойменной, сразу после переправы, не дав развернуться. А до того в лесу укрыться и к высокому заросшему кустарником берегу успеть пушки подтянуть».

* * *

О начале переправы стрельцов дозорные вовремя упредили, но по приказу Мещерякова им не препятствовали.

– Чего медлишь, атаман? Ждёшь, когда они всей сворой на нашем берегу соберутся? – спрашивал нетерпеливо Игнатий, друг испытанный и верный.

– Нет, жду, когда они последнюю из приготовленных пушек перевезут... Ну вот, кажись, и все... теперь командуй вперёд.

С правого крутого берега одновременно ударили пушки, больше для сигнала к атаке, чем для поражения. И тотчас с этих бугров, набирая разбег, дружно и с рёвом повалила пешая масса. Ударила в не успевших построиться для боя краснокафтанников, смяла тех, кто первым на пути встал, брызнула первая кровушка. Оттеснили, почитай, к самому берегу. Удалось две пушки захватить, перебив и разогнав их прислугу.

Воевода козловский знал, конечно, что в лесу на правом берегу соглядатаи бунтовщиков шастают, что переправа его не окажется незамеченной, не станет внезапной, но того, что к встрече с ним будут настолько готовы, и предположить не мог. Взвыл воевода от досады, в седле заёрзал, задёргался, наблюдая, как его пушки увлакивают в лес бунтовщики, на свой берег заозирался, как дёру ловчее дать.

Ничего путного Хрущёв придумать был не в состоянии. Сами стрельцы, к реке прижатые, постепенно в себя стали приходить. Вначале кучками, а потом, под рыки людей своих начальных, – вставать в единую стену и ошетиливаться бердышами. Дисциплина и выучка свою роль играла, ну и расторопность командиров. За первым рядом сразу второй встал, незамедлительно занялся зарядкой ружей замковых, недавно на вооружение поступивших. А за этой живой стеной и пушкари опаматовались, забегали, засуетились возле орудий своих. Установили, зарядили, запальники подожгли и приготовили. Первым же дружным залпом свалило наземь наиболее рьяных из числа нападавших. Гулкие выстрелы пушек окрестность огласили, ядра через головы стрельцов в бугры ударили. Особого урона не принесли, а грохот и несколько искалеченных тел с бугров свалившихся, впечатление произвели. Первыми примкнувшие к восстанию местные крестьяне к спасительному лесу прыгнули, за ними и служилые попятились. Не так резво, не оставляя раненых, – назад тем не менее.

Стрельцы дальше подножия бугров тоже не пошли, откатились на середину луговины, где и стали без помех бунтовщиков, по всем правилам воинским свою оборону крепить, налаживать. Всё это происходило не по воле отца-воеводы, явно перетрухнувшего и на разумные действия не способного, а стараниями стрелецких пятидесятников и сотников, годами накопленного ими опыта, как в любой брани жизнь сохранить и в победители выйти. (О победе – это уж как Бог пошлёт, заранее о ней лучше не загадывать).

Пройдёт совсем немного времени, и за пережитый страх, за проявленные ныне свою неуверенность, неспособность влиять на ход боя, Степан Хрущёв с лысогогорцами сполна расквитается. Всё им припомнит, когда, поддержанный полками драгунскими и рейтарскими полковника Ульфа и воеводы Бутурлина, войдёт в поверженные их городки. Насладит сполна свой слух воем истязаемых, под батоги пущенных мужчин, от мала до велика. Даст волю стрельцам московским безнаказанно животы (имущество) их грабить. Молодых жёнок бунтовщиков да девок, словно басурманин какой, будет полонить и гнать скопом в поместья дворян козловских, в первую очередь в свои вотчины, где силком венчать, выдавать замуж за крепостных своих. Их – исконных вольных беломестных казачек в холопья переводить. А пушки чугунные да медные с крепостиц лысогогорских Степашка снять прикажет и отправит их в Козлов да в городок Бельский, они де там ему нужнее. Стоном земля наполнится, слезами умоется, челобитные о бесчинствах хрущёвских в Москву полетят. Царь-батюшка, в отличие от воеводы своего, на Козлов отправленного, был мужем дальновидным, о государевом деле пёкся достаточно. Указал пушки и баб домой возвернуть, незадачливого воеводу с Козлова снять, пусть пока на Москве, в «лезерве» посидит. Издавая свои указы о примерном наказании бунтовщиков, царь строго предупреждал, чтобы ему подверглись только «заводчики» (зачинщики) восстания, а с рядовыми участниками ограничиться приведением к повторной крестоцеловальной присяге. Понимал мудрый царь-батюшка, что негоже этот и без того малонаселённый край обезлюдить – кто-то ведь должен на валах и в крепостях службу нести. Убеждался не раз,

что наряду с духом бунтарским служилый люд земель украинских воевать умел и дело своё по защите Московии от степи вечно голодной исправно сполнял.

Но всё это произойдёт через месяц-другой, и далеко не всем нашим героям об этом узнать доведётся.

Маруся все эти перипетии сражения с высоких бугров наблюдала, седла не покидая. Рядом, держа в поводу лошадей, Пронка, сын Андреев, губы кусал, трясся от нетерпения. Строго наказал атаман не ввязываться в сечу и бугров не покидать, такой же приказ и от дядьки Андрея был. Да и у самой, в отличие от Прокофия, особого желания ввязываться в эту бойню не возникало. Видела, что бой не на шутку разыгрался: схваченная утренним морозцем зелень луговины багровым окрасилась. Вместе с тем не могла не заметить, что периодические стычки, столкновения словно маятник раскачивались; дружный наскок повстанцев заканчивался не менее дружным отпором стрельцов. И так раз за разом. Заметила, что с первым ожесточением сражавшихся приходило некоторое успокоение супротивников. Каждая из сторон больше о собственном сохранении думала, а не о нанесении окончательного разгрома. Особенно этим челнавские стрельцы да казаки лысогорские отличались. Что есть мочи драли глотки, саблями, бердышами угрожали, да редко пускали их в дело. Да и как иначе, коли среди супротивников знакомцы старые, с которыми ты не просто знаешься, а не первый год, и не один раз плечом к плечу очередные набег татаровой отражал, свою и чужую кровушку проливал, а потом друг дружке рваные раны перевязывал. Большую активность прибывшие с той и другой стороны показывали. Им-то что – никому не обязаны, дружбой, кумовством не повязаны.

Неотрывно следила Маруся за «своими». Углядела, как дядька Андрей с Дмитрием бились, а со спины их прикрывали сыновья Прокофьевы, Василий с Герасимом. Дмитрий левой рукой хоругвь стрелецкую отбитую по земле волок. Те, в свою очередь, этого допустить никак не могли, навалились едва ли не десятком, оттесняли постепенно в сторону от общего боя. Становилось совсем туго.

Не раздумывая долго, она рванула с кручи, на ходу из налучи мордовский лук вытянула, первую стрелу из тула достала. Картинно выглядело, как за спинами казаков из одного края в другой налётом бешеным могучий рыжий конь несётся, а голова юного всадника, к конской шее припавшего, золотой гривой полуприкрыта. И те, и другие, заворожённые зрелищем, даже рубку на время оставили. По команде всадницы «Маэстро» как вкопанный стал, и три стрелы марусины в смертельный полёт снялись с тетивы. Когда первая цели достигла, остальные в полёте были. Трёх стрельцов, как ветром на землю бросило, остальные поспешили ретироваться. Спасла, одним словом, близких своих, за что получила восторженный взгляд Дмитрия, округлившиеся глаза братьев Прокофьевых да кулак с угрозой наказать ослушницу со стороны дядьки Андрея. Благо атаман Мещеряков за делами своими того эпизода не был свидетелем, иначе не избежать бы наказания более строгого.

Вроде ещё только начало разгораться сражение, а уж солнце за реку клониться стало. Устали бойцы, да и пролитой кровушке ужаснулись. Как ни бере-

глись, а люда православного положили немало. Будет о ком взвыть истошным бабьим рёвом, будет кому горько слёзы лить о навалившейся вдовьей да сиротской доле. Подхватив своих раненых и убиенных, супротивники покидали поле боя. Было поле ещё утром зелёным да чистым, морозцем, росой умытым, стало к вечеру скомканным, вытопанным, с багровыми кровавыми отметинами. А с бугров, что чуть в стороне были, наблюдала за боем белая волчица, и запах крови, долетавший до неё с низовым ветерком, лез в чуткие ноздри, дразнил и будоражил. Скалила волчица зубы, с которых слюна стекала, но продолжала лежать неподвижно. Лишь раз беспокойство подхватило её с земли, заставило шерсть на загривке вздыбиться. Это когда отчаянная всадница пронеслась по полю, была бесстрашной, очень красивой, и одновременно несла смерть. Волчица узнала её, рванула будто бы на выручку, но крутнулась, осталась на месте, впервые не понимая ни происходящего, ни собственных поступков в этом происходящем. В её ненависти, лютой и общей ко всем людям, вдруг появилась едва заметная трещинка, которая была непонятной и неприятной.

Кто победил в том малом сражении времён Разинской эпопеи? Однозначно трудно ответить. Воевода Степан Хрущёв в отписках царю себя выставлял, с какими полчищами ему биться пришлось, с какими лишениями столкнуться, а он тем не менее одолел бунтовщиков. Повстанцы, и сам Тимофей Мещеряков, иначе думали. Свою задачу на день сегодняшний и ближайшее время они достойно выполнили. Не пустили войска козловцев на помощь осаждённым в Тамбове, серьёзно потрепали их и воинственный пыл Хруща изрядно поумерили. Только два человека в окружении Мещерякова – Андрей Чибисов, да Виктория Рычагова – знали, что победа эта, как и во множестве других больших и малых сражениях той казацко-крестьянской войны под предводительством Степана Разина, носит лишь временный характер. Лишь этим двоим было ведомо, что в целом восстание обречено, и со временем будет жесточайшим образом подавлено.

А тем временем герои описываемых событий «писали письма». Пытаясь унять внутренний озноб от холода и пережитого страха, укутавшись в шубу, опорожнив уже второй кувшин крепчайшей челнавской браги, писал царю-батюшке о своей немалой победе воевода Степан Хрущёв.

В то же самое время в съезжей избе «Красного городка» сидели «начальные» люди: Мещеряков с Серебряком и отцом Иваном, вновь избранные местные атаманы Бочков и Бузнев. Тимофей не сидел, ходил из угла в угол, диктовал письмо склонившемуся над столом священнику.

– Вот, кажись, всё. Перечти, отец Иван. Чего лыбишься, Андрей, – к Серебрячонку обращаясь. – Ну, приукрасил малость, как без этого? Пусть знают там, у Степана Тимофеевича, что и мы тут не лаптями щи хлебаем.

Повернулся к местным атаманам:

– Кондратий Маркович, Калина Иванович, так что найдём мы среди казачков ваших кого посмышлёней, попроворней, а главное надёжных, что письмо это в стан Разина доставят.

– Мы уж прикинули об этом: казаков Леденёва с Болдыревым пошлём, надёжные, промашки не выйдет. По две заводные лошади дадим в дорогу, харчи. Полагаем за четыре-пять дён доберутся.¹⁵

– Пусть не болтают лишнего, тишком, по тёмному отъедут...

– Это само собой.

– Ещё одно мыслю я, – обращаясь к собеседникам, заговорил Мещеряков. – Следует нам слать гонцов и к атаману Фёдору Сидорову в Темников и Кадом. С ним знаком я немного по делам прежним, толковый мужик и слову своему завсегда верный. Пора нам объединяться и совместно бояр, воевод бить. Оно неплохо, конечно, когда под ногами этих тварей бездушных во многих местах земля горит, да не одолеть нам их поодиночке, особенно их войска регулярные, строя иноземного. Здесь единый кулак нужен, а не пальцы растопыренные. Найдём ли и для этого дела людей подходящих?

– Отчего же не найти? Вот, пожалуй, и Чибисов Андрей Иванович подойдёт. Казак справный, опыта воинского не занимать, в местах тамошних бывал не раз, грамотой опять же владеет изрядно. А вот письма, мыслю я, никакого писать не след. Попадёт в лапы псов боярских, найденное письмо – на плаху путь верный. Всё, что надо, пусть слово в слово запомнит посыл наш и передаст лично Сидорову. А чтобы поверили ему, тебе бы, атаман, снабдить его знаком каким, али словом заветным, только тебе и Сидорову известным.

Слушал Тимофей Мещеряков, в прищур в Кондратия всматриваясь. Не первый год знали, а каждый раз находил что-то в этом Бузневое новое, а главное – душе приятное. «Завтра мне под Тамбов отъезжать, стоит всё местное воинство под его начало отдать, включая и ватаги примкнувших к нам крестьян окрестных. Голова у него исправно варит, и с людьми ладить умеет... Общему делу верен, вон даже собственного зятя не пожалел в дальнюю дорогу отправить, дело наиважнейшее поручить...»

Не столь быстро, но управились; письма написаны, кому следует разосланы. Заминка с отправкой посылы в Темников да Кадом вышла. Чибисов неожиданно от сей миссии уклонился, на некие немочи сославшись, а вместо себя собственного сына Дмитрия рекомендовал, а ещё девку эту прибылую – Марусю.

Кондратий насторожился; от службы отлынивать – не похоже на Андрея, не иначе почуял что-то. Способность зятя вперёд заглядывать, «чуйку» его на будущие события он не первый год наблюдал. Не было у Андрея осечек, ни разу не было. Оттого влезла в душу Бузнева непрошенная тревога, засосало под ложечкой от нехороших предчувствий. Мещеряков по началу возмутился, наотрез отказал в участии Маруси в этом предприятии. Однако поразмыслив, пришёл к выводу, что ныне под Тамбовом станет ещё жарче, сможет ли уберечь девицу с собою рядом – вопрос не праздный. А сберечь ой как хотелось. Что уж говорить, теплело сердце атаманское, на неё глядячи. Ой как хотелось с десятков лет с плеч

15. Реальные письма сохранились в архивах. Что касается последнего – неизвестно, дошло ли оно до адресата. Вероятнее всего нет, поскольку к тому времени Степан Разин уже был схвачен царскими войсками и отправлен в Москву. Кстати, везли его в Белокаменную кружным путём, не рискуя проезжать через полыхавший восстанием Тамбовский край.

скинуть, по-иному жизнь построить, рядом с ней непременно. Да чего уж там, отлетели, видно, годочки. Да и впереди, куда ни кинь, один туман неведенья, да муть какая-то, на кровь схожая. Не без ревности дал согласие.

А тем временем ничего не подозревавшие Дмитрий и Маруся весело болтали о чём-то, что забывалось сразу, чему не предавалось ни малейшего значения. Они попросту предавались приятной возможности быть рядом, дышать одним воздухом, касаться друг друга. Маруся смоченной тряпицей в который раз протирала ранку, что от височной части до брови тоненько пролегла. И не могла надивиться, наглядеться на эти ломаные брови, на эти глаза, в которых мир целый, и она точно знала, что в них и ей уже уготовано место. Перебирала в пальцах его до плеч мягкие русые волосы.

Ныне утром оконфузилась малость, признавшись, что не сможет заштопать кафтан Дмитрия, до которого стрелецкий бердыш дотянулся и попортил изрядно. Иглой пользоваться, шить, штопать не умеет, не обучена. За своё неумение обидно до слёз стало. На выручку Алёна Кондратьевна пришла. Совсем не как днями ранее, с большой приязнью сказала: «Ничего, дочка, не горийси, научу я тебя при случае...», при этом ещё и тёплой ладонью Марусиной головки коснулась. Уже знала Кондратьевна из подробных рассказов Васьки, сына Прокофьева, о всех перипетиях вчерашнего боя под Челновой, обстоятельствах выручки мужа и сына от нависшей угрозы.

А ныне поутру Митя (именно так стала называть его Маруся и в глаза, и в собственных мыслях) показал ей несколько набросков, сделанных угольками на оструганных, отполированных сухих дощечках. Изображена была несомненно она; в бешеной скачке на своём коне, с развивающейся гривой. Не только конская грива, но и у неё вместо короткой стрижки длинные волосы по ветру летели, ещё более подчёркивая стремительную скачку. В левой руке лук со стрелой наложенной, а правая в победном кличе поднята.

– Ну и фантазёр ты, Митя, изобразил настоящую валькирию.

– А кто это такие – фантазёр, валькирия? – слова незнакомые не без труда выговорил.

Засмеялась: – Выдумщик означает – это о тебе, а валькирия – это женщина-воительница, обо мне, стало быть.

– Валькирия... красиво звучит, надо запомнить обязательно. Рассказал потом, как с год назад отец свёз в город Тамбов забитого кабанчика пудов на шесть, да сивухи с четверть, сменял у дьяка приказной избы на десяток листов казённой бумаги. С тратами для сына не посчитался, да ко дню нынешнему осталось всего пару листочков.

– Вот заготовлю трав, красок натру, будет картина из этих набросков настоящая. А ещё я пробовал на клочках выбеленной холстины малевать, и знаешь, получается...

– Да у нас все художники давно уже на холстах пишут...

– А где это «у вас»? – вопрос Митин в тупик поставил, замямила что-то и вовсе непонятное. – В общем, там, где раньше жила, – нашлась наконец. Не помогло и это. – А где ты раньше жила?

– Где, где. Чего ты, Митрий, к человеку пристал, – выручил вернувшийся домой дядька Андрей. – Помнишь сказку бабушкину – «за тридевять земель»? Вот идей-то в окрестностях земель этих и жила гостя наша...

★ ★ ★

Сборы в дорогу были недолгими. Алёна Кондратьевна, успокоенная доводами мужа о необходимости поездки, собирала походные сумы. Не перегружая ничем лишним, но и не забывая действительно необходимого. Сёстры при ней неотступно: не только слова, взгляда матери достаточно, чтобы кинуться выполнить любую просьбу. Брат Прокофий, как обычно досадуя, что самое ответственное и опасное не ему достаётся, обихаживал лошадей; ковку проверил, положенный гарнец¹⁶ отборного овса скормил, вычистил до блеска. Пронке ещё пара лет как «в службу поспеть» по возрасту, только к тому времени отец обещал справить конька справно, на что уже сейчас деньга понемногу откладывалась. Любил Прокофий животину эту до самозабвения, вот и сейчас затеял с «Маэстро» возню: обнимал за шею и повисал на ней, рыжий сторожок прихватывал кафтанчик пронкин зубами и тряс головой, пытаясь сбросить повисшего на шее шалуна.

Выехали, как только сумерки на землю легли, а до того по настоянию матери в церкву заглянули, получили благословение отца Александра на дорогу дальнюю. Марусе в своей жизни не часто со священниками общаться приходилось, хотя в её семье преобладали не атеистические, а православные взгляды и традиции. И как ни странно, более воцерковлённым был её брат, умнейший молодой доктор наук, который даже собственную научно-философскую теорию вывел о наличии во всех делах земных промысла Божия, включая и научные открытия. Теорию столь неожиданную и одновременно немудрящую, что и большим мэтрам науки возразить было нечем. Да они и не возражали, хмыкали, переглядывались многозначительно; а что этот юноша, несомненно одарённый их ученик, отчебучит в следующий раз, чем удивит и порадует.

Отчего-то именно сейчас, в этой церквушке сельской, где пахло воском и ладаном, где со стен, с закопчённых деревянных икон взирали лики святых, родные вспомнились. В душу в очередной раз тоска вползть начала. Вползла, заполнила уголки все, навалилась, а придавила так, что не в мочь дышать. Отпустило лишь тогда, когда дядька Андрей подвёл к иконе Богородицы. Не узнать в работе художника черты его матери было просто невозможно. Писана, тем не менее, по канонам своего времени, с заметным подражанием древнему, византийскому ещё письму. Маруся в этом разбиралась слабо, точнее сказать – вовсе ничего не смыслила, познания и уверенность в том, что так оно и есть, словно сверху снисходили. А ещё рядом с иконой она почувствовала тепло и защищённость, девушка ощущала это почти физически. Бросила взгляд на Митю, взгляд полный восхищения, а он встал ненадолго на колени перед этой иконой, как совсем недавно, при прощании, вставал перед матерью.

16. Гарнец – мерная деревянная или металлическая кружка на 2 – 2.5 литра, используемая и поныне при кормлении лошадей.

Батюшка понравился; не старый ещё, с лицом открытым и чистым, глазами добрыми, с опрятной бородой и хвостом зачёсанных назад волос с проседью.

– Благослови вас Господь на дороги дальние, а я помолюсь Матери Божией – заступнице усердной, святому Николаю-угоднику, покровителю всех странствующих, чтобы помогли, чтобы хранили вас в дороге. Сами-то, детки мои, на помощь Господнюю уповая, поберегитесь в пути. Времена ныне уж больно лихие, забыли люди, совсем забыли страх Божий, налево и направо зло творят, неправды всякие.

До утра шли лесом, Маруся не переставала удивляться, каким образом дядька Андрей в кромешной тьме дорогу угадывал. Вывел на упрятанное в чащах хозяйство старого-престарого деда и его в несколько десятков разновозрастного семейства. Среди которого, по-видимому, сыновья – старики весьма почтенного возраста, и внуки – мужики заматеревшие, и совсем малых ребятёнков россыпь – правнуков, праправнуков. «А ведь дед Демид тогда меня молодого, едва ли не в первый день моего здесь пребывания встречал», с теплотой и грустью вспомнилось. «Сколько ж ему лет? За сто – это точно, причём немало за сто, он двадцать лет назад уже древним был... И-ех! А когда мои-то годочки пролетели?! И отчего быстро так?!...».

– Пищали с собой не берите, приметны слишком. Пару пистолей в сумы упрячьте, в сухости и снаряжёнными храните. По возвращении вновь здесь остановитесь, к тому времени, чую, и младших мне здесь придётся на время схоронить. Пока сам не приеду, в селе или ещё где на людях не показывайтесь. Ну, всё, езжайте с Богом, поспешать надо, и так затанули с проводинами, словно на год уезжаете.

✱ ✱ ✱

Они скакали почти три дня, то намётом волчьим, то неторопкой рысью, а то и шагом, давая коням роздых. Ночами мёрзли, что не мудрено, поскольку ноябрь на дворе, огня не разводили, пытались согреться, тесно прижавшись друг к другу. Как ни торопились, они опоздали.

К моменту их приезда мятеж в Темниковско-Кадамском крае был жестоко подавлен. Бунт здесь вспыхнул ещё более ожесточённый, и по времени более долговременный, чем в уезде Тамбовском, чему безусловно способствовало население, большей частью из вотчинных крепостных крестьян и инородцев, а стало быть, и сверх меры угнетаемое. Способствовали мятежникам и леса дремучие, укромные и знакомые для них, и малопроезжие для пришлых царских войск. Да и городки-крепости из-за малочисленности служилых людей и скудости огневых припасов для стойкой обороны были малопригодны. Трусливые воеводы, способные только обирать местное население, но не способные защитить его, чаще всего бежали, а потому городки без боя доставались разинцам. Главными вожаками восставших в этом крае стали атаманы братья Абрам и Фёдор Сидоровы, с устным посланием Мещерякова, к которым и следовали Дмитрий с Марусей. В рядах мятежников были и протопоп Данила, попы Савва и Пимен, ярые

сторонники свергнутого царём с патриаршего престола Никона, одни из первых раскольников и приверженцев старого обряда. Почти одновременно вспыхнуло восстание в окрестностях Арзамаса, которое возглавила «старица Алёна», на самом деле молодая монахиня, скинувшая схиму и покинувшая монастырскую обитель. Вскоре она присоединила свой отряд, численность которого выросла с двухсот до двух тысяч человек, к войскам Сидоровых.

Восставшие взяли город Темников, где Алёна Арзамасская почти на два месяца стала по сути градоначальницей, вводила новые порядки, где все важные вопросы жизни решались общим сходом, где все подчинялись положениям казацкого самоуправления, а не указам царско-боярской власти. До определённого срока мятежники успешно воевали с царскими войсками. По распространившимся слухам, Алёна сама участвовала в сражениях, ей приписывали невероятную, неженскую силу и мужество, а также колдовские чары¹⁷, спасавшие от неминуемой гибели.

Расправившись с основными силами Разина на Волге и Дону, и в эти края власти двинули массу регулярных войск во главе с военачальниками, поднатравшими в беспощадном подавлении мятежей и искоренении бунтарства и неповиновения. Неподалёку от Темникова главные силы были разгромлены царскими дружинами князей Долгорукова, Волконского и стольника Лихарева, а их вожаки, включая Алёну, оборонявшиеся до последней стрелы, были пленены.

Виктория Рычагова тогда и много позднее долго размышляла, пытаясь до конца понять, что толкнуло эту смиренную монашку не только встать в ряды восставших, но и стать одним из их предводителей. Каким же должно было быть это угнетение, преследовавшие всю недолгую жизнь унижения, будь то голодное детство, выдача силой замуж за постылого старца, побег в Никольский монастырь от посягательств помещика в лице одного из рода князей Одоевских, и уж совсем тяжкий гнёт и притеснения со стороны игуменьи и сестёр монастыря.

Сейчас они стояли на площади перед приказной избой города Темникова, где после нещадных допросных пыток свершалась казнь пленённых вожаков восстания.

На невысокий помост из грубых неотёсанных брёвен ввели священников Савву и Пимена (их сподвижник протопоп Данила смог сбежать в Москву, и, по слухам, уже там был схвачен), с распухшими от побоев лицами, в запятнанных кровью и грязью рясах. Немолодые, изрядно побитые, отцы держались молодцами; неустанно осеняли согнанный на казнь люд двуперстным крестом, благословляли на долгое терпение во славу Божию. В толпе начал нарастать ропот, и князь поспешил махнуть рукой назначенным из стрельцов катам. Те неумело и не с первого раза смогли заволочь батушек под виселицы и накинуть петли. Маруся содрогнулась от увиденного, уткнулась в плечо Мити мокрым от слёз лицом. А тот неотрывно смотрел и смотрел на происходящее. И в собственном воображении уже возникали картины, которые он непременно напишет, изобразит последние минуты жизни мужественных людей. Казни отца Саввы, ещё бо-

17. Ещё в монастыре Алёна освоила науку травника и успешно лечила людские недуги, отчего и прозвана была «старицей».

лее высокого и высохшего, чем на самом деле, правую руку поднявшего, с двумя перстами. А рядом коротышка, полноватый отец Пимен, с горячими глазами и раззявленным ртом, то ли проклятия шлёт своим мучителям, толи народ зовёт на продолжение борьбы.

Затем завертелась круговерть последующих казней, числом не менее пятнадцати. Залился помост кровью, то и дело падал приспособленный под плаху дубовый пенёк, глухо бухал в него приспособленный для этих целей большой плотницкий топор. От увиденного и от запахов пролитой крови Марусю мутило до потери сознания, ноги подкосились, она бессильно повисла на руках Мити. А с сёдел за казнь с равнодушием и брезгливостью наблюдали победитель местных восставших князь Долгорукий и его приближённые. Не было у них жалости к тем, кто посмел посягнуть на их власть и могущество, на их сытую жизнь и богатство.

Последней ввели на помост Алёну в изодранном платье, с головой непокрытой, с которой спадали сбившиеся космы густых волос цвета крыла воронова. Её не связывали, толкали десятком оголённых бердышей, боясь даже коснуться. Площадный бирючий стал громко зачитывать её «вины», приговор оглашать. Обвиняли ни много ни мало в ереси, в отрицании веры, в колдовстве и воровстве¹⁸, в том, что нашли при ней заговорные письма, что опаивала она христиан зельем приворотным, поднимая на бунт.

Поникнув, стояла Алёна, припёртая бердышами к столбу одной из виселиц. Пока зачитывали её «вины», ни слов покаяния от неё не слышали, ни просьб о пощаде. Маруся глядела во все глаза на старицу Алёну. Была та вовсе не такой, что народная молва приписывала, не силачкой и богатыркой, а невысокой, со смуглым лицом, в котором проглядывались эрзянские¹⁹, а может и татарские родовые корни её. И лишь глаза, блестящие из-под нависших косм, выдавали недюжинную силу и несломленный дух. Видела Маруся и сложенный из брёвен, хвороста и соломы сруб, не то на сараюшку, не то на шалаш из брёвнышек похожий. Видела дверь или тяжёлую крышку – ляду. С содроганием догадывалась для чего и кого это уготовано.

По окончании оглашения Алёна сама раздвинула упиравшиеся в живот бердыши, самостоятельно шагнула к срубам. Лишь ненадолго остановилась перед входом, осенила себя двумя перстами, оглядела безмолвно окружавшую толпу. Без страха и трепета шагнула внутрь, сама захлопнула ляду тяжёлую. Огонь лихо принялся за высохшие брёвна, но ни звука не последовало из пламени. Не слышали её палачи, не слышали согнанные силком люди, теперь уже не скрывавшие слёз и рыданий. Такой и запомнилась она людям и нашим героям. И среди них Маруся была единственной, которая в тот момент сравнила подвиг и мученическую смерть Алёны с аналогичным случаем из французской истории, где на костре, за двести с лишним лет до описываемых событий, сожгли одну из героинь Столетней войны, Орлеанскую деву – Жанну Д'Арк.

18. В те времена душегубов, разбойников – уголовников по сегодняшним меркам, чаще всего называли татями, воровать же означало бунтовать, подниматься на борьбу с законной властью.

19. Эрзя и Мокша – два родственных этноса, составляющих единый народ Мордва.

Не в силах смотреть на жуткую казнь, Маруся, уже не сдерживаясь, закричала: «Что же вы творите, ироды?! Будьте вы все прокляты!». Рыдали в голос, кричали и вопили все, потому проклятья услышали лишь немногие находившиеся рядом. Затем и вовсе толпа хлынула с площади в улицы и переулки, увлекая за собой и наших героев. Уже ничто не держало их в Темникове, и часом позже они покинули город, держась знакомого пути домой.

Вечером того же дня в отписке царю Алексею Михайловичу князь Юрий Долгорукий сообщал: «...Да темниковцы ж, грацкие люди привели к нам, холопам твоим, вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья. А вор старица в роспросе и с пытки сказалась Алёною зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж её умер, и она постриглась. И была во многих местах на воровстве и людей портила. А в нынешнем де, государь, во 179-м году, пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и ево учила ведовству. И мы, холопи твои, вора старицу за её воровство и с нею воровские письма и коренья велели жечь в трубе».

Князю донесли о нахождении в городе парня и девки, переодетой в мужской костюм, явно неместных. О поведении их во время казни тоже доложили. Долгорукий обеспокоился и, посоветовавшись с Волконским²⁰, снарядил погоню, приказав доставить их к нему живыми или мёртвыми.

Потрясённые всем увиденным и пережитым, Митя и Маруся возвращались домой. Коней не торопили, торопиться уже не было необходимости. Снаряжённую погоню заметили поздно, рванули до ближайшего леска и напоролись там на поджидавшую их засаду драгун. Их быстро окружили, навалились вдесятером, стащили с сёдел и долго сосредоточенно били ногами. Дмитрия привязали к дереву, решили стрельбой из пистолей поупражняться. Задумку вести пленников к князю живыми отмели сразу – себе дороже и хлопотней, а награда будет непременно, если и мёртвых приволокут.

20. Здесь автор позволит себе сделать некоторое отступление и обратить внимание уважаемого читателя на столь известные в нашей стране фамилии, которые были в числе главных усмирителей Разинского бунта: Волконский и Долгорукий, Щербатов и Бутурлин, а ещё Барятинский и Черкасский, а ещё Милославский и Одоевский (последний и вовсе был главою Сысного приказа, и его жестокость, по описаниям современников, вообще превосходила все границы). Именно эти князья и графы и им подобные владели многими тысячами десятин земли, именно они безжалостно угнетали сотни тысяч крестьян, превратив своих соплеменников в рабов и в свою собственность. Именно они были в первых рядах подавителей и палачей, уничтожавших осмелившихся подняться на борьбу с ними крестьян (и не только во время восстания под руководством Степана Разина). А потому автор советовал бы не спешить умиляться благородством и не лить горькие слёзы над незавидной судьбой «поручика Голицына и корнета Оболенского». Подумать, а не расплата ли это за столетия жестокого угнетения?

Долговязый здоровенный драгун склонился над распластанной на земле Марусей, внимательно рассматривая, розовевшую сосками из-под разорванного кафтана и нательной рубахи, крепкую девичью грудь.

– погоди, Михей, успеем ещё прибить, после такой скачки и отдохнуть не грех, позабавиться малость с девахой, только на пользу.

– Я те щас позабавлюсь, дурак! Ослеп совсем, аль не видишь, что из бунтарей, воров она. На Алёнку сожжённую смахивает, как и та одёжу мужскую напялила. Её б сжечь, как ведьмачку следовало, да некогда здесь турусы на колёсах разводить²¹, – старшой решительно отодвинул долговязого и занёс тяжёлый палаш.

Подробности дальнейшего Маруся потом часто вспомнить силилась, и не смогла до конца понять, было ли это на самом деле, или ей всё лишь привиделось.

На поляну, не издав ни звука, вдруг выметнулась огромная волчица необычного светлого окраса, тенью расплывчатой мелькнула, одним невероятным прыжком над Михеем нависла. Мгновение, и он грохнулся на землю за смертью, с переломанными шейными позвонками и разорванной глоткой, из которой обильно хлестала кровь. Служилым секунд хватило, чтобы побывать в полном ступоре и остоленении. Стоило лишь одному выдавить из себя вопль ужаса, и они, истошно воя и мешая друг другу, толпой ринулись прочь. Долговязый драгун споткнулся о корневище, на земле распростёрся, от страха позеленел, и сердце зашло. Понимал, что сделает с ним сейчас эта ведьма за одно лишь его намерение позабавиться.

Белая волчица (её белая, в иные времена, шерсть, теперь свисала неопрятными грязными клочьями) приблизилась к Марусе, но девушка отчего-то не испытывала страха – ни кроваво-красной испачканной морды, ни страшных вершковых клыков не убоялась. Протянула руку с желанием потрепать загривок. Волчица лишь недовольно башкой мотнула, на том самом загривке шерсть вздыбилась. По-прежнему люто ненавидя людей, она силилась понять, что за сила толкала её вслед за одной из этих тварей двуногих, заставляла быть всегда начеку, всегда в готовности прийти на помощь, если ей что-то угрожать будет. Подняла голову, носом из стороны в сторону повела, втянула чуткими ноздрями наполненный десятками запахов морозный лес, взвыла тихонько и также бесшумно метнулась в чащу.

Дальше наши спутники со всеми предосторожностями двигались. Обходили крупные сёла, где ныне вершили над бунтовщиками суд и расправу царские слуги. Точнее, только расправу, судом они себя не обременяли. Ночевали, где придётся, забираясь в глухую чащу, оголодали изрядно. Но после чудесного спасения ничто не могло их настроения приподнятого испортить. После долгого тления вспыхнула любовь, ярким пламенем запылала, закружила головы, в объятия друг дружке бросила. Объятия, что никакой силе не разомкнуть. Отно-

21. Турусы на колёсах (разводить) – болтать впустую, выдумывать. Турусы – осадные башни из брёвен, которые перекачивались на низких и толстых деревянных колёсах. Такие башни обычно применялись монголо-татарами; летописные и устные рассказы о таких осадных башнях дополнялись невероятными подробностями и потому воспринимались как выдумки.

нения, что не надышаться, не насмотреться. Каждый переживал подобное впервые в жизни, оттого трепетали и ликовали сердца ежеминутно.

Вместо нескольких дней полторы недели до мест родных добирались, до лесного жилища Демидова, где всё семейство Чибисовых хоронилось. Не знали, не ведали Дмитрий с Марусей, что за трагические события здесь разворачивались за без малого месяц их отсутствия. Только позднее отец, дожидавшийся их в жилье старого Демида, в челнавских лесных крепях, расскажет им, что на подмогу восставшим в здешних краях служилым и крестьянам придёт с Дона дядька Степана Разина Никифор Черток. Приведёт 400 матёрых казаков, лютых в бою и охочих до добычи. Его отряд будут сопровождать редкие в здешних местах верблюды, навьюченные оружием и припасами.

Вместе с Мещеряковым они вновь осадят Тамбов, захватят острог²², запалят огнём часть стены и одну из башен собственно кремля, будут в шаге от того, чтобы ворваться в город и дотянуться наконец до обмирающего от страха воеводы Еремея Пашкова. Не случится, не успеют. Успеют вовремя прийти многочисленные войска Бутурлина, Еропкина, Ульфа, Хрущёва, ввяжутся в битву, отбросят от стен и рассеют по округе ещё часом назад вроде бы стройные и стойкие отряды восставших. Лишь Черток организованно уведёт своих в Кузьмину Гать, да Мещеряков со своими ближними к Лысым Горам отойдёт. Никифор ещё успеет провести, и далеко не без успеха, несколько боёв с войсками царскими. К примеру, заманит самонадеянного воеводу Еропкина в глубь села Бокино, где на них неожиданно и в упор полетит картечь из каждого окна. А потом, двинув на саних по первому снегу свой резерв из Кузьминой Гати, на спине Еропкина едва не ворвётся в город. Успеет воевода ворота за собой захлопнуть, часть его отступавшего войска не успеет, и будет безжалостно перед теми воротами порублена. С приходом дополнительных царских полков и нового сражения под Кузьминой Гатью повстанцы будут разбиты окончательно, и лишь Никифору удастся увести своих людей на Дон.

Ещё тяжелей для восставших обстановка в районе Лысых Гор сложилась. Подошли войска из Тамбова, два отряда их двигались по южной и северной стороне «Татарского вала», с третьей подоспел со своим войском козловский воевода Хрущёв. Страшной и кровопролитной была битва, в которой погибло немало людей с обеих сторон, погиб и брат Тимофея Мещерякова Василий, и Игнатий Сорокин голову сложил. В стане восставших тоже единства не стало. Нашлись люди, пытавшиеся путём предательства атаманов выторговать себе жизнь.

– Пленили Мещеряка, и Серебряка, и многих других схватили. Что поделаешь – сила силу ломит, – продолжал свой рассказ дядька Андрей, и сердце Маруси забило в тревоге и отчаянии. – Говорят, пытали люто, да атаман могуч оказался. Ни слова не произнёс, «во всём запырался», не выдал ни единого че-

22. Острог – обнесённое острожными, заострёнными, врытыми в землю брёвнами, предместье основной крепости, кремля. Чаще всего место расселения городских служилых людей, стрельцов, воротников и прочих.

ловека, чем даже катов московских подивил. Потом, что же? Казнили Тимофея, казнили окаянные. До конца и в точности исполнили волю царскую.²³

Побоялись только при большом скоплении народа делать это, нового волнения убоявшись. Чибисов уклонился от подробного описания всех событий, с этим связанных, видя, насколько болезненно воспринимает их Маруся. Та действительно была в отчаянии, жалость сердце переполняла. Не до конца понятен остался для неё этот человек, упорный и непредсказуемый одновременно, жестокий, порой безжалостный, и вдруг неожиданно мягкий и добрый. Но именно он спас её от смерти и бесчестия, помог выжить в этом жестоком мире.

– Тут другое дело, того горше беда: ищут вас, детки мои. Не все, как Мещеряк, в пытках да расспросах стойкими оказались, известно властям стало, что вы с поручением атаманским в Темников отправлялись. Вспомнили, что в бою том под Челнавским острожком ты, Дмитрий, хоругвь стрелецкую отбил. Про тебя, Виктория, совсем небылиц насочиняли, что в полюбовницах ты у Тимофея была, едва ли не правой рукой его оказалась. Не будет пощады вам, коли схватят. Бежать вам надобно, и поскорее.

– Куда бежать-то, батяня? Всю округу войска царские заполонили, – в голосе Дмитрия вместе с тревогой и решимость, не за себя одного душа теперь болит.

– О том, Митя, у нас особый разговор будет, отойдём ненадолго.

Когда отошли и на поваленную сосну присели, отец продолжил: «Надо тебе вместе с Марусей в её мир уходить, только там ваше спасение».

– В какой ещё мир, отец?

– Другой, сынок, откуда её к нам занесло. Иные там времена, и время по-иному бежит. Откуда и я родом, лет двадцать назад сюда занесённый. Затем долго и обстоятельно рассказывал Дмитрию о всех перипетиях судьбы и собственной, и Марусиной. Далеко не всё понял младший Чибисов, одно уяснил: перед выбором он стоит. Оставить всё и всех, кто привычно дорог ему в этом мире, или отправиться в неведомый путь с человеком, кто стал не менее любим и дорог.

– Не страшись, Митя. Коль не приживёшься там, али кручина в конец одолеет, сможешь вернуться. Захотеть только надо, шибко захотеть, да место заветное, где возвращение возможно, запомнить накрепко. Больше Марусю слухайся, она тебе там единственная порука и помощь. Решайся, а и нам здесь легче будет, зная, что жив ты, а не на дыбе у слуг царских.

– Всё сделаю, как велишь, батяня. Всё сполню. Хоть и не скрою: жутко и страшно перед неведомым. Наверное, пострашнее, чем одному против троих в сече. Опять же, сам себя не пойму, вместе со страхом желание, которое не обойти, не отбросить – обязательно посмотреть надо, что там, за этой кромкой.

23. Царь Алексей Михайлович, которого современники и историки последующих времён отчего-то назовут «Тишайшим», грамотой из Разрядного приказа на имя И.В. Бутурлина заочно вынесет Т. Мещерякову смертный приговор. Но до приведения его в исполнение прикажет его «роспросить и пытать накрепко и огнём жечь». В грамоте оговорено и то, как именно он должен быть казнён: «...при многих людех... обсесть руки по локоть, а ноги по колени», а затем повесить. Вот уж действительно – «Тишайший».

– Ночью отъедем, матери и остальным скажем, что в иные края бежите, на Дон ваш путь.

Прощание с родными недолгим было, на долгое не оставалось времени. Митя неотрывно на мать смотрел, на лицо, столь родное, где каждая чётка, морщинка каждая о добре и любви говорит. Сердце тоской зашлось. Стал на колени, Марусю за собой потянул: «Матушка, батяня, благословите, вместе мы ныне с Марусей». Алёна Кондратьевна крестила их, а в глазах боль безысходная и тревога. Пожалуй, она единственная догадывалась, что ни на Дон они отъезжают, а в края, которым она и названия не знала. Не перечила тому и не препятствовала, во всём на мужа полагаясь.

Сестрёнки ни на шаг не отступали, льнули к старшему брату, к Марусе, общую тревогу разделяя, не могли понять, что впереди их всех ожидает. Прокофий подошёл, стараясь быть степенным, обнял Марусю, поцеловал троекратно. Сошлись с братом в крепчайшем объятии, долго не могли рук разомкнуть, затем Проня дёрнулся, быстро отвернулся и прочь удалился, боясь, что увидят нахлынувшие слёзы. Наверное, впервые дошло до него, кем был и что значил для него брат, к которому настолько привык, что нахождение его рядом воспринималось как нечто постоянное и бесконечное.

– Ну, вот и добро, вот и посвиданькались, осталось только перед иконами помолиться, да на дорожку присесть, – Андрей чувствовал, как общие тревога и волнение и его захватывают. Помимо того, одна неотступная думка мучила: «А примет ли курган тот деток моих? Ведь больше двадцати лет прошло, как раскопали его археологи. Вдруг тот самый проход во времена иные зарос чем-то, или обрушился, землёй завалился? Матерь небесная, помоги! Господи, спаси и помилуй нас».

До кургана уж к рассвету добрались. Андрей едва узнавал место. Края, некогда крутые, пологими стали, густой травой поросли, а по всему верху берёзок ряд, в полный свой возраст вошедших. А на дне то ли пороша снежная, то ли туман белёсый.

– Поспешайте, детки. С Богом! – Андрей начал понукать заупрямившегося вдруг «Маэстро», которого ни под каким видом не захотела оставлять здесь Маруся.

Спускались ниже, и туман вдруг загустел, за клубился, клочьями рваться начал, берёзки ветвями голыми зашумели. Затем стихло всё, также неожиданно, как началось, и на дне кургана никого, даже туман полностью рассеялся. И только на измятый, затоптанный снег луч солнца, взошедшего над горизонтом, пал. И был тот луч не по-декабрьски тёплым и ясным.

Вместо эпилога

Дмитрий окажется в нашем XXI веке, и будет поражен всем увиденным. Привыкать он будет мучительно и долго, тем не менее будет счастлив, познав, что такое любовь, семья и настоящие друзья. Но об этом будет уже другая книга

и у неё возможно будет другой автор. Автор, который расскажет, как настоящими друзьями станут Дмитрий и брат Виктории молодой учёный Виктор Рычагов, как самозабвенно Митя будет учиться в художественной школе, и многие будут потешаться над таким великовозрастным учеником. Как однажды тоска и кручина приведут его в церковь, что в одном из переулков старой Москвы, где он познакомится с художниками реставраторами – отцом и сыном Сувориными. Как вместе с ними уедет на год в Мичуринск, где они будут восстанавливать фрески на сводах Боголюбского храма. Как позднее на его необычную технику и стиль письма обратит внимание и пригласит в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества её ректор, народный художник Иван Ильич Глазунов. Как введёт пришельца из века семнадцатого в мир исторической живописи своего отца и познакомит с художественным миром собственного видения современного бытия. О том, как придёт время, и наш герой оденет бронежилет, разгрузку и шлем бойца СВО, будет воевать без излишнего шума – честно и мужественно. Как из его карандашных набросков и зарисовок фронтовой жизни со временем получится целая серия живописных полотен, которые расскажут уже о других временах и людях. Чтобы узнать все подробности надо только дождаться, когда такая книга увидит свет.

**К юбилею Заслуженного художника России
Евгения Васильевича Соловьёва**

«Минутный перерыв». 1967 г.

«Лаборантка». 1960 г.

«Бабушка Анастасия и её дети». 1990 г.

«Ткачихи». 1964 г.

«Зимний вечер». 1960-е.

«Партизаны». 1969 г.

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

Летела по небу комета

Стихи

* * *

Если тысячу раз я не прав,
Я прав!
Русский я.
Непокорный нрав
Впитан мной из глубин веков.
Я в оковах, но я без оков.
Мне дано выходить против всех.
Я есть правда, и я же есть грех.
Когда страшно, шепчу: «Не трусь!»,
Потому что за мною Русь,
Потому что за мною Род
И за мной мой святой народ...

* * *

Подъезд уснул. В нём редко скрипнет дверь,
Впуская воздух уличный, ночной.
Но был сегодня тронут он войной –
В нём поселилась холодность потерь.
На третьем, предпоследнем этаже,
Такая беспредельная тоска!
Так бьётся на последнем рубеже
Не стук, а боль у белого виска.

Не гаснет свет всю ночь, и тишина
В квартире, где гостит сейчас война.
В прихожей ещё тлеет в лампе свет.
Ты возвратился, дорогой сосед,
Навеки, чтобы покинуть навсегда.
На небе тихо падала звезда...

* * *

Не скажу!
Чего вдруг ради?
Лучше я в своей тетради
Набросаю монолог.
Буду спорить сам с собою
Гневно, пафосно, с любовью.
Под разгневанный пролог

Напишу о том, что важно.
Пусть хранит мой друг бумажный
Мысли, выводы, стихи,
Небольшие откровенья,
Бесконечные сомненья
Между строчек чепухи.

Не сужу, не критикую.
Правду? Чью? Кого? Какую?
Понимаю, я не Бог.
Коль меня вдруг кто осудит,
Что поделать? Это ж люди!
Что ж мешаться между ног?

Что ты скажешь? Я несносен?
Это потому, что осень:
Много знаю, долго жил.
Избирательно согласен,
Но не верю в правду басен.
То, что надо, всё забыл.

Нарисую ручкой синей
На листе тетради иней,
Ряд деревьев и рассвет,
Силуэт. Идёт прохожий,
На меня чуть-чуть похожий,
Тоже в синее одет.

А вдали синеет небо,
Солнце, как краюха хлеба,
И река, и камыши.
Вот такая в том беспечность,
Это я рисую вечность,
Ниже – надпись «не спеши».

Не сужу, хотя умею.
Я иду, пишу, старею.

* * *

Охрипла дверь в моём подъезде,
Кричит нервозностью петель.
Наплывы льда на ровном месте
Ещё вчерашняя капель
Слила у самого порога,
А ночь заставила застыть.
Вчера упал, но слава Богу,
Совсем не сильно, может быть.
Та дверь, расшатанные гвозди
Её петель, неспешный всхлип.
На небе чёрном тлели звёзды,
Увидел.

Ледяной полип
Прижался к телу, но не больно.
Свет таял в мареве окна,
Двор освещал прямоугольно.
На небе плавилась луна.
Путь в космос как-то стал короче,
Ведь мы – один бескрайний мир.
В плену дверей и одиночек
Соседских маленьких квартир,
В переплетеньях, параллелях,
Близки и очень далеки.
Живём в своих тщедушных целях
По мановенью чьей руки?

А дверь опять всю ночь скрипела,
Но так привычно. И она
Под вой метели песню пела,
Ей подпевала тишина.

* * *

Ты не смотри, во мне порядка нет.
Когда я сплю, объятья одеяла
Мне не нужны, оно с меня слетало.
Вот так и спим мы врозь полсотни лет.

Из железной кружки кофе пью, а что?
Пусть горячо внутри, и пусть снаружи.
А знаешь, я случайно обнаружил,
Что этот густо сваренный настой
Своею горечью немного лечит душу.

Да! Книги по размеру не стоят,
Смотреть с балкона вниз до пота трушу,
Медали не цепляю на парад.
Мне кажется, они, утратив силу,
Не лезут из коробки на пиджак.
Я водку не люблю, люблю текилу.
Алоэ, так похожий на ежа,

Живёт на подоконнике. Мы дружим.
Мне говорят: всё в комнате не так!
Мне этот беспорядок очень нужен,
А беспорядок – это ж не бардак?

Ещё хранят меня мои часы,
Как жизнь, мудры, они познали время.
В углу бесстрастно замерли весы –
Судья по жизни и моя проблема.

Но счастлив я, ведь это мне дано.
День прожитый ушедшего ценнее.
Ведь медленно старея, как вино,
На целый год я становлюсь мудрее.

* * *

Сжимаюсь до крошечной точки,
До шороха, до одиночки,
До искры на простыне неба,
До слова, которым я не был.

И вновь, словно шар, расширяюсь.
От холода бездны спасаясь,
Раскину свою бесконечность
И веру, любовь, человечность.

Повсюду, где только возможно,
Вольюсь своей точкой подкожно
В блестящее тело пространства.
Изменчивы все постоянства.

Все числа – лишь ряд приближений,
Плод истин рождает сомненья.
В сомненьях рождается слово –
Для этого мира основа.

А жизнь состоит из рассветов.
Летела по небу комета.
Летела по небу планета.
С ней солнце, как искорка света.

* * *

Уже ветвей переплетенье
Заметно в золоте листвы,
И дарит утром оперенье
Зима на кончике травы.

Как мягкий бархат, ляжет иней,
А на брусчатке, меж камней,
Вонзится прочерк тёмно-синий
Морозных первых льдистых дней.

Вновь где-то свистнет электричка,
И дрогнет воздух от того,
Что с ветки маленькая птичка
Вспорхнёт с ночлега своего.

Позволит небу стать причиной
И разрешеньем на полёт,
Где, словно с журавлиным клином,
Умчится вдаль и этот год.

Что было? Было ль? Без пролога
Прихода будущего ждать,
Оно застынет у порога,
Забыв звонок дверной нажать.

Но даже снег сплошной не вечен,
Ведь вечен только каждый миг.
Минута – жизнь, секунда – встреча:
Нашёл, добился и достиг.

Давай у неба правду спросим
Про это утро, иней, осень...

★ ★ ★

Я вышел покурить. На крашеной скамейке
Лежал забытый кем-то «Тамбовский альманах».
Напротив, на столбе, фонарь лил свет из лейки,
Качаясь на ветру, как ялик на волнах.

А мне куда спешить? Ночь длинная такая,
Тем более она... Да, что там говорить!
Читаю и курю, как чью-то жизнь листаю,
Которую альбом позволил сохранить.

В чём истина? Она, как Родина, святая.
Нашёл стихи про Русь, о святости слова...
Фонарный свет поник, он в предрассвете тает,
А мыслей хоровод рождает голова.

Чем так велик Тамбов? Простой, немного скучный,
Где тысячи дворов прошедший век хранят.
И почему его Румянцева и Кучин
Боготворили так?

Сейчас боготворят
Другие и стихи о нём ещё напишут.
Об улицах простых, о скверах и церквах...

Уже пришёл рассвет. Прохладой нежной дышит.
Пора.
Я на скамейке оставлю альманах.
И пусть его прочтут...

* * *

Уж всё сбылось. А может, не сбылось.
Какая разница? Когда, захлопнув двери,
Вращением своим земная ось
Не так волнует... а в ближайшем сквере

Есть лавочка, с которой дружат: мысль,
Воспоминанья, дрожь и созерцанье,
Где каждый шорох порождает смысл
На этой остановке мирозданья.

Кленовый лист сменяет первый снег,
Следы идут и бесконечно тают,
Тяжёлый шаг меняет лёгкий бег,
А книга бытия судьбу листает.

О небо! Ты рисуешь облака
И эту синь, где не чернеет космос.
Но льётся вдаль, куда течёт река,
Простого эха утреннего голос.

Кулёк конфет сегодня не ищи.
Пестрят на сотни яркие обёртки.
Но ещё пахнут по подъезду щипки,
И сохнут в хлебницах, порой, ржаные корки.

Но я о чём? К чему зовёт февраль?
Он порождает снова веру в слово.
Скрывает снег скупающий асфальт –
Большой дороги малую основу.

Залили горку. Рада детвора.
Ведь этот мир ещё чего-то помнит:
Предназначение и некий смысл двора,
Который, словно мир, для них огромный.

Сегодня снова падал белый снег.

Виктория ТКАЧ

Есть улицы, похожие на путь

Стихи

«Времена не выбирают...»

*«Времена не выбирают,
В них живут и умирают»
А. Кушнер*

Неподвластное время подвластно едва ли.
На холодной, суровой, жестокой земле
Мы – не жили.
Наверное, мы вы-жи-ва-ли,
Поделив ломоть веры на общем столе.

Больше что предложить для детей и собратьев?
Кровь едино пролить? Только в этом ли суть?
Мы баюкали счастье – младенца в объятьях –
И хотели покоем себя обмануть,

И построенный дом всем наполнить, как чашу,
Сад взрастить за окном, и оставить в веках
Тёплый солнечный свет – жизнь упрямую нашу –
Что сквозь время несли на усталых руках.

А теперь что сказать?
Завершение привычно.
Сколько раз новый путь начинали, как вдох!
Выживали?
Нет, жили!
Врастали в обычай
Быть людьми.
Разве это
Не главный итог?..

Поминальный день

Этот день, как хлеб поминальный,
Разделите со мною, птицы!
Колокольный, тягучий, дальний
Голос деда мне снится, снится....

И уже – он ведёт за руку,
И опять – обнимает крепко.
Через боль временной излуки
Мы идём в неразрывной сцепке.

Души – корни, что смерти глубже,
Прорастают со дна печали,
Чтоб сады от житейской стужи
Укрывали. И пеленали...

И, качаясь в небесной зыбке,
Вспоминаю напев сакральный.
Голос рода – многоязыко –
Говорит во мне изначально

И баюкает, и спасает,
Причащает живой водицей...
И Всевышний об этом знает.
Потому – прилетают птицы.

* * *

«Хлеб – дар Божий...»

Пахнет хлебом в восемь утра
На окраине шумного города.
Жизнь земная очень стара,
Но старается выглядеть молодо
В мелочах, что из века в век
Вдоль пути растут мать-и-мачехой –
Потому городской человек
Улыбается хлебному запаху
И спешит по утрам дышать,
Подчиняясь закону сложному
И не ведая, что душа
Сил вкусила от дара Божьего.

* * *

Есть улицы, похожие на ключ –
Холодные, с широким основанием.
В них воздух металлически колюч,
А люди – пешеходно неслучайны.

Они всегда – начало и итог,
Почти ответ, почти конец движенья.
В них ниже небо, выше – только Бог
Размытой тротуарной серой тенью.

И то, что смотрит пристально извне,
В них просто не найдёт ориентиры.
Асфальтовой надкостницей в стране,
Они скрывают подреберье мира,

В котором – боль и чья-то маята,
Осевшая, как пыль, на остановках.
Есть улицы изломами креста
Хранящие, ведущие неловких,

Где все шаги – непознанная суть,
Впечатанная в будничные цели.
Есть улицы, похожие на путь.
Пройти такие вы уже успели?..

Послевоенное

Вспомнила – любила мандарины
И размытый осенью закат.
С фотографий выцветших старинных
Женщины счастливые глядят.

Нет войны. А значит, будет лучше.
Пусть не жить, а только выживать.
Как они, я полюбила слушать
То, что невозможно рассказать.

Полюбила долгое молчанье –
Не во всём есть нужные слова –
Иногда, теряя осознание,
Для чего пока ещё жива.

Полюбила верить, забывая,
И дарить, как самый светлый дар,
Яблоки, в которых есть от рая
Тёплый неизведанный нектар.

Вспомнила! И лица узнавая,
Вижу в них предчувствие семьи.
С фотографий взглядом обнимают
Будущие бабушки мои.

✱ ✱ ✱

Молчание – сад, где солнце впитав и покой,
Слова созревают до самой своей сердцевины,
Чтоб яблоком спелым небесное древо покинуть
И стать на земле равноценными мысли людской.

Особенный плод отведать скорей не спеши:
Под кожицей тонкой нектар из согласных и гласных.
Так пей же его по глоткам – сладкозвучно, причастно!
Найдёшь ли вкуснее для вечно уставшей души?

Потом без остатка живительный сок раздавай –
Всё лучшее – то, что из всех золотых урожаев
Врачует и любит, спасает, хранит, воскрешает –
Ведь только для этого созданы Богом слова!

* * *

Всё мне кажется – кто-то ходит...
Или ветер стучит в окно?..
Вечерами наплыв мелодий:
Стук, шаги и рефреном «но».

По земному бессвязны ноты
И коротки, не обессудь!
Слушать...Слышать, не зная, кто ты –
В этом странная блажь. И суть.

Узнавать в отголосках плача
Своё сердце, что вторит в такт, –
Это что-то, наверно, значит,
Или только и надо – так?

Не чужим. И родным едва ли
Станет тот, кто зовёт, зовёт...
Забывали, и вырастали,
И молчали – ну кто поймёт?!

Только омутно, вечерами,
Различаем и стон, и вздох...
Слушай...Слышишь, а это с нами
Говорит бессловесно
Бог.

* * *

Скоро весна,
И хочется быть святой,
Чтобы входить в небесно-зелёный храм,
Облаком плыть. Быть неизведанной – той,
Кому говорят: «Другим уже не отдам!».

Скоро весна.
И хочется быть землёй:
Греть семена. Растить цветы и траву.
Слышать ветра и речью своей иной
Сны наполнять, дурманя потом наяву.

Скоро весна!
И хочется всё успеть:
Женщиной быть, облаком, первой травой.
И потому Господь даровал мне петь:
Жёлтой синичке
На веточке
Ледяной.

★ ★ ★

Писать и жить – чудесное родство,
Подобное Божественному Свету.
Прекрасен вдох! И что, мой друг, с того,
Что мир не назовёт тебя поэтом?

Ты просто знаешь – где-то высоко,
Подвластное незыблемым законам,
В небесной чаше дышит молоко,
Вскормившее младенца на иконах.

Ты знаешь день и то, что до него,
С полночной круговертью зрячих строчек,
И явь, и сон – о, сколько же всего
В твоей душе незримо кровоточит!

Пиши! Живи! И чувствуй лишь одно
Родство, не замутнённое гордыней!
Тебе в словах родиться суждено.
Пусть не поэт, но ты – живой отныне!

★ ★ ★

Всматриваюсь пристально и робко,
Взрослым осознанием греша –
Что в тебе осталось от ребёнка,
Грустная усталая душа?

Мир привычно мудрствует и старит,
Но, спасая жизненную суть,
Солнце, золотой воздушный шарик,
Не позволит сердце обмануть!

Улыбаюсь чуду, узнавая,
И взлетает выше облаков
Не птенец, а светло-птичья стая
Из по-детски искренних стихов.

Глупое ребячество! Но всё же
Отрицаю будней круговерть –
Строчками, что мне всего дороже,
Чтоб крылато небом молодеть!

* * *

Когда-то небо, слитое с дождём,
Сошло на землю медленно и властно.
И был прозрачен низкий окоём,
И каждый был к прозрению причастен.

Была печаль. Но был и свет, и хлеб,
И вдоволь строк, чтоб черпать, раздавая.
И мир, что вдруг засушливо ослеп,
Испил воды – «благая весть! Благая!»

Вовеки – так! И капель перестук
Сродни молитве, слышимой душою.
Господь приник к оконному кресту,
Чтоб стала жизнь воистину живою!

Валерий АРШАНСКИЙ

Недобитые

Повесть. Окончание

Глава 6. «Знову буйно квитне “Черемшина”»

Ночь, плотная и густая, как ковдра, которой занавешивают с вечера окна в хатах, висит над селом. Ни звука, ни огонька. Кругом всё, как вымерло. Собаки и те не брешут, перестреляли их фашисты и бандеровцы, мешают псы-добряги этим двуногим злым псам творить чёрные дела. Лишь узенький серпик бледного месяца освещает краешек неба.

Крадучись, вышагивает по сельской улице небольшой отряд. Ведёт его невысокий, крепкий мужчина в гражданском пальто польского покроя. На голове – чёрная суконная кепка, на ногах – поношенные цивильные ботинки. Под пальто – френч с накладными карманами, из-под него топорщатся бутылками брюки-галифе. Обычное одеяние военного начальника среднего звена. Через плечо командира дулом вниз свисает советский пистолет-пулемёт с ободранным прикладом, что свидетельствует: оружие хорошенько успело побывать в разных боях. За пояс брюк главного заткнут немецкий парабеллум. Попробуй разберись в этой шараде, узнай по внешнему виду, какую власть представляет собой этот человек и его сопровождающие.

У приземистого домика близ школы, утонувшего в июльских цветах – мальвах и левкоях, вишнях и молодых яблоньках, старший в полголоса командует: «Стой!» – и пяток шаг в шаг ступающих следом за ним вооружённых людей тотчас замирает. Даже дыхания их не слышно, словно вместе с командой испарилась жизнь из каждого.

Командир, вытерев тыльной стороной ладони пот под кепкой, негромко, но требовательно стучит пистолетным патроном по стеклу.

– Кто там? – всматриваясь в ночную мглу, приоткрывает к окну лицо пожилого человека.

– Свои, Владимир Васильевич, НКВД, откройте.

Старенький директор сельской школы Владимир Васильевич Шуляр, прежде чем скинуть запоры с входных дверей, остановился, вопросительно оглянулся на жену. Она неуверенно пожала плечами, но шепнула: «Вроде бы свои, открой!» Внук Шуляров, десятилетний Любомир, сладко спал в комнате-боковушке, ничего не слыша.

– Доброй вечера, хозяева! – не снимая кепки, поклонился от порога вошедший. – Лампу попрошу не зажигать, ни к чему. Мне с Вами, Владимир Васильевич, надо поговорить доверительно, с глазу на глаз, без посторонних. Если можно, побыстрее, пожалуйста, время не ждёт.

Жена директора, поняв, кому адресован намёк, бесшумно поднялась с низенького стульчика и вышла за дверь. Пересев на её место, в тень от подследоватого каганца сторону, гость, якобы машинально, ненароком, распахнул полу своего пальто. Так, чтобы лучше было видно даже человеку со слабым зрением полувоенный френч и галифе с малиновыми прожилками – обычную униформу советских работников и милицейских начальников той поры.

Гость ещё раз извинился за позднее вторжение, сославшись на проклятую службу, не дающую покоя ни себе ни людям ни днём ни ночью.

– И всё из-за этих бандюг-песоголовцев, чтоб им пусто было! – как близкому товарищу жаловался майор НКВД Шуляру, располагая к себе тёплыми нотками в голосе и честным, открытым взглядом, лишь чуток скрадываемым чернильной темнотой.

Доверчивый старик-учитель сочувственно покивал головой: «Действительно, нет никому покоя, вы правы. Всё им, катам, мало крови людской, когда уже только насытятся?»

– Да-да... Скажите, Владимир Васильевич, как в ваших Чигринцах настроение земляков, для нас это очень важно. Не запугали их, часом, бандиты, верят люди в победу, ведь война идёт к концу...

– Сложный вопрос, при всей его простоте, шановный добродию...?

– Можете просто, товарищ майор.

– ... товарищ майор. Как и во все времена, люди встречаются разные и ведут себя все по-разному. В селе Чигринцы – и это уже не в первый раз – пастуха силой в банду волокли. Он сопротивлялся, жинка мужа защищала, так они и его, и её измордовали так, что по всей хате, простите, кровавые сопля летали.

А в Перегинцах живёт семья Винников, может, знали его? Он до войны в рабкопе работал заготовителем, так у того оба сына пошли в банду, лисовым братьям помогать. Да и сам Винник не особо скрывает, что он связной с лисовиками, харчи и одежду им поставляет. А жена его, Олена Фёдоровна, это ж только подумать – до войны членом райкома была – не постеснялась дочкам своим отдать бельё с убитых советских девчат – парашютисток. А оба сына их уже не Иван и Фёдор, а на бандитское псевдо перешли, не знаю, взяли себе сами, чи дали им там, в боёвке, собачьи клички: «Бобик» и «Лыс».

– М-да, – вновь горестно приплюснул губами майор. – Вот вам и Винник, бывший депутат сельского исполкома, продажная душонка, трясця его маме. Но ничего, люди всё видят, за всё запроданцам счёт предъявят.

Майор помолчал. Как бы отвечая собственным невесёлым мыслям, покачал головой – укоризненно и скорбно. И всё на той же, располагающей к откровенности тихой, доверительной ноте шепнул, зачем-то оглядываясь на дверь: «А о польской семье Завадских ничего не знаете? Где они, бедолаги, их же надо спасать...»

Шуляр встрепенулся было, но, чуточку поразмыслив, пожал плечами: «Пробачьте, не знаю. Слышал тоже, что они скрываются где-то от расправы, но где именно – сказать не берусь, не знаю».

Человек деликатный, он засмутился от того, что не был до конца искренен с представителем власти. У позднего пришельца такая, на самом деле, клятая служба, что врагу не пожелаешь – сутками быть на ногах, не знать покоя – а он смолчал. Но как он мог говорить о несчастных беженцах даже офицеру НКВД, если командир партизанского отряда, бывший первый секретарь райкома, навестивший его не далее как вчера вечером, строго-настрого запретил ни с кем, нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах не делиться сведениями о поляках, польских коммунистах. «Ещё раз повторяю, Владимир Васильевич, нигде, никогда, ни с кем!!!»

Как из обиняков понял Шуляр, муж и жена Завадские – не просто семья, если семья вообще, а радиоразведчики, заброшенные в Прикарпатье с мощной рацией и шифрами. Через них, видать, шла очень большая работа, коль такие люди интересуются их положением, их состоянием...

И Шуляру жалко стало понурившегося офицера, человека, видать, честного, справедливого, поборника правды. Он открыл уже рот, пытаясь поделиться с гостем хотя бы крохами ему известного, но тут в комнату к беседующим заглянула чем-то встревоженная жена: «Володя, может, вам разогреть поесть? Я борщичок на загнетку поставлю? Иду?»

– Что? Куда иду? – резко вскинулся вдруг о чём-то задумавшийся майор. – А-а, нет, нет, ничего не надо, мы уже уходим, и вам пора отдыхать.

Проследив за плотным прикрытием двери, майор совсем вплотную приблизился к директору школы, перейдя на заговорщицкий шёпот: «Вы вот что... О «Черемшине» располагаете хотя бы какими-то сведениями?»

– У-у, этот зверюга! – обхватив седую голову руками, не столько сказал, сколько простонал директор. – Вот кто оборотень ненасытный, вы же лучше меня знаете, что он в нашем краю творит... И совершенно безнаказанно! Тут у него везде осведомители, при первой же опасности предупреждают, и он исчезает бесследно, и не только сам, а и с ядром банды, там у него человек восемь – десять... Всех за собой не таскает, попробуй прокорми такую свору... а ночлег, а вдруг окажутся раненые? Нет, обязательно надо сюда ещё «ястребков» подослать, раздавить эту гадину! Он же садист, садист законченный, – нервно ходил по тесной комнатке Владимир Васильевич. – Банда его нападает только на оставших,

больных, раненых красноармейцев. Магазины разоряет, на молокопункт вот недавно напали, потом на леспромхоз. Хитрый жук! В Калушском районе горстку румын пьяных обстрелял, а слух пустил, вроде немцам бой устроил... Вояка! Как же... Спиймалы брата моей жинки, Михайлу, той тильки – тильки корову продал, гроши для хворой доньки збирав, усе вытащили з кишени, ще й в хату до нього прыбиглы, облигации забрали, новые брюки, документы якісь. Диты плачуть, Галька чорна вся стала, а и доси нияких следов о муже в неї нема... Винник по пьянке сказал: «Бильше не шукай, не знайдеш». И пальцами своими жирными на небеса показал... «Черемшиной» матери теперь детей пугают, как серым волком...

– Угу, – приподнимаясь с поскрипывающего стульчика, неопределённо протянул майор. – Понятно. И вдруг, стреляющим голосом не сказал, а спросил, допросил: «А сам-то ты Черемшину видел?»

Озадаченный внезапным переходом с вежливого «вы» на беспардонное «ты», пожилой учитель с упрёком вскинул близорукие глаза на ночного визитёра. Да так и застыл, увидев нацеленное на него пистолетное дуло, вмиг поняв, кто это злобно посверкивает «звирячими» очами.

– Пальто накиньте на себя, пан Шуляр, и тихонечко за мной, – свистящим шёпотом распорядился «майор». – А если, проше пана, хоть слово по дороге гавкнете – улетите туда, куда ваш родич Михайло Дзюба улетел...

Трое бандитов, привалившись к двери, с ухмылками слушали крики, но не выпускали из спальни рвущуюся на помощь мужу жену. Черемшина притворно вздохнул: «Вот же глупая женщина, внучка своего заикой оставит...» Боевари по команде главного подтащили из прихожей крепкий дубовый стол и прижали им дверь, добавив ещё для прочности и шкафчик.

Всё та же безмолвная глухая ночь обливала село. Но когда вооружённая группа проходила узким боковым переулочком, один из них и в слепящей темноте смог различить в проломе плетня чью-то худенькую фигурку. Ещё секунда – и быть бы ей впечатанной в землю от хорошо поставленного упреждающего удара Бурового. Да, благо, послышался знакомый девичий голосок. Кто? Как? Черемшина едва ли не вздрогнул от неожиданности: Магда. Марта! Как ты здесь очутилась, как ты нас нашла?

Магда не стала ни оправдываться, ни объясняться. Схватив горячими своими ладошками холодные руки главара, она повисла на них, будто останавливала вскинутое дуло автомата. «Друже провиднык, я вас умоляю, я вас на коленях прошу, не чипайте пана директора, не вбивайте его, будьте ж настолько лаской, пане референт, риднесенький!»

– Что ты такая глупая? – удивлённый горячим девичьим порывом в защиту не своей, а чужой жизни, провёл жёсткой ладонью по мягким волосам Магды главарь боёвки.

Пропустив впереди себя сообщников, Ярый (а это был, конечно, он), положил машинистке руку на плечо.

– Шоб ты знала и помнила, Магда! В том, что натворили у нас Советы, вот такие Шуляры больше всего виноваты. Они детей не грамоте учили, а сталинскому воспитанию, зрозумила? Это самые страшные враги – идеологические враги,

от них вся большевистская крамола, вся эта красная зараза к нам поползла. Таким Шулярам нет места на земле. А теперь геть звидсы, ночуй сегодня в своей хате.

Банда ушла. А Магда глухо рыдала, привалившись к плетню. Перед глазами девушки стоял оживлённый, нарядный, в гуцульской вышитой сорочке Владимир Васильевич таким, каким он был в её школе на выпускном вечере. Пройдясь со всеми девчонками по очереди в круге вальса, директор подвёл тогда Магду к счастливым родителям, склонившись, поцеловал маме руку и от души пожелал: «Везите свою отличницу во Львов, в университет. Не сомневайтесь, она поступит: прирождённый математик! А к нам вернётся с дипломом, будет детей наших учить».

«Ваша ведь ученица, шановный Владимир Васильевич!» – почтительно кланялись директору по очереди то папа, то матинка.

«Всё! Уничтожат директора эти звери, и я ничего не могу сделать, ничем не могу помочь», – рыдала на безлюдной ночной тропе опустошённая Магда.

А самодовольный Черемшина, вышагивая в это время в хвосте своего отряда, уже напрочь позабыл о ней и думал о том, как добавить бы ещё десяток букв интенданту Винику за его непомерно длинный язык. Хай только он вернётся в боёвку, когда справится с заданием по картошке. Представив предстоящую картину в подробностях, Черемшина даже подхихикнул от премилого удовольствия. И сам повеселится, созерцая наказание этого жирного хробака Винника, и боев-карей развеселит гарной гайдамацкой справой. Эх, был бы ещё Савка рядом – как лёгкое облачко мелькает и тут же пропадает в голове Черемшины мимолётное воспоминание о былом своём дружке ... Как они тогда славно поиграли, всласть повеселились с теми москальками – парашютистками, затаскивая их по одной в сарай, на «операционный стол». Сильные попались девки, натренированные, одну из них втроём пришлось раздевать и душить, отбивалась, как тигрица, даже со скрученными руками ...

Подозвав Бурового, Черемшина буркнул ему на ходу несколько слов, и тот, послушно кивнув, тут же помчался выполнять приказ.

На выходе из села, поравнявшись с заброшенным колодцем, Буровой окликнул трясущегося от страха Николая Поречного. Передал ему свой обрез: «Подержи!». А сам, в мгновение ока заткнув Шуляру рот учительским же картузом, крикнул, приподнимая над землёй обмякшее тело директора школы и с силой швырнул его головой вниз, в самую глубь подгнившего деревянного сруба.

Мрачно, одновременно плеснулась и быстро успокоилась, сомкнув круги, заплесневелая колодезная вода. Угрюмо отвёл взгляд от места преступления безучастный к людским бедам и горестям осколок луны – рудовато-жёлтый месяц. Что ему закоренелый бандюга Буровой, поспешающий к атаману с докладом о выполнении поручения, что ему скорчившийся в три погибели Колька Поречный, выблёвывающий страх и ужас после свершившейся жуткой казни, что ему пан референт, с его пританцовывающей походкой уже почти достигший леса? Прислушаться – услышишь: он ещё и песню себе под нос мурлычет, как раз про месяц. «Мисяць на неби, зироньки сяють, тихо по морю човен плыве...» Почему ты не падёшь ему на голову, месяц?

Глава 7. От автора

Эсэсовские бонзы в своей главной берлинской квартире гестапо – на Кёнигзалле, 11 – провозгласили всякого рода убийство естественным орудием войны. И деловито, масштабно строили планы ликвидации и миллионов людей, и отдельных, наиболее выдающихся личностей. В частности, глав государств дружественной Советскому Союзу антигитлеровской коалиции – британца Уинстона Черчилля, самого ненавистного гестапо человека француза де Голля, президента Чехословакии Эдварда Бенеша...

Все замыслы неуклонно упирались в один исходный момент: для реального осуществления намеченного нужны хорошо подготовленные кадры, надёжные, преданные идеям арийцев с молодых ногтей исполнители. Не зря формирования националистов всех мастей и внутри Германии, и вне, опекал лично министр внутренних дел рейха, рейхсфюрер Гиммлер – фанатичный философ нацизма, основатель теории «чистой крови», объявивший, что шпионаж есть священный долг каждого немца. Ни больше, ни меньше – долг!

И десятки тысяч немецких мальчиков и девочек стали доносчиками – в первую очередь на тех, кто ближе, на своих родителей. Взрослые дяди их поощряли за это – и не только подбадривающими словами да сладкими конфетами. Самых лучших, самых старательных «стукачей» ещё с отрочества примечала, привечала и селекционировала по различным профилям и отраслям имперская разведка.

Подобными методами действовала (и действует в наши дни!) идеологическая бандеровщина. Чтобы втянуть в свои ряды как можно больше молодёжи, подрайонные, надрайонные и районные референты прибегали к типично фашистским трюкам, не признавая никаких моральных норм и правил, откровенно пренебрегая ими. Стали, например, внушать юношам, преимущественно малограмотным, что их ждёт благородная борьба за «Вильну Украину» не только с большевиками, но и ... с немцами. По замыслу бандеровских диктаторов Украинская Соборная Держава должна была стать самостийной, независимой и включать в свой состав все западные и восточные земли Украины, а также Закарпатскую Украину, независимо оттого, что исторически принадлежало Польше, а что – Венгрии. Об этом проповедовали с церковных амвонов в храмах попы-униаты, послушные жрецы Степана Бандеры, об этом втолковывали эмиссары УПА в частных беседах с населением. И об этом читались лекции и доклады в ходе «политических занятий» на боёвках.

«Украинская Соборная Держава всегда принадлежала и должна принадлежать только нам, щирым украинцам, а не схиднякам (восточникам), москалям и иноземцам», – надрывались бандеровские ораторы, заставляя подчинённых повторять следом за ними и разносить по всему свету лживые утверждения. Ирония судьбы, но и поныне, в наступившей четверти XXI века, есть те, кто верит в эти байки, не зная искусственного – с лёгкой руки Ульянова-Ленина – создания Украины как государства.

Организация украинских националистов находится в оппозиции к Германии, а Украинская повстанческая армия ведёт борьбу и против Советов, и против немцев – усердно распускали слухи сами фашистские разведчики. А почему бы и нет, коль это политически выгодно? Некому было задуматься над тем, что ни о какой «оппозиции» по-настоящему не велось и речи у фашистских холуёв – бандеровцев, вообще, и шефов кровавой службы безопасности Луцкого, Арсенича, в частности, потому что слуги питались-то кормом с фашистского корыта. А гитлеровцы кормили только верноподданных вассалов, а не каких-то там оппозиционеров. Ещё чего! Кто бы им «идейным» позволил жить среди нацистов, и кто бы их стал терпеть в гиммлеровском воинстве?

Глубинная суть трюка с «оппозицией» раскрывается в том, что сама Украинская повстанческая армия была создана по указанию и с помощью хозяев из фашистского абвера и СД. Причём, костяк этой «освободительной» армии составляли отнюдь не добровольцы и даже не одурманенная призывами, угрозами и охмурённая плотной липкой униатской патокой, застилавшей всю Галицию и Западную Волынь, молодёжь, а достаточно напрактиковавшиеся в Польше, Белоруссии и в той же Галиции каратели из бывшего полицейского «шуцманшафт – батальона 201». Того самого батальона смерти, который в составе дивизии «Нахтигаль» безжалостно истреблял партизан и мирное население на территории СССР.

Когда нет действительных фактов в пользу некой освободительной миссии, когда нет на этот счёт никаких убедительных аргументов, пафосная хвала ведётся отнюдь не качеством, а только количеством. Та же насильная мобилизация западно-украинской молодёжи в качестве ландскнехтов и плебеев всячески поощрялась издававшейся с первого года войны газетёнкой националистов «Українськи щоденні висті» («Украинские ежедневные известия»). Из номера в номер лился в ней зефир Гитлеру и гитлеровскому режиму. На фашизм работало, причём, с небывалым усердием, и многочисленное духовенство униатского монашеского ордена Святого Василиана, имевшего свою агентуру практически везде, где были верующие, во всех районах и сёлах. Это была неимоверная идеологическая сила, капитально влияющая на религиозное сельское и городское население.

Осенья своих проповедников-униатов на эти «божьи» дела, отчаянно ярый враг Советской власти, в то время 78-летний главный пастырь – митрополит Андрей Шептицкий призывал в духе геббельсовской пропаганды меньше задумываться над голосом совести, больше помнить о победе над ненавистным врагом в лице Советов.

Непосредственно на Станиславщине боевкари, в том числе и «Чёрные черти», получали благословение от такого же бандита в епископской мантии Хомышина. А освящал отправку бандеровского пополнения на верную службу третьему рейху ещё один «проповедник» – главный капеллан знакомой уже нам дивизии «СС Галичина» Лаба, бывший членом военной управы и главным викарием этой дивизии. Так что красноречивая подобралась «оппозиция».

Постоянно царившая в оуновской среде обстановка вражды, взаимных обвинений, сведения личных счетов, торгов между участниками, физические расправы диктовали боёвкам соответствующую стратегию: хочешь быть в чести и фаворе у своего руководства – убивай «не верных»! Убивай их, всех подряд. Вот и убивали, применяя зверские пытки и издевательства во время допросов даже безоружных людей. Какая разница, коль такой стиль приветствуется и поощряется руководством.

Тот же Ярый в часы идеологической обработки пулемётчика Поречного называл главными врагами украинского народа большевиков, поляков, евреев, русских и немцев. То есть все кругом враги, бей всех подряд – будешь победителем. Только вот немцев бандеровцы и не били почему-то. Предпочитали красноармейцев, но не из регулярных частей, а таких, как те несчастные пленные, отбившиеся от преследования охраны лагеря, но так и не сумевшие примкнуть к своим.

Подвиги пленных – патриотов Родины – и со временем не тускнеют. Есть возможность сегодня назвать имена мучеников, не склонившихся перед врагом, не дрогнувших перед страшными пытками. Все из группы пленных были ранены в бою, только потому и оказались в руках у фашистов. Едва-едва окрепнув, бежали из немецкого лагеря в городе Стрый. Искали и никак не находили связи с местным партизанским отрядом, о котором слышали до побега. Судьба троих так до конца и осталась неизвестна. А вот установленные имена: Савин Сергей, Фёдор Гаврилович Сазонов, Гаврила Филиппович Субботин, Иван Данилович Носенков, Василий Леонтьевич Роман, Григорий Андреевич Чубенко, Василий Семёнович Панов, Магомед Абдрашитов, Михаил Гаврилович Мироненков.

Понадобятся колоссальные усилия следователей, чекистов, экспертов-криминалистов, чтобы снять наслоения времени. Потребуется во имя истины и стопроцентной доказательности найти и опросить сотни людей, менявших по разным причинам адреса и фамилии, живущих в маленьких и больших городах, сёлах, посёлках, аулах, станицах, словом, везде, от Москвы до Магадана, от Ленинграда до Дагестана. Потребуется произвести с помощью специалистов осложнённую истёкшими десятилетиями эксгумацию – тщательнейшую экспертизу по установлению останков бойцов, чтобы предельно точно выяснить данные о павших.

Сличались уцелевшие протоколы допросов «Ярого», «903-го» с показаниями тех людей, кто видел тогда пленных, кого бандеровцы заставляли – без огласки, иначе смерть – перевозить на своих телегах трупы и хоронить убитых, кто запомнил одиночные и массовые места захоронений. Живые, передавая устные рассказы о былом из рода в род, всё помнят. Память человеческая неистребима, нельзя сомневаться в этом.

Совсем немного мы знаем подробностей о погибших, а точнее – безжалостно замученных бандеровцами людях. Известно точно: умирали они не с мольбой о пощаде, не выклянчивая жизнь, а с проклятиями палачам.

Фёдор Гаврилович Сазонов родом из Краснодарского края, 1909 года рождения. Был человек спокойный, выдержанный. До войны работал трактористом, разъездным механиком. В двадцать лет в результате несчастного случая лишился левого глаза, был вставлен протез. Из-за потери зрения в армию его не брали. Но он всё же сумел добиться своего – ушёл на фронт добровольцем и воевал с беспримерным мужеством и отвагой.

О Гавриле Филипповиче Субботине известно лишь, что он был 1903 года рождения.

Ещё известно, что один из военнопленных был учёный. Не Савин ли? О нём Буревой, щеголяя своей осведомлённостью, со значением говорил тогда поварихе, а уже та – Магде: «Большую рыбу взяли. Но ершистый попался карась, никак его не разговорим».

А девушка, забившись подальше в свой уголок, отведённый ей в закутке в домике, вновь вспоминала школьный выпускной вечер. Фотографирование по очереди всех ребят и девчонок, а потом – общий снимок выпускного класса приглашённым по торжественному случаю разъездным фотографом. Разудалые звуки баяна, задорные песни, добрые напутствия принаряженного директора школы, давшего вместе с учителями путёвку в жизнь стольким своим воспитанникам... И мученически погибшего от рук садистов. Отплатили такие, как Савка, «ученички» за уроки доброты и душевности. Отплатили по-своему, как присуще всем иудам.

Расстреливали, вешали, топили в колодцах. Писателя-публициста Ярослава Галана, разоблачавшего суть и существо бандеровщины, зарубили гуцульскими топорами в его львовской квартире. Гиммлер мог быть довольным!

Глава 8. Последние дни

Поречный внимательно присматривался к жизни боёвки. А боевики не заметно и неотступно оценивали каждый шаг, каждое слово и каждый поступок «Задерихвоста». Структура боевых подразделений бандеровских формирований сложности не представляла: рой – отделение, чета – взвод, сотня – рота, курень – батальон. Дисциплина поддерживалась вовсе не инструкциями и наставлениями, а палочным страхом и, для показухи, муштрой на глазах проверяющего начальства. В дали же от глаз высоких заправил боевики творили, что хотели, обоснованно полагая, что никто жаловаться на них не пойдёт. Куда идти-то? До начальства далеко, а до Бога высоко, вот и молись тут Богу, авось, пожалеет.

Боёвка Ярого пополнялась осколками банд, разгромленных наступающими частями Красной Армии. К «Чёрным чертям» добавились пять власовцев, уцелевших после разгрома их полка, и быстро сменивших после этого форму продажного войска РОА – Российской освободительной армии – на разношёрстное одеяние, позволенное носить лесным братьям. Щедрый на выдумки Ярый дал вынужденному пополнению клички на выбор: кому-то прозаические, а кому-то бессовестно перекликающиеся с именами героев украинского фольклора.

Один из новобранцев банды – толстогубый «Нечай» – после первой же пьянки во всеуслышание начал хвалиться тем, что на его личном счету свыше ста жертв. Ярый грубо одёрнул болтливого не в меру боевика. Но для себя зарубку на память о его художествах оставил. А вскоре смог лично убедиться, что не трепался Нечай, живописуя свои «подвиги». Садистом продажный власовец оказался не хуже Ярого.

Когда во время проведения очередной засады против советских разведчиков был схвачен тяжело раненный боец, Нечай, облизываясь от предвкушения развлечения, подозвал Бурового. Вдвоём они за руки, за ноги подхватили, раскачали молоденького солдата и по команде Нечая с силой ударили несчастного о каменистую почву. Боец и не дёрнулся, остался лежать на земле с лицом, залитым кровью, и неловко подвернувшейся ногой.

Как раз в это время туда, к железнодорожной насыпи, где протекала скоротечная расправа, подъехали четыре закамуфлированные немецкие легковые машины. Поречный, поняв, что подкатило высокое начальство (следом шли два броневика сопровождения), спрятался от греха подальше в цветущую пшеницу. Фрицы, среди которых особо выделялся один шустрик с фотоаппаратом на груди, окружили «младших братьев», хлопали их по плечам, смеялись, оживлённо переговаривались с бандитами, радушно протягивая им пачки сигарет.

Шустрик с фотоаппаратом, забегая то слева, то справа, без устали снимал на плёнку Бурового и Нечая, картинно поставивших свои грязные, запylённые чёботы на тело бездыханного бойца. Буровой в лающей чужеземной мове смог различить лишь одно известное ему слово «Цайтунг». И догадался: с фотоаппаратом носится корреспондент какой-то немецкой газеты. А Нечай, ровным счётом ничего не понимая, лишь согласно кивал головой и льстиво улыбался всесильным для него хозяевам. Ярый немного встревожился. Почтительно приблизился к старшему, представился, чем вызвал уважительное «О-о!» немецкого командира, отметившего правильное произношение референта. Ярый намекнул: дескать, по правилам внутренней конспирации не стоило бы снимать для газеты его боевиков, нам, дескать, и так хватает уважения германского командования, а газетная реклама ни к чему, как бы ещё не навредила святому делу борьбы с большевиками.

Немец пожал плечами, но сказал, что подумает над просьбой «Герр Ярлрли». И, ослабившись, как павиан, напоследок снисходительно похлопал референта по плечу: «Данке шён, ауфвидерзеен!». Машины укатили, обдав лесовиков едким дымом. И не донеслись до пятнистых автомобилей отборные пожелания «Герра Ярлрли» и его прихлебателей в адрес слуг вермахта.

Ярый распорядился обыскать убитых, хотя и без его команды бандиты уже успели обшарить все бездыханные тела. Никакие увещевания в приказах и инструкциях никогда не могли остановить мародёров. Знали они, что выпускаются запрещения лишь для проформы, для призрачного оправдания перед «громадой», в смысле – населением: дескать, высшее командование ни при чём, грабежи – местная самодеятельность, за что будем наказывать. Ага! Как же. Наказывайте.

Вам, в главном проводе, легко приказывать, когда вы объедаетесь и опииваетесь тем, что мы в боях добыли. А нам, в лесах и схронах, что теперь, подышать с голода? Серый волк кусок свинины не принесёт, своей добычей не поделится, за каждым куском мяса нужно побегать, попотеть, а то и пострелять.

Впрочем, не так уж и потели лесные братья, отработав технологию грабежей до автоматизма. Несёт сельский мужик в мешке мирно похрюкивающую свинку, удачно купленную на соседнем хуторе, идёт и тихо радуется. Как вот они, трое наперерез: стой! Истошно вопящую добычу всё в том же хозяйском мешке отправляют в лес, а ты, вуйко, иди себе, иди и не оглядывайся, да благодари Бога, что живым остался.

Если налёт проводился в селе, то такая же хавронья попадёт под гуцульский топор или остро заточенный штык в первой попавшейся хате. В один миг свинью заколют, быстро на соломе опалят, готовую тушу разрубят, разрежут на части, самые лакомые куски возьмут с собой, а остатки побросают ограбленным: «Шо смачнише, то нам, захисныкам ридной неньки, а це вам, йиште! Да не вздумайте пикнуть, мы тут недалеко, вернёмся...»

И оставались на долю обиженных, униженных крестьян только глухие проклятья разбойникам, которым нет возможности отомстить, и сдавленный женский плач. Даже не плач, а стон обворованных женщин, не знающих, чем теперь они будут кормить свою семью, мужа, детей. Опять жить впроголодь?

Но до улепётывающих из села «чёрных чертей» эти стенания не доносятся. А хотя бы и услышали – не отозвались, разве что посмеялись бы над глупыми бабами, которым знай одно: выть да причитать. А вот нехай ваши мужья да сынки идут к нам, в боёвку, голодными не будут. И вам перепадёт. Нет, не пускаете? Ну и ...

Поиски пропитания уводили боевкарей в соседние населённые пункты, подальше от своей основной базы. Нередко они попадали в места, уже контролируемые Советской властью. Но и тут, хотя на каждом шагу трусливо озирались, не могли устоять перед насилием: харчи заполучали с боем.

В одном из таких дальних рейдов лесовики разглядели на узкоколейке паровоз с прицепленным к нему вагоном. Осмотрели, проверили всё кругом – жидкая охрана, всего два пожилых мужичка, вооружённых чуть ли не берданками. Решили остановить локомотив, поживиться продовольствием, на которое у боевкарей всегда было отменное чутьё. По команде Ярого выскочили из-за елей и, потрясая автоматами, нацеленными на машиниста и его помощника, приказали тормозить.

Оказалось, и правда, в вагоне лежали продукты для рабочих, занятых заготовкой леса. Банда ликовала: схватили то, что надо! Ярый, лично проводивший операцию, велел перегрузить на телегу Винника бочку мармелада и бочонок подсолнечного масла, хлеб, мясо. Командовал при этом на чистом польском языке: пусть ограбленные обратят зло своё и ненависть на «пшечков». Бандеровцам это ох, как будет на руку!

Машинисту паровоза на прощание насовали тумачков, но не очень, так, чтобы синяки были видны, а сам мог держаться. Потом приказали трогать по

курсу. Предупредили: если спросят, кто налетел, говори – польские партизаны. Потрясённый налётом молодой машинист молчал, затравленно смотрел на грабителей. Расстреляй они его сейчас – не промолвил бы и слова; гораздо больше собственной смерти страшило его предстоящее появление перед изголодавшимися людьми с пустыми руками. Что он им скажет, как объяснит, что не мог противостоять один, безоружный, своре песиголовцев, схожей с волчьей стаей.

Банду Ярого в тот день ждала двойная удача. Верные информаторы – Винник и Опришко – промышлявшие картофельными заготовками, случайно наткнулись на склад райпотребсоюза, откуда сторож при появлении боевиков бежал, как заяц, не оглядываясь. Примчавшиеся по «штафете» боевики жадно хапали всё, что под руку попадёт: кожаные заготовки на сапоги, большие, по сто штук в каждой, пачки папирос, мотки полотна, суконные картузы, слипшиеся в несуразные комки конфеты-подушечки. Как это часто стало происходить за последнее время, поровну поделить награбленное барахло мародёры не смогли. Скорые до грабежей власовцы, бесцеремонно оттеснив «правообладателей», заграбастали себе добра намного больше. На все уговоры интенданта боёвки разложить добычу равными долями, чтобы никто не был в обиде, отвечали чёрным матом. Тогда боевики не выдержали. Первым Буревой, плюнув на жилистые свои кулаки, заехал Нечаю от души, прямо в нос.

Губастый громила оторопело мазнул пятернёй по лицу, проверяя, правда ли расквашен румпель? А, убедившись, что это в самом деле кровь его, а не водица, по-бурлацки ответил секретарю референта горбатым кулаком своим, как пудовой гирей, точно под глаз. Пошёл отчаянный мордобой! Власовцы, увидев вскоре преимущество лесовиков в живой силе и технике, поняли, что дело плохо и, со страху, не для острастки, защёлкали затворами. Но тут вмешался в гущу оскаленных бандюг Ярый. А жаль. Хотя бы на одного-двух ублюдков, а очистилась бы земля-страдалица.

Главарь, изрыгая мат на всех языках, орудовал рукояткой парабеллума налево и направо, разгоняя сучью свору мародёров. В другом случае он и сам мог бы спровоцировать кровавое побоище «ридных хуторян» – западенцев – с «наглыми москалями», то бишь с теми же власовцами. Но не сейчас, когда впору каждый штык и ни единой боевой единицы нельзя терять. А потому кончай базар, уходим!

Чтобы запутать следы, скрыться от усиленных отрядов «ястребков», целеустремлённо устраивающих неожиданные облавы, банда кружила по Станиславщине днями и ночами, то отдаляясь, то возвращаясь в «свою» зону. И везде выискивали боевики тех, кто был на стороне Советов, депутатов, комсомольцев, активистов, независимо от того, большую или малую они проявляли активность. Главное – «запроданец большевикам» – и этого достаточно, чтобы сфабриковать обвинение. Если подлинного активиста найти не удавалось, делали «агентом» органов безопасности просто не понравившегося чем-то местного жителя, не слушая ни оправданий, ни доводов. И тогда, упиваясь властью насилия, боевики тащили обречённого на муки на дощатый пол хуторского сарая.

Там, в зловещей штаб-квартире, референт, пощипывая усики и поигрывая шнуриком, решал, как быть с пленником. Нет, не о том, чтобы даровать жизнь узнику, болела голова у Ярого. Ещё чего! Попался – возврата нет. Атаман раздумывал над тем, кому поручить очередную ликвидацию арестованного и как её оригинальнее провести. Если не убивал сам, то поручал своим верноподданным, на любителя. Так были убиты депутаты сельсоветов Васкевич и Мельничук, хотя и депутатами-то они пробыли считанные месяцы, даже не успев разобраться в своей новой роли. Но дело ли до этого заносчивому референту, поборнику святой соборной Украины?

«А нащо давали красным згоду?» – зачем, дескать, соглашались идти в активисты? – упрямо гнул своё Ярый. И повторял, как заклинание, одно: за помощь большевикам – смерть!

Звериные законы диктовали звериное поведение (хотя приходится задуматься, а вправду ли поступают так звери?). Жену сельсоветчика Тымчука убили только за то, что мужу при нападении бандеровцев удалось скрыться, чудом вырваться и убежать в лес. Подручные Ярого искать его не стали. Для острастки поорали, постреляли вслед, пригрозили лютой карой, если не вернётся. И устроили эту кару. Нечай и Буревой затащили обессиленную Галину в сарай на её же подворье, а подглядывавшие в щёлки остальные участники облавы вожделенно ухмылялись, наблюдая, что там происходит, и слюну глотали, надеясь, что им тоже сладкое перепадёт...

Чернее вороньего крыла стал Тымчук, услышав от людей о гнусной расправе над его женой. Оставил хату и детишек на попечение стариков – родителей, а сам подался в «ястребки», в решето превращая взятых на засадах лесных бандитов.

Но банда Ярого продолжала верить в свою безнаказанность и скрытно вела террор, не ослабляя численности. С харчами пока перебоев не предвиделось, Винник исправно обеспечивал пропитание. Где не мог взять заготовки лично – наводил лесовиков. Те в облюбованные хаты врываются для пущего устрашения то поздней ночью, то под утро с диким рёвом, визгом, матом. Выгоняли взашей хозяев, «до рычажки» нажирались дармовщиной, напивались, а потом распахивали мешки и закидывали в чувалы всё подряд, всё, что есть, чего не добрали, ничем не пренебрегая и не брезгуя. Полнились замусоленные торбы надкушенными огурчиками, хлебом да салом, надкусанными варёными яичками, отломанными кусками пирогов. С тем и убирались в лес.

Информаторы потом сообщали, какая реакция селян была на их набег, кто особенно изощрялся, проклиная лесных разбойников. Таких Ярый самолично брал на заметку для разбирательства при следующем визите. Пыхтел, но безропотно продолжал добывать банде прокорм Леонтий Винник. Обязанности связного после гибели Савки Ярый возложил на Буревую, которому поручалось пробираться в главный провод с очередной засургучованной «штафетой» – пакетом с особым донесением. И взамен доставлять оттуда нужную информацию.

Вообще, бандеровская практика породила негласное правило: служи сразу нескольким хозяевам, сам будешь цел и невредим, а там ещё и обломится жир-

ный кусок – то ли от временно квартирующей фашистской части, то ли от своего главного провода ОУН.

Ярый завоёвывал авторитет у хозяев испытанным способом – бандитскими вылазками. Особенно по душе приходилось ему проведение крупномасштабных операций, когда перед ним стоял не привычный десяток-другой постоянных боевкарей, а развёртывалась полная сотня. Так было, когда главный провод передал приказ выступить и разгромить мадыарский обоз. Стрельцы ходили без вина хмельные от радости: такие будут трофеи!

За одну ночь сумели подтянуть всю сотню, расположились в жиденьком кустарнике, пусть и неважным оказался естественный заслон, зато ближе к дороге. С помощью искусственной маскировки – перестановки кустов и веток – бандитский табор под вечер подобрался почти вплотную к беспечно отдыхавшему обозу: даже положенное охранение не выставили горе-вояки.

Ярый, хищно вытягивая голову, самолично провёл рекогносцировку местности, убедился в преимуществе своей позиции. И удалецки свистнул, поднимая боёвку в бой. Нечёсанные, грязные, вонючие, заросшие бородами и усами бандюги с пальбой, гиканьем, рёвом, улюлюканьем кинулись с трёх сторон на застигнутых врасплох мадыар. Никто из них не ушёл.

Референт сиял в ореоле успеха. Сумели его хлопцы захватить хорошие трофеи – разное продовольствие, новое оружие, боеприпасы, обувь, обмундирование, медикаменты. Из главного провода незамедлительно прибыл сам пан Скала с личной «подякой» (благодарностью) от руководства ОУН. И долго в тот вечер шушукался он с Ярым, обсуждая условия поведения в чрезвычайных обстоятельствах и знакомя с инструкциями провода на сей счёт.

Точно таким же сияющим Поречный увидел Ярого ещё раз, когда к главарю боёвки привели наконец поляков Завадских – как оказалось, не мужа и жену, а брата и сестру, Яна и Брониславу. Никаких не радистов, обычных людей.

Как удалось? Невдалеке от заимки лесничего – отца Магды – боевкари, командовал которыми Буревои, присматривали схроны для передислокации боёвки. И лицом к лицу вышли на Завадских, которые по проклятой случайности в этот же час уходили в надёжное место перепрятываться. Лесничий бесшумно отпрянул за куст и исчез в густых зарослях бересклета, его бандиты и не рассмотрели, как следует. Для острастки только постреляли вслеп в разных направлениях. Но прожившего свой век в лесу человека, тем более, в минуту смертельной опасности, не так-то просто задержать даже поднаторевшим в лесных погонях боевкарям.

Успел лесничий Пётр Барвенчук вовремя добраться до своей избёнки и увести как можно дальше целую кучу – пятерых малолетних детишек Завадских. Знал лесничий, что ни Ян, ни Бронислава ни под какими пытками не выдадут ни его, ни место нахождения своих малышей. И всё же... Всё же считал Пётр Андреевич, что у Карпатских предгорий, там, где живёт его сестра, ребятишкам будет спокойнее. До самого прихода красноармейцев ничто не будет им угрожать.

Людам не посвящённым думается, что лесники живут полностью изолированные от окружающего их за грядой деревьев мира. На самом-то деле ново-

сти они узнают не позже, а порой и раньше других. Знал Пётр Барвенчук, что части Красной Армии, начавшие освобождение Станиславщины с Городёнок, двигаются теперь в направлении Коломыи и Косова. Значит, подбираются уже сюда, ближе к его краям, выбивать из лесов бандитскую нечисть.

Беженцев сестра лесничего приютила без лишних слов. А они – тихенькие, как мышата, от постоянного опасения быть обнаруженными, печальные от длительной разлуки со своими родными папой и мамой, молча размещались, кучкуясь в тесноватой хатёнке Олеси Барвенчук, работавшей смотрительницей глухого железнодорожного переезда...

Когда вели лесом связанных прочными шнурами Завадских, Буревой специально прошёл мимо сторожевого поста, зная, что сегодня в дозоре Заде-риховост – Поречный. Пыхнув ему в лицо махорочным дымом, секретарь референта подмигнул: «Ну, вояка, с бабами дело имел?» Поречный – насупленный, обозлённый на себя и на весь белый свет, раздражённо отмахнулся: «Чего тебе-то? Проходи!»

Шагавший следом за Буревым Нечай сплюнул: «Во, дурак! Мы для него хотели полячке юбку задрать, порадовал бы её на прощанье, а он выкобенивается, хрен моржовый!» Ещё раз сплюнул и подтолкнул пленных в спину: давай, мол, вперёд.

Ярый встретил долгожданных гостей умиротворённым: только что связанной боёвки Волос доставил долгожданную депешу о назначении «903-го» руководителем службы безопасности всего Калушского окружного провода. Вознёсшийся на заветную высоту референт пожелал отметить своё повышение подобающим образом: пьянкой-гулянкой до умопомрачения, а потом развлечением с пленными, беглецами-полячишками, так долго заставлявшими его нервничать и трудиться, изыскивая варианты поимки обоих. А потом – вновь хорошая пьянка и похмелье.

Но надо же было такому случиться: на редкость прекрасно сложившийся день к вечеру омрачило появление жены. Через все кордоны и заставы пришла к нему на боёвку законная супруга, разгневанная Катруся. И в сарай к нему влетела она со скандалом, разметая со стола бумаги, как мусор.

– Ты куда пропал на целый год, добрый чоловіче? Может, тут уже себе голубку нашёл, а про жену и дочку навсегда забыл?

Ярый постучал пальцем по голове: совсем, дескать, крыша поехала, орёшь тут, как в своей хате. Катерина только махнула рукой – пусть все слушают, кому интересно, мне бояться некого. И продолжила душевные излияния.

– Я всем пастухам твою фотокарточку показывала, когда в Чёрный лес добиралась, никто тебя не узнаёт, никто мне помочь не мог, одно сердце вело. Хороший у меня муж, ничего не скажешь! Нацепил на себя десять пукалок, ходит по ночам, людей лякает. Что ты там творишь со своими патлатыми, а? Ты вообще домой думаешь возвращаться или навсегда остаёшься тут в лесу? Мне что своим батькам сказать? И что сказать нашей доньке, что нет у неё больше папы?

Ярый, раздосадованный вконец внезапной помехой – повариха и Марта готовили на кухне роскошный ужин, Буревой разливал принесённый Винником

самогон – зашипел на жену, одёргивая её: «Ты чего тут орёшь, зла мне хочешь? Если кто-нибудь донесёт начальству, что ты сюда через все посты прошла, мне же головы не сносить!»

– А мне плевать на твоё начальство с высокой горы, – с непрекращаемой женской логикой объявила Катруся. – Я к мужу пришла, мне муж нужен, а дытыне – отец. Если хочешь с нами жить – сейчас же возвращайся, пусть за твои посты у других голова болит, у тебя тут байбаков крутится много. А ты давай, собирай манатки и пойдём домой, я одна не уйду, хватит, находилась.

Сказав так, супруга референта по-домашнему уселась на стоящую у стены лавку (знала бы она, для какой цели служит эта лавка!), скинула на пол сбитые старенькие туфли, устало вытянула ноги, забрызганные росой и заляпанные жидкой грязью.

– Помыться где тут можно у тебя? Ни помыться, ни поесть, ни поспать после такой дороги жене своей не предлагает! Совсем ты, Ярослав, одичал в лесу.

Что он мог возразить любой своей Катрусе по девичьей фамилии Пташник? Катрусе, с которой когда-то, в детстве и юности, жил на одной улице, тесно дружил с её братом, с которой перед самой войной обвенчался в церкви законным браком, и которая родила ему дочку – Наталку.

– Ты вот что. Посиди здесь, а я пойду, организую тебе отдых...

Но жена, вспомнив ещё что-то, вновь подбежала к столу поближе.

– Мне люди рассказывали, что ты тут несчастных поляков мучаешь? Отпусти их, Ярослав, слышишь? Докажи людям, что ты не вовкулака, пусть о тебе больше так не говорят. Отпустишь?

– Ладно, посмотрим, – примирительно обхватил жену за плечи Ярый. – Посиди пока здесь, пойду я, отпущу их и тебе воды и еды организую, скажу, чтобы, как в Львовском ресторане, помнишь? – всё сюда доставили.

Вонзив ногти в ладони, чтобы унять охвативший его гнев, референт быстро вышел, почти выбежал из сарая и помчался к лесной сторожке, где находились арестованные Ян и Бронислава Завадские. Руками и ногами подняв с пола обоих, он сам приступил к обыску. Вытащил из кармана пиджака мужчины деньги, пересчитал: там было шестьсот марок,

– Откуда деньги? – поднял он глаза на Яна.

– Люди продали нашу тёлочку, передали деньги.

– Кто конкретно продавал, кто и откуда эти люди?

Молчит Ян, молчит Бронислава. Знают: погибнут. Но ни за что не выдадут добрых людей, спасших от расправы их малюток, оставшихся теперь совсем одни.

А Ярого распирает, раздирает, душит злость. Столько месяцев выслеживать, вылавливать двух полячишек и, когда, наконец, стало возможно рассчитаться с ними за все перенесённые хлопоты, а у бабы этой вон какие толстые ляжки и какие сладкие сиськи, и вся она какая тугая, как кочан капусты – разве можно сразу такую в расход пускать? Да она и меня, и половину боёвки, соколов моих, ублажит! – тут появляется незваная Катруся и ломает все планы.

– Щенят своих ты куда попрятала, а, сучка? – больно прихватив клешнями женщину за груди, тащит её ближе к себе Ярый, распаляясь от желания тут же повалить пленницу на пол. И чёрт с ними обоими – и с ней, и с её братом, пытающимся освободить руки от верёвок и крутящимся при этом всем туловищем. Ну, покрутись, покрутись, гадёныш. Ещё никому не удавалось выскользнуть из шнуров боевика, мои хлопцы работают по науке!

Женщина плачет, но не говорит ни слова. А обессиленный тщетными попытками высвободиться Ян презрительно кричит референту: «Сам ты пёс, псы крев, сын собаки!» Откинувшись к стене, он набирает слюны как можно больше и плюёт новоиспечённому большому начальнику в распаренную от злости физиономию.

Ярый беспомощно ахает – проклятый день, всё одно к одному – и, матерясь последними словами, сдирает с лица липкую слюну, одновременно хлеща свободной рукой и Яна, и Брониславу по лицу, по плечам, по спине, куда ни попадя.

– Эй! – выглянув из сторожки, подзывает Ярый покуривающего неподалёку секретаря. – Там моя дура притопала, ты её определи к Марте. А не захочет – скажи, нехай катится отсюда, как и пришла. Скажи, меня срочно отправили на бой с венгерскими солдатами, я потом сам к ней привалю. Если сильно упрётся – не гони, пусть сидит и ждёт, пока не ... остальное он договаривает грязным-прегрязным матом.

– Эй, ты! – машет Ярый любезничающему с поварихой Нечаю. – Бери моток дроту (колючей проволоки), давай за мной, живо!

Забежав в хозяйственную пристройку, Нечай цепляет на винтовочный штык моток колючей проволоки, недоумевая, зачем, для какой цели она ему понадобится. Забор, что ли, обтягивать? Так его нет тут, забора, в лесу изгороди не ставят. Чудит что-то друже провидных.

Между тем разъярённый Ярый, накинув пленникам мешки на голову, уводил их в глубь Чёрного леса, к заболоченному Суржанскому озеру. Остановился на самом краю, где за обрывом с противным клёкотом, по-жабьи вспучивали чёрную и зелёную поверхность клокочущие роднички водоворотов.

Колючей проволокой, услужливо поданной растерянным и малость перепуганным Нечаем, Ярый опоясал поверх верёвок и Яна, и Брониславу. Приподняв мешок, плюнул Яну в лицо, а женщину изо всей силы ударил в спину так, что она, без стопа, со смертельным хрипом рухнула на колени. Загремели пистолетные выстрелы.

И ещё две жертвы внёс на свой чёрный счёт Ярый. Коротышка с усиками «бланже», широкой щёлкой между передними зубами и жгуче-чёрными сверлящими глазами.

НКВД. Совершенно секретно.

Словесный портрет по розыску особо опасного преступника Ляхно Ярослава Трофимовича (он же Ярый, он же...)

Рост – низкий (155–157 см)

Фигура – худощавая

Плечи – опущенные

Шея – длинная, заметен зоб

Цвет волос – чёрные, зачёсаны назад, слева с проседью

Лицо – треугольное

Особые приметы: особые приметы будут переданы дополнительно.

Глава 9. Арест

У помощника начальника следственного отдела НКВД города Львова Радионова настроение всю неделю было превосходным. Во-первых, на новой, не совсем привычной после фронта оперативной работе всё, наконец, с прежде корявыми сотрудниками сладилось, по-товарищески уладилось, дела пошли как по маслу. Вот и сегодня утром, при проверке документов в подозрительном, а потому находившемся под наружным наблюдением доме на улице Селянской, 25, был обнаружен и задержан нелегально проживавший гражданин, на первом же допросе признавшийся в участии в бандеровской боёвке «Юнаки» («Юноши»). Пусть теперь не колют Радионову глаза молодостью да неопытностью в деле сыска. Ещё посмотрим, кто будет учить некоторых штатских – фронтовая разведка, им представляемая, или наоборот. Пока, по крайней мере, он себя ниже других, тут работающих, не чувствует, и врага умеет распознать сразу. Чутьё есть чутьё!

Во-вторых, с Оленькой накануне вечером на квартире Радионова состоялось наконец решающее объяснение, закончившееся такими неожиданно бурными ласками дотоле неприступной, как утёс, подруги, что старший лейтенант и до сих пор отказывался верить происшедшему. Ольга согласна стать его женой! И теперь нужно хлопотать о свадьбе, собирать друзей; новые наваливаются заботы – не тягостные, приятные, хотя и не простые.

Эх, ёлки-моталки! Приедут, сядут за праздничный стол ребята, с которыми в училище трескал осточертевшую перловку – «шрапнель» из одного котелка, с которыми ползал по мхам и болотам в разведывательных поисках, смертельно опасных, откуда очень часто не возвращаются... а вот ему, Радионову, повезло. Приедут на свадьбу мама, братишка, он их не видел тысячу лет. Поднимут друзья бокалы за отца всех народов, потом за их с Оленькой счастье, за победный май 45-го, встречали который совсем недавно, полгода назад. Сколько будет воспоминаний, сколько славных минут подарит только-только начинающаяся послевоенная жизнь!

Но прочь, прочь, товарищ старший лейтенант, эти вызывающие невольную улыбку нежные мысли о девушке Оле и сверстниках-соратниках. Сейчас к тебе в кабинет конвой введёт врага, и не должно быть ни уголка в твоём сознании, в твоём сердце и на твоём лице, куда могли бы просочиться отвлекающие, мешающие главному делу праздные мысли.

– Слушайте внимательно, я зачитаю протокол обыска, если что не так – скажете, – сухо и требовательно объявляет задержанному старший лейтенант Радионов.

И таким же сухим, официальным тоном вслух оглашает, что им, совместно со старшиной – фотодактилоскопистом Кругловым, в городе Львове на улице Селянской, 25, в доме гражданина Грабчука был задержан для выяснения личности и состава преступления гражданин, при обыске которого обнаружено и изъято.

Строго посмотрев на сидящего перед ним черноволосого мужчину лет тридцати пяти, следователь перечисляет изъятые вещи. Паспорт на имя Опришко Ивана Фёдоровича за номером 276, военный билет со свидетельством об освобождении от воинской обязанности, справок разных четыре штуки, небольшой альбом с семейными фотографиями. Никакого иного лично ему, Опришко, принадлежащего имущества в доме не обнаружено.

Иван Фёдорович беспрекословно, с готовностью школьника-отличника подтвердил точность сделанной в протоколе записи и подпись свою поставил, хотя и неумело (видать, грамотёнке-то не очень обучен, – подумалось Радионову), но быстренько, где ему было указано.

Своими спокойными и откровенными действиями Опришко вызывал если не симпатию (какая может быть симпатия к подозреваемому?), то уж наверняка некоторое расположение молоденького офицера, вроде как по годам – ровесника. Радионов, конечно, не мог заглянуть в потайные мысли своего визави, а то бы с ужасом для себя прочитал: «Зелень ты гусиная, хорошо, что именно ты мне попался. Старайся, раскалывай, я всё подпишу, скорее бы только на кичу, а там-то уж меня точно не сыщут».

Возвращаясь в камеру, Ярый (а это был он) продолжал свой негласный монолог: «Личное имущество найти хотели у Грабчука в доме. Дураки! Нет, москаляка, моё имущество находится да-алеко отсюда, в таких местах, куда кроме меня никто не ходил и не пройдёт. Даже Катруся ничего не знает. Зачем? Сегодня она мне жинка, а завтра? Всякое может быть, наведёт ещё этих тонкошеих оперов, и всё то, что копил, что насбирал за войну, а там золотишка и камешков драгоценных немало, от всего останется только дым. А мне ещё жить надо и думать надо, куда подаваться после освобождения. Так что у Грабчука я ничего лишнего держать не стал, кроме тех документов, что взяли».

Тогда же, на допросе, в ноябре 1945 года, пока следователь изучал липовую справку сельрады (сельского совета) о том, что гражданин Опришко И. Ф. – выходец из бедняков, беспартийный, малограмотный, что и подтверждает сельская рада, задержанный писал автобиографию. Писал, нарочно ошибаясь, зачёркивал, виновато всхлипывал носом, просил, извиняясь, у следователя новый лист бумаги. Наконец «написюкал»: «Я, Опришко Иван Фёдорович, родился в 1910 году в селе Семикивцы в семье крестьянина-бедняка Опришко Фёдора Николаевича. Походил в начальную школу, потом бросил, бо треба було помогать батькам и работать. В 1939 году после воссоединения Западной Украины в

состав СССР меня хотели послать учиться на курсах бухгалтеров, и я желал приносить как можно больше пользы своему народу. Шестимесячные курсы были в городе Станиславе. Но учиться мне, малограмотному, было очень трудно, бо я арифметику знал плохо и....»

Ярый, задумавшись (что сочинять-то дальше?), постучал пером-уточкой по тяжёлой стеклянной чернильнице-непроливайке, старательно очищая от фиолетовых нитей школьную ручку. И краем глаза, вроде как безразлично, ненароком чиркнул взглядом по лейтенанту. Тот строго вглядывался в ложную справку сильрады и что-то заносил в лежащий перед ним блокнот. Ярый понял: готовится ловить его на каких-то несуразностях этот зелёный огурец. Навряд ли что-то нужное он выудит: бумагу загодя и по всем правилам подготовил и переправил Ярому родной брат Леонтия Винника, бывшего харчевого боёвки. Правда, не сразу голова сильрады (председатель сельского Совета) отважился на такой «подвиг». Что ж, пришлось через верных людей рассказать брату Винника, чем для него лично может обернуться непослушание.

Коль щедро навешивает ОСО – Особое совещание при министре госбезопасности – сроки бандеровцам: и по 10, и по 15, и по 20, и по 25 рокив, пусть не надеется советский работник Антон Винник на милость, своё тоже получит в полной мере за пособничество бандитам. Антон Гаврилович оказался такой же трусоватый, как и Леонтий, его младший брат. Привёз Антон во Львов нужные документы на убитого в перестрелке с «ястребками» Опришко, скреплённые подписями и печатями, как на живого. Да ещё на всякий случай кое-какие другие справки сунул, лишь бы больше его, Антоху, не тревожили. Что же! Погуляй, отдохни пока, вуйко. А понадобится – вновь найдём тебя, куда ты денешься?

Но, ладно. Сейчас надо свою игру играть, спокойно, не переигрывая, без нажима. На миг и совершенно некстати всплыли перед Ярым его строгие учителя из Краковского гестапо с их надменными мордами и костистыми пальцами, которыми стучали по лбу, если косячил ... Но тут же, отогнав предательские воспоминания, он продолжил дачу требуемых показаний.

«...я стал работать в дорожном управлении на разных специальностях. На фронт меня не взяли по болезни, о чём прилагаю справку сильрады. Я в годы войны занимался крестьянским трудом, работал на разных работах в своём селе и по найму в соседних сёлах. В марте 1943 года из села, где я тогда жил, меня под угрозой смерти забрал в свою боёвку станичный села Пустошь Федорив Стефан Тимкович...»

«Всё верно пока, молодец, – нахваливает себя, тупо высунув язык (знает, что лейтенантик тоже наблюдает за ним), Ярый. – Пусть они теперь попробуют перепроверить, разыскать Федорива, когда Стефановы косточки сгнили в Дорогивском лесу, где их боёвку в пух и прах раздолбали обозлённые своими потерями ковпаковцы. Косоротый, перегнувшийся, на поваленном бревне лежал тогда Федорив, исходя кровью. Сам, грешник, при жизни не одну большевистскую душу на тот свет отправил. Но и его кара Господня не миновала, полиз на драбыни в ад, бо в раю йому немає миста (полез по лестнице в ад, потому что в раю нет ему места)».

«...он пришёл ко мне в дом, наставил немецкий автомат и приказал сейчас же идти за ним, иначе убьёт родителей и всю мою семью вместе со мной, а дом спалит. Я после этого дал согласие»...

«И тут ты не придерёшься к моей баечке, – чистит перо о край чернильницы Ярый. – Я же знаю, вы, Советы, с пониманием относитесь к местному населению, запуганному тремя годами фашистской оккупации и бандеровского террора. Значит, всё правильно: меня бандиты запугали, повели под ружьём к себе в лес» ...

«Взял я с собой те вещи, что наказал Федорив, и двое повели меня в лес, где передали в сотню «Черника». Там я сразу был предупреждён, чтобы забыл свою фамилию и имя, а отвечал только на имя (у них это называется «псевдо») «Рыбак». Я тогда был зачислен рядовым (стрельцом) третьей четы. А командовал этой четой «Беспризорный». Он выдал мне винтовку немецкого образца и к ней пятьдесят патронов. Шесть недель я проходил обучение – это маршировка, приёмы ружейного и рукопашного боя, выход одному из строя и уметь охранять лагерь. Я назначался охранять лагерь, где располагалась боёвка. Ещё меня учили на занятиях наступать, находиться в обороне, проходили там стрельбу и другую боевую подготовку. В этой боёвке я был до июня 1944 года. Меня в бой не посылали, а назначили харчевым, то есть, интендантом у «Беспризорного».

Ярый призадумался: «Что ещё придумать поправднее?» Решил и, так же старательно мусоля языком губы, вывел: «Потом я сильно заболел животом, и по болезни был отпущен домой».

Старший лейтенант Радионов, конечно же, обратил внимание на затяжные паузы в написании задержанным собственной биографии, которую, по его убеждению, каждый человек должен знать, как дважды два. Взял листок у Ярого, хмуро процедив: «Почитаем, что вы тут так долго вспоминали».

Пробежал глазами листок, затем резко стукнул ладонью по столу:

– Неправда, Опришко, вы были в банде до конца 1944 года и не харчевым, а роевым у «Беспризорного».

«Опришко» заморгал глазами, пытаясь изобразить растерянность, беспомощность, испуг перед таким «высоким» чином, как следователь. А в голове стучало молоточками радостное: «Ни черта, щенок, не знает, только на пушку берёт. Какой там я роевой, когда...»

– Не знаю, чем поклясться, гражданин следователь. Да вы спросите у самого Федорива, ваши хлопцы наверняка взяли его, он скажет, стрелял я из своей винтовки по людям, чи не стрелял? И спросите в моём селе у Оксентия и Дзвоника (Скуба хорошо знал, что эти оба выродка были убиты вместе с Опришко, когда лесной бивак окружил красноармейский истребительный батальон). Чистую правду вам говорю. Ушёл я из банды, когда увидел, как они над людьми издеваются: троих ни за что расстреляли на горке, била рички (около реки), с них кровь ручьём в речку текла. А меня заставили закапывать, рвало меня тогда и рвало.

Ярый непритворно смахнул слезу и всхлипнул.

– Я в тот же вечер удрал от них, сидел в бункере – это заброшенный погреб, всю семью свою увёл туда.

Радионов суровее сдвинул брови и вернул Ярому листок, бросив: «Продолжайте запись, поподробнее и абсолютно правдиво. Учтите, всё до слова будем перепроверять!»

«Вместе с Оксентием Слободаном, 36 лет, и Михаилом Дзвоником, 38 лет, я решил уйти из банды. По дороге из леса мы потеряли друг друга. Я добрался до своего села, взял семью, и мы той же ночью ушли прятаться в бункер, то есть, брошенный погреб, где когда-то стоял дом моих родителей. Когда в наше село пришли Советы, я как раз находился на чердаке своего дома, где отбирал вещи, чтобы взять их в бункер от сырости. Я услышал голоса военных, сам спустился с чердака и сдался».

Свыше четырёх часов продолжался допрос «Опришко». Отвечал он следователю с готовностью, всем видом изображая искреннее раскаяние, стремление чем только может помочь правосудию установить правду. На глазах у нечестивца, играющего роль кающегося грешника, то и дело вспыхивали слёзы, а голос без конца вибрировал и дрожал. Ярый даже пару раз кратко всплакнул, потом чуть ли не зарыдал, отчаянно переходя в своей исповеди с русского на украинский язык. Будь перед ним следователь опытнее, хотя бы просто постарше возрастом – выявились бы накладки в «правдивом» рассказе «обманутого» сельского парубка-дурачка, в образ которого усиленно пытался вписаться «Опришко». Но неискушённому в палаческих делах бандеровцев Радионову, вчерашнему окопнику-фронтовику, и в голову не могла прийти инквизиторская сущность его ровесника, отделённого от следователя письменным столом. К тому же боевому офицеру малость льстила учтивость, вежливость, с которой держался перед ним одураченный, как он начинал думать, парень, силой втянутый в бандеровское формирование «Юнаки». Но допрос всё же есть допрос!

- Почему сами не пришли к нам с повинной, как другие?
- Боялся, что бандиты уничтожат меня и всю мою семью.
- Знаете ли вы бандитов с кличками «Мытор» и «Резун»?
- Лично я не знал ни того, ни другого, только слышал в боёвке о «Резуне».

А сотня Черника, куда меня определили, входила в курень Мытора, но я его тоже ни разу не видел.

Абсолютно грамотно, с канцелярскими завитушками (за высокую грамотность и ценный почерк и взяли его в отдел), выводил сотрудник следственного аппарата показания Ярого – отъявленного бандита, садиста и предателя. Так и появились в уголовном деле поверхностные, непроверенные выводы: руководящее положение в Организации украинских националистов не занимал, в банде находился считанные месяцы, хотя фактически «стаж» предводителя боевиков исчислялся годами, в боевых столкновениях не участвовал. Что наплёл следователю изошрённый злодей, то и записал дознаватель. А потом задумался: кого судить? Насильственно мобилизованного бандой сельского жителя, вся вина которого состояла лишь в том, что он ходил с винтовкой на охрану своего лагеря?

Чем дольше размышлял Радионов над тощей папочкой, где аккуратно были подшиты все относящиеся к делу бумаги, тем больше убеждался, что не-

опровержимых улик для серьёзного предъявления обвинения собрано крайне мало. Тогда что же, отпускать задержанного, извинившись перед ним за беспокойство? Нельзя! Ни в коем случае! Опришко – Радионов и неопытным нюхом своим чувствовал – что-то не договаривает, вину свою признаёт, но, как-то так, плутовато, не до конца.

И Радионов, вняв совету напарника по отделу, решил с новым допросом не торопиться, подождать, пока подследственный потомится, помается наедине со своими думами и вспомнит нечто более интересное.

Но, подчинённые, как известно, предполагают, а начальство располагает. Радионов и думать не мог, сколько ещё новых уголовных дел подвоят ему в следующие дни и недели. И сколько запутанных клубков придётся распутывать куда как по более громким «справам», чем «Юнаки». Когда уж там было всерьёз заниматься этим сельским недотёпой Иваном Опришко!

Массовые операции, которые проводил на Львовщине партийно-советский актив с помощью истребительных батальонов («ястребков») и местных жителей, вели к новым и новым поимкам бандеровцев. Были выявлены и предстали перед обвинением участники охраны районного провода. Все эти законченные бандиты с кличками – псевдонимами «Дуб», «Хорт», «Орлик», «Чумак», «Калина» – держались нагло, развязно, далеко не в пример благостному и почтительному «Рыбаку» – Опришко. Полный контраст.

Радионов, задёрганный многочасовыми допросами бандитов, порой срывался, переходил на крик, стучал кулаком по столу. Отведённое на расследование преступлений время уплывало с бешеной скоростью, рабочий день порой длился по пятнадцать часов, переходил в ночь, и всё равно времени не хватало.

О личной жизни приходилось забывать. Хорошо хоть умница Олечка понимала его состояние и ласково прощала ставшие абсолютно редкими уже даже не свидания, а краткие явки с повинной, – как она шутила, – старшего лейтенанта Радионова. Невеста понимала, а начальство? Радионов, убеждаясь в том, что не успевает завершить расследование в установленные сроки, через своего начальника обратился к Военному прокурору и попросил продлить срок следствия и содержания под стражей нескольким обвиняемым, в том числе Опришко. Такое разрешение было получено, и дело «Рыбака» в числе прочих дел было рассмотрено ещё три с половиной месяца спустя.

И всё равно, осталось оно основано исключительно на личных показаниях задержанного. Ни одного живого свидетеля не соизволил привлечь Радионов, больше доверявший своему фронтовому опыту и куда как меньше – наставлениям по ведению следствия. Что ему стоило, например, если уж не поехал сам, вызвать повесткой на допрос хотя бы земляков Опришко, например, самого Юлиана Иосиповича Пташника, у которого «Рыбак», да какой там, к дьяволу, «Рыбак», злейший бандеровец Ярый скрывался в декабре предпоследнего года войны, забившись от страха в дальний угол чердака во время прихода отряда «ястребков»?

Тесть, откровенно не любивший зятя за его бандитское прошлое, многое, если не всё, поведал бы следователю. Рассказал бы и о том, как этот тихенький,

очень правдивый «Рыбак» так же скромно и доверчиво, как на допросах, глядя в лицо солдату из истребительного батальона, попросил разрешения выйти на двор «до ветра». Тот не насторожился: молодой парень сам спустился к ним с чердака с какими-то хозяйственными инструментами в руках, не ругается, не дрожит, спокойно отвечает на вопросы – наверняка, значит, не виноват ни в чём.

А потом, чего опасаться, зима стоит лютая, морозы жарят такие, что и собака из будки нос на улицу не захочет высунуть. Куда он убежит, этот клоп в лёгкой домашней рубашонке и лаптях на босую ногу? Робкий, затурканный вуйко с втянутыми плечиками никак не вязался с представлением о беглеце. Потому без опаски выпустили его «до ветру». А найти не смогли до вечера.

Пользуясь рано опустившейся в зимний день темнотой, Ярый бежал от раззявы-солдата прямо в поле, где по-звериному быстро сообразил: вон, за наметёнными метелью сугробами, стоят скирды, способные дать защиту от ветра и хоть минимум тепла. От околицы слышны были резкие военные команды, ругань, запоздалые крики, может, даже выстрелы. Беглец, пользуясь последним дарованным шансом на свободу, пробирался в стог, поскуливая от холода, голода, нервной горячки, полз в самую глубину, пытаясь устроить лежбище надёжнее и удобнее. Улёгся, согрелся, но не спал, вслушивался в ночные звуки, моля бога спасти его, уберечь от пули, штыка, злобных овчарок. Но погоня, видимо, если и шла, то по селу, а в поле и не подумали отряжать солдат. Под утро стихла «хуртовина». Повалил крупными хлопьями затяжной снег. И под его шорох, под его убаюкивающий лепет счастливо избежавший погони беглец сумел кое-как уснуть.

А между тем «ястребки», хотя в их рядах и встречались растяпы, в целом оказались войском устойчивым, решительным и последовательным. Позорный случай с бегством Ярого даром не прошёл, прибыло в район опытное подкрепление, начальство которого устроило крепкий разгон оплошавшему взводу. И в ту же ночь, едва рассвело, батальон «ястребков», усиленный местной милицией, советскими работниками, активистами, устремился в повальный прочёс неблагополучной местности. Проверяли все подозрительные места, и не зря: повытаскивали из полуразрушенных домов, хозяйственных построек, кладбищенских схронов и церковных бункеров немало «опричников», скрывавшихся от власти. У каждого спрашивали о нём, Яром. Точных данных получить не могли. И, не зная истинной роли зятя Юлиана Пташника в кровавых делах, больше гоняться за ним не стали, рассудив, что далеко в безлюдной декабрьской степи он не ушёл, окошел, небось, где-то в былках бурьяна на радость волкам. А если каким-то чудом и уцелел, то доползёт до ближайшего населённого пункта и сам сдастся.

Двое суток просидел в промёрзшей копне действительно чудом спасшийся от заслуженного возмездия главарь разгромленной боёвки. (Эх, Радионов, Радионов, кому ты поверил о добровольной сдаче нашим «ястребкам», да разве такие звери сами себя отдают в руки правосудию?). Может быть, там, в степи, подыхая без тепла и еды на калёном крещенском морозе, пробиравшем до костей сквозь ненадёжную сенную труху, и нашёл бы себе Ярый законную гибель, да вновь пришло ему спасение. Вот же, кому жить!..

На сей раз вытащила его с того света жена, Катруся! На коленях умолила, упростила она отца своего идти, искать Ярослава в степи – чуяло её сердце, здесь он скрывается поблизости. Бессонными ночами чудилось – зовёт он её и дочку маленькую, Наталку, прийти к нему, погибающему, на помощь, скребётся в окно, в двери, стонет... Пошли.

Поиски и привели к той копне, где, скрючившись в три погибели, лежал, помирая, обмороженный Ярый. Бредил, никого из них, склонившихся, не узнавал, и прощения ни за что так и не просил. Волоком, где на закорках, где на подстеленном колушке (тесть ни к дочери, ни к зятю не подходил, шагал, не оглядываясь, впереди) – притащила Катруся беглеца домой уже поздно вечером. На другой день отправила его через родственников в районную больницу. А сама слегла с воспалением лёгких на долгое время у себя в доме, чем вызвала новый приступ гнева со стороны отца.

Юлиан Иосипович бегал по хате, за голову хватался: «Зачем я, старый дурак, подался на её уговоры? Да лучше бы он сдох в той копне, этот бандюга! За каким чёртом я дочку родную на такие муки согласился вести?»...

Полгода выползал зятёк из полусмерти. В районной больнице оставил девять обмороженных пальцев на ногах – последствие двух тех страшных ночей. Жалел себя. Не плакал, не выл, только скрежетал зубами, приводя в трепет всех, кто не смог заснуть в такую ночь. Потом смирился: что такое ампутация почерневших, так или иначе пропадавших пальцев, по сравнению с полученной свободой и возможностью тишком-нишком возвращаться к жизни без решётки?

Вот как бы только по-умному затеряться, затаиться, чтобы ни один хвост за собой не привести? Жертвы ничего о нём не расскажут, для того и велась их ликвидация, чтобы не было ненужных свидетелей. Соратники? Кто пал, а кто жив – тот навесил на уста стопудовый замок, который только он, Ярый, вправе отомкнуть своим ключиком. Все будут молчать. И те, кто сыпанул вслед за немцами. И те, кто скрылся со своими, бандеровцами, за кордон, скорее всего, в Канаду. Кто окопался там, не имея со стороны властей никаких претензий. К ним, туда, за границу, надо будет перебираться и ему – одному или с семьёй, это уж как получится. Но пока задача – не привести за собой ни один длинный хвост, ни один нос, способный вынюхать его дымящееся разливами крови прошлое. Хороши всё же больничные ночи; лежи, закрыв глаза, думай. А днём? Можно и днём, только делай вид, что никто тебе не нужен, проходите мимо, братья и сёстры, не чипайте мене, не трогайте, я уткнулся взглядом, утупился в одну точку – похожий на трезубец переплёт оконных рам – и никого не трогаю. Не трогайте и вы меня, Бога ради!

На первом же свидании с исхудавшей, изменившейся после тяжёлой болезни Катрусенькой, он, вскользя спросив её, как она себя чувствует и тихо ли в селе (даже не поинтересовался дочкой), стал научать жену, каким образом можно подойти к председателю сельсовета. Самогон, добрый шматок сала и вскользя произнесённое упоминание о Леонтии Виннике, интенданте «Чёрных чертей», сделали своё дело, не зря так мучительно ломал голову пан референт. Печати и

подписи на липовые справки легли безотказно. Приставленный к власти дидько Антон понял, как нужно действовать, и опрометчиво доверенный ему Советской властью пост сумел использовать в интересах не до конца разгромленной банды.

Голова сильрады где сам, а где через своих дружков добыл Ярому вначале временное удостоверение вместо паспорта, затем военный билет с незаметно сделанной подчисткой. Биография закоренелого бандюги Опришко после такого основательного ремонта приобрела совершенно иной вид. Ярому нечего, некого стало бояться. И он, не оглядываясь по сторонам, покидал больничные стены, пусть заметно прихрамывая и сильно опираясь на самодельный посох. (По привычке сжимая «постол», как автомат).

Тесть – главный бухгалтер какой-то сельской торговой организации, был страшно недоволен проделками зятя. Каждый день чуть ли не выталкивал его из дома, заставляя ехать с повинной в районную милицию. Но в ногах отца валялась дочь, Катерина: «Ой, папа, я прошу вас, не делайте этого, не гоните нас, Наталочка же ж внучка ваша, вона мала дытына, а вы слышите, что в селе говорят: кто в лесу скрывался (убивал и грабил – это называется «скрывался»?) – таких або расстреляют, або на всю жизнь в Сибирь сошлют. Шо нам тоди робить?».

Отец в ответ кричал: «Такие, как твой сатана, и распускают сплетни про Сибирь. Не бывает так, чтобы ни за что человека к стенке ставили. А заслужил – пусть получит своё, нечего всю семью в страхе держать. Придут Советы – не придут... Пусть приходят, я больше твоего поганца прятать не буду!»

И вновь рыдала Катруся, разрывая сердце старику: «А Наталочка як же, тату? И в мене ще буде ребёнок». «Зовсим гарно!» – разводил руками Юлиан Пташник. Конечно, одной дочери двух детей не поднять, а на него, старика, надежда слабая.

И размякло суровое сердце Юлиана Иосиповича, безумно любившего шуструю, ладненькую внучку. Гладил девочку по чисто вымытой, причёсанной головке, а потом, проходя мимо дремавшего, как усталый кот, зятя, презрительно сплёвывал ему под ноги: «У-у, нелюдь, трясця твоей маме!»

Ярый, понуро сидя в старой, плетёной из ивовых прутьев качалке, молчал, не огрызался, тоскливо упрекая себя: «Что же ты, атаман, в своё время не повесил этого старого хрена на тополе, за сараем? Ух, как славно бы качался гусак длинноногий! Ну, ничего, дай только мне, Боже, окрепнуть хоть трошки, расквитаюсь я, любый тато, и с тобой...»

Ослеплённая судьба продолжала простирает руки над бандитом, однажды обманувшим её. Впрочем, почему однажды? Дважды! В первый раз выпустив из рук «ястребков». А второй – передав в неопытные руки следователя Радионова

И получил Ярый вместо заслуженной пули всего лишь минимум – десять лет лагерей. О своей любви к Катерине и детям – Наталке и Софийке – он нигде и никому не говорил. Знал ли вообще этот верноподданный бандеровский выкормыш такое чувство, если в нём закаменела вера в эффективность только одного из множества человеческих чувств – страх. Желательно, животный страх,

от которого у человека дрожат все поджилки, и он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не рухнуть повелителю в ноги с мольбой о пощаде.

Продажный лис ОУНовской безпеки, через пять лет пребывания в «местах не столь отдалённых», узнав, что Катруся вышла замуж, писал ненавистному тестю: «Она меня бросила, как бросают изношенную рукавичку. В годы войны она была мне женой, а теперь нет. У меня чуткая душа, я знаю, что ваша дочка теперь отделяет от меня и детей, приучает их забыть ридного татку, а чужого вуйку, щоб вин здох! называть папой. Ни! Нихто, ни Бог, ни люди меня не осудят. Я с гордостью нёс, несу и ще понесу свий хрест ...»

У «драматурга» Геббельса были творения, вызывавшие к чувствам «униженного и оскорблённого славянами арийца». По-видимому, этот спектакль был хорошо знаком дружке провиднику, вот он и разыгрывал его, как мог.

Ярый не сомневался: лагерная служба вправе проверять всё, в том числе и его письма. И потому упорно продолжал изображать из себя без вины виноватого, оглуплённого парня, действительно, «Рыбака», нечаянно попавшего под безжалостную бандеровскую инквизицию, вынужденного служить ей.

Но так тяжко носить рубище смиренного инока вольному в своих поступках бандиту! Злость распирает, душит его, и эта злость, злоба прорывается в письмах на волю, где в центре всё та же, кровоточащая тема – уход жены. Оставив в своих посланиях рассудительный русский, Ярый переходит на гораздо более близкий ему, эмоциональный украинский язык. «Нам Биг дав драбыну, одни лизуть до горы, а друти в долину. Ничого! Вид мого ока ще нихто не втик и вона не втече. Мои очи усюды стежать за нею, мени видомый кожний ии крок».

В переводе вот о чём пишет тестю Скуба. «Бог всем дал лестницу, только одни сразу устремились по ней на вершины, другие скромно занимают своё место в долине. Ничего! От моих глаз ещё никто не удрал, и она не удерёт. Мои глаза всюду следят за ней, мне известен каждый её шаг...»

Ярому всегда хотелось если не быть, то, по крайней мере, слыть, казаться очень умным, проницательным, мудрым человеком. Таким, которому, как Богу, все люди в рот заглядывают, впитывают каждое слово, стоит ему только открыть уста. Но не всегда, далеко не всегда удавалось окружному референту являть блеск ума, потому что из кувшина, как говорят на Востоке, может вылиться только его содержимое. А что за содержимое было в «кувшине» главаря бандитов? Злость, хитрость, изворотливость – этого добра хватало. А интеллекта, ума... Чого нема, того нема.

Ярый маску невинной жертвы носил постоянно. В письмах близким он стремится выглядеть гордым изгоем, страдающим ни за что и уверенным в том, что его искупление – наказание за чужие грехи – избавит от страданий большую часть человечества.

Слухи просачивались к нему в лагерь окольными путями, заставляя проводить долгие ночи, впериw глаза в потолок. Ярый знал, что многие его дружки, бежавшие в Германию, когда гитлеровский рейх затрещал и развалился, растворились в американских и английских зонах оккупации городов Мюнхена, Аугсбурга, Миттенвальда, Регенсбурга, Нового Ульма. Непостижимым образом дошли вести

и о том, что в лагере военнопленных в итальянском городе Римини находится восемь тысяч вояк из четырнадцатой дивизии СС «Галичина». Ярому было с кем здесь, под хмурым Колымским небом, поговорить о судьбе этой дивизии.

Прожжённые лесные волки оказались правы в своих предположениях. Через небольшой промежуток времени преступное сборище бывших палачей, замаскировав кровавое прошлое под невинной вывеской «Братство воинов 1-й дивизии», тихонько переправилось и осело в Канаде, поначалу всё ещё выжидая сигнала возобновления борьбы за самостийну Украину, а потом тихо старея, но не забывая прошлого...

Всех подробностей Ярый, конечно, знать не мог. Но он знал главное: бежавшие от советских войск, как клопы от дуста, лесные братья ещё вынырнут где-нибудь под жовто-блакитным флагом на поверхность. Значит, пока нужно быть просто ниже травы, тише воды, законопослушно отбыть свой срок под холодными «стожарами», а по освобождении немедленно искать пути перехода к своим. «Ридна ненька» Украина наверняка станет мачехой, ею уже правят коммунисты, она больше не согреет своего заблудшего сына, ей теперь милее другие дети. Но путей перехода много, обдумать их нужно тщательно, без спешки, осмотрительно.

Ни с кем, какое бы доверие человек ему ни внушал, не делился Ярый своим прошлым. Однажды разработанную и накрепко заученную легенду о легкомысленной связи с «Юнаками» поддерживал неукоснительно. Сам уже истово верил в эту сказку. И матери своей рассказывал в письмах о том же. Престарелая Софья Савельевна – почти слепая от выплаканных слёз: её старший сын, Михаил, погиб, сражаясь в Красной Армии против фашистов, а младший отбывал нескончаемо долгое наказание «не понять за что», – напишет Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову просьбу о помиловании сына. Напишет не сама, а с помощью внучки, по старой памяти забегавшей в дом бабушки, несмотря на выговоры мамы.

«Мой сын стойко стал на путь исправления, – будет писать девочка под диктовку головы сильрады, в этот поздний час допивавшего свою бутылку самогона в хате Софьи Савельевны. – По характеристике начальника лагеря мой сын добросовестно работает старшим пекарем. На его совести нет преступлений перед родной Советской властью. На коленях прошу Вас освободить его из мест заключения до окончания срока, ему отбывать в ссылке ещё пять лет. Предоставьте ему возможность на своей родине честным трудом искупить вину за несчастную молодость».

Жалостливое, трогательное письмо сочинил грамотный голова сильрады. Единственный только был допущен, говоря современным языком, прокол, и очень серьёзный: имя – Ярослав Трофимович Ляхно указали настоящее, а надо бы Иван Фёдорович Опришко, как он сам в своей биографии указывал.

Но ни в дупель пьяный Антон Винник, ни, тем более, совершенно неграмотная мать «референта» на такую деталь внимания не обратили. Маме своей Ярослав потом эту промашку простил. А на горького пьяницу Антона Гавриловича – родича харчевого, в суде с такой ненавистью вылупил свои «зверячие» очи, что тот от страха забыл, как его зовут, только икал.

Но тогда не одна эта маленькая накладка в датах послужила причиной отклонения слёзного ходатайства. Предательство ничем оправдать нельзя, за него нужно расплачиваться. Президиум отказал.

* * *

Ярого отправляли на новое поселение. Не одного, а с группой таких же, как он, бандеровцев. Вели колонну строем под усиленной охраной мимо соседней зоны, той самой, где отбывал свой срок и Николай Поречный. Когда-то судьба свела их в чёрных прикарпатских лесах, а теперь устроила встречу под сиротливым северным небом. Ярый давно забыл и не вспоминал своего пленника, красноармейца-пулемётчика по кличке «Задерживост». А пулемётчик мгновенно признал в этом человеке ниже среднего роста «друже провидныка», водившего бандеровскую сотню на страшные «подвиги».

Поречный закрыл глаза, ещё раз проверяя себя: точно ли это треугольное лицо, кудловатые смуглянистые брови, немного вздёрнутый нос соответствуют облику Ярого? И память услужливо вытолкнула кадры: вот главарь идёт по лесу в гражданском пальто польского покроя нараспашку, сквозь отвороты которого видны френч с накладными карманами и топорщащиеся бутылками галифе. На ногах – высокие немецкие ботинки, на голове – чёрная суконная кепка, чуть сбитая набок. Через плечо перекинут советский ПППШ, а за пояс заткнут немецкий парабеллум. «Друже провиднык!» – почтительно окликает его секретарь Буревой – и главарь довольно ощеривается, высвечивая широкую щёлку между передними зубами...

Поречный не стал выдавать себя, пристально провожая глазами проходящих мимо ограждения заключённых. Но как раз в этот момент, словно для того, чтобы развеять последние сомнения Поречного, кто-то из колонны окликнул референта: «Опришко! А ну, держи!» – и следом полетела к ногам Ярого плотно свёрнутая фуфайка.

По характерно растопыренным рукам, всей позе «Опришко» Поречный окончательно убедился: да, под чужой фамилией прячется Ярый, заметно изменившийся за послевоенные годы, но всё тот же главарь сатанинской боёвки «Чёрные черти».

Не подав виду, стараясь не смотреть на окружающих, Поречный выскользнул из толпы и направился к начальнику лагеря.

– Передайте, пусть примет меня срочно! – настаивал Николай Поречный, встретив категорический отказ охранника тревожить начальство. Но, оценив необычность поведения заключённого, вохровец всё же уступил его настырности.

А сам потом несколько раз подходил к дверям недостижимого кабинета, пытаясь понять, что же там такое происходит? Прошёл уже час, второй, потёк третий, вызвали к Самому начальнику специальной части, потом послали машину за кем-то из прокуратуры, а Сам всё продолжает приглушённый разговор с этим ээком – Поречным, ничем особым прежде не выделявшимся в общей массе.

Видать, вправду, решается там нечто чрезвычайное. Знать бы что...

Альберт ЗВЕРЕВ

Дядя Ваня – друг Василия Сталина

Рассказ

(Все события и имена реальные)

В армии я служил в Москве. 1986–1988 годы. В стройбате. Сварщиком в аварийной бригаде на «почтовых ящиках».

Порядки там держались не на Уставе, как полагается, а на «понятиях». Воинская часть находилась в самом центре города – на Пресне (станция метро «1905 года», рядом Ваганьковское кладбище). И если на военном объекте столицы случалось ЧП, мы успевали прибыть на устранение аварии в считанные минуты. Благо – никаких пробок на московских дорогах тогда и в помине не было.

«Аварийка» состояла из сварщика, сантехника и электрика (старослужащие срочники). К ним прилагались трое бойцов подсобных – «принеси, подай, махни за забор стрельнуть у прохожих закурить» (духи). Командовал этим «боевым» подразделением гражданский специалист – строитель.

★ ★ ★

В нашей бригаде старшим был ужасно злобный и скандальный старик-пенсиянер Иван Маслов. Вечно мрачный, хромой и сутулый, никогда не снимавший с лица маску отвращения ко всему окружающему миру. Боялись его даже офицеры – в дурном настроении, с похмелья он, невзирая ни на какие должности и звёзды на погонах, запросто мог обложить в три этажа хоть проверяющего штабного полковника, хоть серого пиджака из известной конторы. Ходили слухи, что однажды он даже хорошо отметил новенького, ещё неопытного офицера, нагло посмеявшегося сделать ему замечание за пустые бутылки под столом в бытовке.

А ещё он был махровым сталинистом и антисемитом. В первый же день нашего знакомства, узнав моё имя – Альберт – дядя Ваня брезгливо «сквозь зубы» прошипел:

- Еврей?
- Нет, русский.
- Отца как зовут?
- Владимир.

Такой ответ его несколько успокоил, но дед ещё долго на меня косился с подозрением и недоверием.

Мне всё-таки повезло с национальностью, а вот нашему сантехнику-киевлянину Ромке Кагарлицкому пришлось хлебнуть лиха. Гнобил его Маслов по полной. Рома носил отчество Семёнович, но внешность имел такую откровенно семитскую, что про отца можно было и не спрашивать. По поводу и без повода дед к его работе мелко придирался, оскорблял и регулярно грозился устроить ... *Соломону*чу обрезание по самые гланды.

Как-то во время перекура Роман достал из-за пазухи и стал листать журнал «Огонёк». На дворе тогда вовсю бушевали гласность и перестройка, газеты, журналы и ТВ соревновались друг с другом в разоблачении сталинских преступлений, «Огонёк», под редакцией Коротича был в первых рядах. Маслов аж побагровел, задрожавшими руками схватил газовый ключ и двинулся на Ромку. Мы едва успели встать ему на пути. Дед ни с кем не здоровался несколько дней.

Отдыхала и обедала бригада в общей каптёрке-бытовке. Дядя Ваня – за отдельным персональным столом. Нам, солдатам, еду привозили в термосах из части, он-же закусывал свою дежурную «чекушку» домашними бутербродами. Чай пили вместе. Не армейское невзрачное пойло, а с настоящей заваркой и вишнёвым вареньем. Маслов был необыкновенно мелочен и скуп, мог закатить бурную истерику, если ему случайно недоплатили по «аварийной ведомости» пару рублей с копейками, но сигаретами, чаем и вареньем всегда делился с нами щедро и даже с каким-то приторным удовольствием.

Он страдал страшной астмой, постоянно кашлял, дышал натужно и сипло, но курил исключительно вонючую дешёвую «Приму». А если она, например, во время какого-нибудь ночного аврала кончалась, мог *стрельнуть* нормальную сигарету, но всегда отрывал от неё фильтр.

Дядя Ваня пил каждый день, но никто не видел его хоть чуть захмелевшим. Закалка. После работы нас забирала «буханка» и везла ночевать в казарму. Старик принимал *на посошок* сто грамм *наркомовских* и ехал с нами до ближайшей станции метро. Жил он где-то в спальном районе на самой окраине Москвы.

Пятого марта 1987 года Маслов, всегда до тошноты пунктуальный, утром на объект вдруг опоздал. Вёл себя в тот день на удивление тихо, был непонятно рассеян и заторможен. На перерыв тоже ушёл пораньше и не вернулся. А мы, солдатики, остались тогда совсем без обеда. В подвале «НИИ Космоса» прорвало трубу, кипятком залило какие-то важные, грозно гудящие и мигающие разно-

цветными лампочками железные шкафы, электричество *коротнуло*, свет погас... В темноте, светя себе газовой горелкой, по пояс в воде провозились несколько часов.

Промокшие, голодные и уставшие как черти, матерясь, ввалились в каптёрку и остолбенели. На командирском столе лежала пустая поллитровка, дядя Ваня сидел пьяный и... рыдал, как ребёнок:

– А ведь убили его всё-таки тогда!.. Отравили... Врачи – сионисты... Су-у-ки-и-и...

– Кого убили, дядь Вань?

– Кого?! Сталина!.. Су-у-ки-и-и... Сволочи-и-и...

Он едва смог взять себя в руки и успокоиться. Всхлипывая и вытирая грязным рукавом бегущие слёзы, достал ещё два пузыря и разлил на всех:

– Помянем великого человека. Он ведь меня однажды даже яблоком угостил...

Мы, недоумевая и переглядываясь, молча выпили. Ромка, растерявшись, тоже махнул со всеми. Закурили.

Маслов запил водку крутой заваркой, сиротливо кутаясь в рваный солдатский бушлат, придвинулся ближе к остывающей «буржуйке», слепо прищурил покрасневшие глаза и рассказал свою историю:

– Сразу после училища, где на сантехника экзамен сдал, вызывают меня куда надо и давай пытаться – расспрашивать, чего, мол, и как, с кем дружу, какие книжки читаю, как здоровье отца. Он у меня большевик с 1917 года... Ну и про чепуху всякую: как люблю отдыхать, есть ли невеста... А у самих, вижу, на столе толстая папка с моим именем лежит... Как под микроскопом проверяли.

На другой день вышел на работу. На Кунцевскую дачу к Нему. С напарником там в саду фонтанчики маленькие такие подключали. Два раза его видел! Первый раз издалека, а вторую встречу до конца жизни буду помнить.

Возимся мы, значит, со своими трубами, а он сзади незаметно так подошёл. Чего, говорит, ребята, вы яблоки не рвёте, не кушаете? Вкусные яблоки.

Там несколько яблонь и груш рядом росло...

Лето, тепло, а он в накинутой шинели и в фуражке...

Напарник мой посмелее был:

– Так не положено, товарищ Сталин. Нам работать надо, накажут.

– Не накажут. Скажите, что я разрешил.

Срывает с дерева два яблока и каждому прямо в руки подаёт:

– Кушайте, не стесняйтесь. Вкусные яблоки.

Дядя Ваня снова горько заплакал:

– Вот какой Человек был! Вот! А вы, недоумки, журналы про него бл...ие читаете... Долбо... вы совсем...

* * *

Вторую историю дядя Ваня рассказал пару месяцев спустя:

– Сам Василий Иосифович меня однажды другом назвал! Да! Он, бывало, к отцу приедет, а тот сразу не принимает – занят. Василий и гуляет вокруг дачи.

То на веранде посидит, то в саду в беседке. К нам однажды в хозчасть заглянул, познакомились, папиросами всех угостил. Ты, смеётся, Ванька, чего такой грустный? Девки не дают?

А у меня тогда отец захворал шибко. Положили в госпиталь, лечат, ничего не помогает, сохнет на глазах. Врач сказал, что есть нужное лекарство, но в Союзе его не найти – только за границей.

Так Василию всё и рассказал. Он взял карандаш, на папиросной пачке название записал и пообещал достать.

Я особо и не надеялся – крупно выпимши Василий в тот день был. Подумал – забудет, вот пачку докурит, выбросит и забудет.

Через несколько дней работаем в подвале, на коллекторе. Вдруг залетает бригадир и кричит, чтобы я всё бросил и наверх бежал – Василий Иосифович меня ищет.

Несусь, как угорелый. Василий уже навстречу идёт, улыбается и коробку с лекарством протягивает! Держи, вот – достал! Отцу от меня привет передавай. У меня от такого чуть ноги не отнялись. Растерялся, едва шепчу-бормочу спасибо, сколько должен спрашиваю. А он меня по плечу хлопнул и сердито так говорит: «Ванька, ты чего? Какие деньги?! Мы ж друзья».

Вот... Вот какие люди были!.. А вы журналам еврейским верите...

* * *

Маслова проводили на пенсию зимой 1988 года. Вскоре новый старший по бригаде сообщил, что он умер. Тихо. Во дворе на лавочке. Просто остановилось сердце.

Хоронили за счёт Министерства обороны. Оказалось, что своей семьи и близких родственников у старика не было. Жил скромно и одиноко. С кошками, которых подбирал на улице.

На далёком загородном кладбище у гроба собрались только двое соседей и отделение солдат.

Стоял сержант с бархатной подушечкой, на которой была одна единственная награда – орден Трудового Красного Знамени. Трижды прогремел винтовочный салют, и все разошлись. Поминок не было.

Советская эпоха уходила стыдливо и растерянно, поспешно забывая исковерканные судьбы и страшные биографии современников...

Фотографии дяди Вани у меня нет. Виделись с ним только на объектах, а там находиться не только с фотоаппаратом, но, почему-то, даже с карманным транзистором было строго запрещено.

Всё, что за два года заработал в стройбате – звание «Ударник коммунистического труда» и бонусом на несколько лет подписку о невыезде и неразглашении.

Елена ЗАЙЦЕВА

Ночной дождь

Стихи

Черновик

Ну, поймашь чужой напряжённый ритм,
Чей-то рваный горячий пульс,
Отголосок звенящих в эфире битв,
Несвершений горчащий вкус.

Что с того? Может станешь чуть-чуть мудрей,
Совершенней, смирнее? Нет.
Вдруг увидишь к концу своих серых дней
Понимания ясный свет?

За ступенью ступень и за шагом шаг...
А туда ли ведёт стезя?
Коль себе самому ты ещё не враг,
Ошибиться уже нельзя.

Не осталось ни шанса на черновик,
Догорает свеча в тиши.
В рваном ритме сердечном – короткий крик...
Если можешь ещё – пиши...

Полуночное

Ветер ночи пахнет горечью,
Веет крыльями тревог.
Не пытайся спорить с полночью,
Уходящей за порог.

Вереницей откровения –
Слово – к песне, к боли – стон.
То ли ночь – одно мгновение,
То ли память всех времён.

Огонёк свечи колышется,
Плачет каплей восковой.
То ли песня где-то слышится,
То ли дальний пёсий вой.

Иль оплакивает долю чью,
Иль горюет о любви?
Не пытайся спорить с полночью –
Пересиль, переживи.

Ночной дождь

И.В. Рудневой

Дождю ночному дайте слово.
В незамутнённой тишине
Он повествует снова, снова
И о любви, и о войне.

Невольню растравляя раны
Души, уставшей от тревог,
Он смоем – поздно или рано –
Рубцы непройденных дорог.

Надежд несбывшихся осколки,
Напрасных ожиданий пыль,
Предательства ржавые иголки,
Непроявившуюся быль –

Заговорит, зашепчет. Странно
Рифмуя кровь, любовь, беду,
До чистоты отмоем данность,
Оставит сущность на виду.

В парке у «Горьковской»

Странно в город у Невы
вдруг влюбиться безответно.
Он отравой в крови
поселился незаметно,
Он останется всегда
неразгаданной загадкой.
Прощаться не спешу,
всё равно вернусь украдкой.
Но мечтать о нём всю жизнь,
право, было бы ошибкой.
Бронзовый апостол Пётр
глянет свысока с улыбкой:
«Он холодный, он ничей.
Не предаст и не обманет...»
...Связка запасных ключей
ляжет тяжестью в кармане.

Пепел любви

Вся жизнь – ожиданье огня и любви.
Бесплодный пожар догорает в крови.
Любви безответно пылающий свет
В тумане рассеян. И вот – его нет.

Не греет камин, не мерцает свеча,
И солнце сквозь тучи не бросит луча.
Вся жизнь – ожиданье любви и огня...
Не плачьте мне вслед. Не любите меня.

* * *

Многовато нынче прибыло
Под Архангела крыло,
Из рядов солдатских выбило
И на небо унесло.

Был герой, да больше нет его...
Братья, други да отцы –
В рати Князя Благоверного
Встали новые бойцы.

И звучит молитва песнею,
И опять уходят в бой
Рать земная, рать небесная –
У границ земли родной.

* * *

Нет ни вчера, ни завтра,
да и сегодня – нет.
В хрупком, как лёд, мгновенье
клином сошёлся свет.
Клином кинжально-острым,
сущностью бытия –
Так безнадёжно просто,
что замираю я.
Просто ли быть собою,
просто ли сделать шаг?
Болью, короткой болью
явит себя душа.
Нет ни вчера, ни завтра,
да и сегодня – нет.
В хрупком, как лёд, мгновенье
клином сошёлся свет.

Миннезингеру

Памяти В.Ч.

Я тебе не отвечу
Ни на вздох, ни на взгляд.
Что раскрылась навстречу,
В том не ты виноват.

Виноваты гитара,
Мокрый снег за окном,
Поспешившая старость,
Непостроенный дом.
То дорога теснится,
Приближаясь к черте,
То бескрылая птица
Всё стремится взлететь...

Чья-то злая причуда –
Поздней осени свет.
Заплутавшее чудо –
Ни вопрос, ни ответ.
Вроде всё отзвучало,
Вроде всё позади...
Неужели сначала –
С грузом льдин и седин?

Плачут ветки пустые,
В слёзных каплях окно.
Ни к чему запятые
Там, где точки давно.
Словно скальпель, отточен
Старой песни клинок.
Режет лезвие строчек
Сердце наискосок.

Твой талант – не обуза.
Ну, а мне – поделом.
Пролетевшая Муза
Задевает крылом.
Я тебе не отвечу
Ни на вздох, ни на взгляд.
Что раскрылась навстречу,
В том не ты виноват.

Просто тронул лавину –
Злую змейку-беду.
Ты посмотришь мне в спину –
Я с улыбкой уйду.

* * *

То ли мало я жизнью бита,
То ли нету другой беды,
Но срывает меня с орбиты
Притяжение моей звезды.

Я кручусь у чужого солнца,
В стороне от других планет,
И не светит в моё оконце
Той звезды отдалённый свет.

Но бывшее не позабыто,
И не стёрлись его следы,
И срывает меня с орбиты
Притяжение моей звезды.

ALTER EGO

Мой белый Арлекин, ты слишком бел!
Мой белый Арлекин, ты слишком смел.
Познав печаль, в ущерб себе –
Пытаешься дерзить судьбе?!

Прожив, что суждено прожить,
Зачем ты взялся ворошить
Костра сгоревшего золу
И тени прошлого в углу?

Не делай вид, что ты не знал:
Там для тебя окончен бал.
Любой беды на свете злей,
Там – тёплый круг твоих друзей.

Не плачь, мой Арлекин, не плачь
И боль свою скорее спрячь.
А грязи ком, летящий вслед,
К одеждам не пристанет, нет.

Храни огонь своей свечи.
Молчи! Пожалуйста, молчи.
Пусть в наступающей ночи
Твой смех беспечный прозвучит.

Наяда

Ах, как глупо, как безрассудно,
Не надеясь на чудеса,
Прыгнуть на борт чужого судна
Под звенящие паруса.

Ах, как странно с ветрами спорить,
Как в последний шальной полёт
Уходить в штормовое море
На хребте хладнокровных вод.

Ах, как смело, как безоглядно,
Как струну порвав тишину,
Над бортами застыв наядой,
Властным взором смирать волну.

Как печально, как виновато
Моря плавится бирюза...
Застывает огонь заката
В неподвижных янтарных глазах.

Маргарита МАЛКИНА

Малиновый триптих

Стихи

Автобиографическое

Русый волос тонок, голос звонок,
И не к месту бант на голове,
Странный и непонятый ребёнок
В птичьем обретается дворе.

Дерзкая нелепая девчушка
Терпкой жизни пробовала вкус.
Как проснулась юная простушка
Королевой среди светлых муз?

Будущее льдиной расколосось,
На подмостках прожитых судеб,
Наливался рифмой спелый колос,
Что поэты превращают в хлеб.

...Ты певцов родишь, не зная меры:
Иволгу, дрозда и соловья.
Русь – пинктада маргаритифера* -
Щедрая жемчужница моя!

**Pinctada margaritifera (лат.устрица, в которой формируется жемчуг)*

О поэзии

В мечтах любовь стремится к бесконечности.
Для жизни эту аксиому допущу.
Но кто-то молится борщу, а кто-то – Вечности.
Когда об этом думаю, грущу.

Не объяснить природу вдохновения,
Не отыскать очерченных границ.
Поэт на берегу стихотворения
Всегда расслышит щебет певчих птиц.

Не даром людям Слово открывается.
Стихи – не блажь, не поза и не бред,
А тромб, который с болью отрывается,
Когда истёк молчания обет.

Судьба поэта

Бумага – обоюдоострый меч,
Я это принимаю в ней. Но снова
Не в силах высшей волей пренебречь
Пытаюсь в тишине расслышать Слово.

Судьба поэта – буреломный лес,
Не отмолчаться между тьмой и раем!
Заметной красной чёткой воскрес
Болезненный порез бумажным краем.

Готовясь жизнь заветным строкам дать
Плачу кровавым жертвоприношением
За рифмы, что уже готовы стать
Кому-то долгожданным утешеньем.

* * *

Я усну, я, конечно, усну.
Не зимой, а в спящем июле
Я вернусь в золотую страну,
Где меня в первый раз обманули.

И от «ныне» до «позавчера»
Столбовая дорога – долга ли?
Соловьями звенят вечера,
Где меня в первый раз оболгали.

Заплатив подорожную* сну,
Побреду в перламутровой пыли
В ту святую, земную весну,
Где меня в первый раз полюбили.

Малиновый триптих

Без надёжной пристани, без крова,
В том краю берёзовом живу,
Где сосцы малиновой коровы
Рдеют на рассвете сквозь листву.
Надышавшись спелыми стогами,
Своего дождавшись корабля,
Я босыми прорасту ногами
Прямо в васильковые поля.
Никому ни в чём не подражая
На просторах матери-земли
Колосятся спелым урожаем
Золотые волосы мои...

Я люблю разговоры – длинные
И на реку глядеть – с моста.
За столом чаепития чинные.
А малину люблю – с куста.
Помидоры, созревшие в валенке,
И смолу – на вишнёвых стволах.
Как же здорово снова быть маленькой!
В том краю, где не водится страх!
И во снах я, скучая по городу,
Где остались мои праотцы,
Куст колючий отчаянно дёргаю
За малиновые сосцы...

Я всегда была личностью спорною,
Ведь не Сара и я – не Рахиль!
Не укроет меня, непокорную,
Палестины горячая пыль.
Мне б прийти к послушанию редкому,
Чтоб сказали: «Святая жена»!
Только жить по завету – по Ветхому –
Призывают меня времена.
Остаюсь единицей мятежною.
Видно, мудрость не кратна годам.
И не смоем деяния грешные
Не увиденный мной Иордан.
Откровения нет в моём имени,
Гласа вещей трубы – не боюсь.
Знать, вскормила малиновым выменем
И меня непокорная Русь!

Песня боевого коня

Мы летим голова к голове.
Губы нежные рвут трензелями.
Мимо нас – перелески с полями
Серой лентой по грязной земле.

Гулкий ропот тяжёлых копыт
В голове отзывается эхом.
Как же трудно сейчас человекам
Доскакать до весны!

Застят шоры просторы степные,
Мы тенями уходим во мрак.
Может, вовсе уже не живыми
Нас предчувствует враг?

На примятом седом ковыле
Остаются лохмотьями пены
Не пропетые нами катрены
О счастливой весне.

Вслед канатами вьётся судьба,
Уплотняется ткань мироздания.
Пусть простые о жизни желанья
Превратятся в хлеба!

Пусть девчонки ромашки вплетут
Жарким днём в золотые колосья,
Пусть устанут от зноя окося
И грозу переждут.

Пусть гадают на белых ромашках,
Не забудут про лютик и сныть...
...Как же нам не по-божески тяжко
В ожидании весны!

✱ ✱ ✱

Ах, какой он был пряный и сладкий,
Первых чувств восхитительный блеф!
Жизнь промчалась. Но помнят лопатки
Среднерусской берёзы рельеф.

Здесь любовь раздавала причастье...
Но давно разнотравьем порос
Островок абсолютного счастья
Среди плачущих белых берёз.

Планы добрые, ставшие прахом,
Блеск холодных далёких светил...
Кто бы знал, по каким буеракам
Хитрый леший меня поводил!

Забираясь в болота и чащи,
Потеряв путеводную нить,
Так хотелось мне стать настоящей
И лопатками жизнь ощутить!

Мокрые аллеи опустели

Мокрые аллеи опустели.
Я иду по лужам не спеша.
Интересно, сколько в этом теле
Проживёт ещё моя душа?

Наблюдает равнодушный мистик
Перелётных птиц прощальный гвалт.
Мёрзнет одинокий жёлтый листик,
Пятёрней вцепившийся в асфальт.

Что теперь ему речей помпезность,
Восхвалявших рыжую листву?
Страшно отправляться в неизвестность,
Присоединившись к большинству...

* * *

Осень вновь собирается в гости.
И придёт она, щедро даря
Рыжий набрызг рябиновой грозди
На размоченный холст сентября.

Вы не трусьте, дубы и осинки!
Вам она наведёт марафет!
На грядущей большой вечеринке
Будет ярким подаренный цвет!

А потом, не стесняясь, разденет.
Такова у деревьев судьба!
Но для собранных лиственных денег
Вряд ли есть у неё короба.

Кружат в золоте листьев чаинки,
В них теряется солнечный свет.
Невесомы, летят паутинки -
От ушедшего лета привет.

Пень трухлявый в тенистой ложбинке
Облепила опяток гурьба...
Я иду по осенней тропинке,
Паутинки снимая со лба.

* * *

В дни, когда фиолетье теней
Собирает прохладу в корзину,
Нас бросает из осени в зиму,
Где печальные звуки слышней.

Здесь стремительно и незаметно
Пролетают похожие дни.
И среди сожалений несметных
Мы с тобой остаёмся одни.

И нелёгкая эта дорога
Всё же дарит нам прочную связь,
Где мы можем сказать: «Слава богу!»,
Друг за друга в тумане держась.

* * *

Тонут в зелени крыши двускатные.
В летнем мареве полдень притих.
И летит в небеса необъятные
Духовитый черёмух разлив.

Речут воды рассказы проточные,
Затихая «на нет» в камышах.
Берега ивнякам оторочены,
Словно нежится речка в мехах.

И качает прохладную влагу
Листьев ивы тяжёлый навес.
Похваляя себя за отвагу,
Водяной под корягой воскрес.

Солнцелик простодушной ромашки
Засветился в родной стороне...
Вот опять мураши и мурашки
Табунком пробежали по мне...

Нытикам

Пломбирный шарик в хрустале,
Как время, тает,
Но день рождается в окне –
Уже светает.

И снова он с собой несёт
Букет сомнений.
И вряд ли чья-то жизнь пройдёт
Без сожалений.

И чьё-то хмурое лицо
Опять скривится,
И кто-то скажет:
«Лучше б мне и не родиться!»

И будет спорить сам с собой
И с жарким летом.
Очнись! Ведь ты УЖЕ живёшь
На свете этом!

Ты можешь РАДОСТЬ умножать
И делать ДЕЛО,
Незаменимым можешь стать
И стать умелым.

И волен сам ты выбирать
Меж тьмой и раем!
Мы только Родину и Мать
Не выбираем.

* * *

Если грянут последние трубы,
Я уйду. Помолясь. Не скорбя.
Облизну пересохшие губы.
Им теперь целовать – не тебя.

Из могучего мрачного Стикса
Утолится ли жажда моя?
Я – бездонный колодец. Я – Птица.
И прекрасный мотив – тоже я.

Весенняя литургия

Запоздалые вьюги-шаманки
Все тропинки в лесах замели,
Но проталинок первые ранки
Появились на теле Земли.

Стоголосый хорал птичьих песен
Безрассудно врывается в мир,
Разливаясь по сёлам и весям
Долгожданней, чем Баха клавиш!

И застирана леса рубаха
Пред сезоном, меняющим цвет.
Прогнозируя «чувства с размахом»,
Каждый суслик сегодня – поэт!

Шум ветвей – птичьи гнёзда пророчит
И пернатых, рождённых летать...
Лик земли по весне мироточит,
Расточая вокруг благодать.

Сердце России

Песня

Воронеж и Липецк, Тамбов и Подольск,
Вы стали мне ближе Москвы.
Я в Лысые горы поехать готов,
Чему удивляетесь Вы?

Усталый с дороги, спешу вас обнять,
Увидеть любимые лица.
И ваши улыбки – бальзам для меня,
Так дайте же и насладиться!

Припев:

*Что так тянет сюда?
Кто ответит? Бог весть!
Только сердце России
Для меня бьётся здесь!*

Польётся вино развесёлой рекой
Искристы и радостны тосты.
Печали, проблемы смахнёт как рукой,
В душе всё спокойно и просто.

Гитара по кругу, и песни всю ночь,
И нам нипочём непогода.
И дело не в том, что в крови есть вино.
Здесь люди особой породы!

Припев:

*Что так тянет сюда?
Кто ответит? Бог весть!
Только сердце России
Для меня бьётся здесь!*

Беликий талант – среди пошлости дней,
В неласковом, пасмурном веке -
Остаться людьми. А это, по мне,
Есть лучшее в человеке.

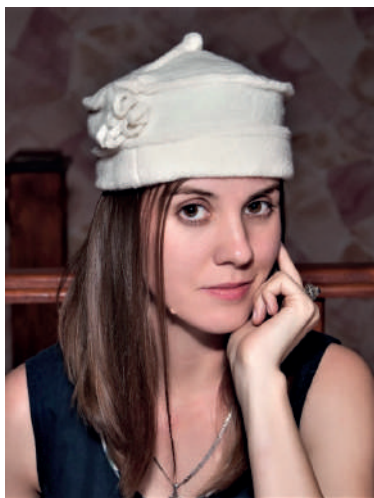
Воронеж и Липецк, Тамбов и Подольск,
Вы стали мне ближе Москвы.
Я в Лысые горы поехать готов,
Чему удивляетесь Вы?

Что так тянет сюда?
Кто ответит? Бог весть!
Только сердце России
Для меня бьётся здесь!

Припев:

*Что так тянет сюда?
Кто ответит? Бог весть!
Только сердце России
Для меня бьётся здесь!*

Наталия ДЖУРОВИЧ

Плоть от плоти и свой за своих...

Стихи

* * *

Стопку – позже, спешу к рукомойнику,
Я в колхозной экзотике – бог.
Но скрипит рукомойник патронником –
Ты и сам не заметить не мог.

В этот отпуск, с подсобницей-тросточкой
Прилетел ты, как блок новостей.
Я по хрусту несросшейся косточки
Узнаю самых важных гостей.

Перешитый и пересобранный,
Плоть от плоти и свой за своих...
Ни в одном не находятся соннике
Объяснения криков ночных.

* * *

На ладонях донниковый запах,
Будет нам зимой душистый чай.
Те цветы – как жёлтые жирафы
С озера таинственного Чад.

Девяносто первый, «Просвещение»,
На форзаце – цифры номерка.
Веришь ли, спасла я от сожженья,
– Боже! – Гумилёва из ДК.

Года три растёт трава у входа.
Да, библиотека не нужна
Трудовому сельскому народу –
Вырыть бы картошку до дождя!..

Мне же повезло, и как ромашки,
Ставлю книги в комнате своей.
Пахнет мёдом донник в старой чашке,
И бредёт жираф среди полей.

* * *

Новая Земля сверкнёт узорно,
Брат наш и её преодолеет.
Ледокол «Сибирь» идёт упорно,
Ставя флаг во льдах Гипербореи.

Фляга с водкой, лёд архипелага
Отогреет, и без полумер
Вспомним и помянем жертв ГУЛАГа,
Будь то поп, поэт ли, офицер.

Обновленцы или староверы,
Воин и подвижник имярек.
Каждый первый мученик и верно
Богом незабытый человек.

* * *

Вокруг вода чубарой масти –
Знак мученической породы.
От прошлых и денных напастей
Как в госпитале пахнет йодом.

– Ты выплыл, я тебя не брошу.
Мой плавунец как боль велик,
Он соль впитал древесной кожей,
Ко мне спешивший напрямик.

Набили сумки гости шустро
Магнитами и леденцами,
Вареньем и морской капустой,
А я, дурёха, плавунцами...

Так пишет жизнь неизлечимый,
Востребованный мной, сценарий.
Едва на волнах различимы
Цепочки бурых ламинарий.

* * *

На рыжей скамейке любимого паба
Подруга, румяней камчатского краба.
Ей хочется моря, ей год снился парус.
Она ненавидит родной Петропавловск.
В обличие моря, влюблённости, брака,
Подруга, румяней и краба, и рака,
Бурчит, что мешает летать пандемия,
Что санкции рейсы закрыли прямые,
Что в «отпуск нормальный» давно ей пора.
– Маринка – дурында, а крабам – ура!

Давай лучше выпьем, бутылку открой.
Гори всё и красной, и чёрной икрой!

* * *

В родильном доме в ряд лежат кульки,
А дома ждут кровати, распашонки,
Добротные, от брата, ходунки
И песенка про умного мышонка.

«Сынок» – твой самый первый позывной.
Ты – как солдатик – позвонки прямые...
Всё это было как вчера – давно,
Теперь в ходу другие позывные.

Летела из далёко-далека,
Вальдшнеповские выучив повадки,
В надёжный дом перенесла сына –
В гнездовие родительской кровати.

Мой рост стал ниже, и спина болит,
Но я – твоё крыло, и это важно.
Кулёчек счастья, боли и земли,
Родной земли, меня родившей дважды.

* * *

Я болею тобой,
Как ребёнок – ангиной.
Я болею тобой,
Как снегирь болеет рябиной.
Болею тобой,
Отчаянно, тайно,
Как снег – измерением,
Арктика – таянием.
Я болею тобой,
Молчаливо, смело,
Как алое – болью,
Как грудь – расстрелом.
Не стремлюсь, нет,
Превращаться в призрачное.
Я уже не стремлюсь
Вылечиться.

Сарни-Най

Сорняки буду драть до гроба,
В моём роду – так надо.
Сына кровного – ласковая утроба,
Не твоя – золотая баба.
Тобой утерянная Сарни-Най –
Хочешь – вспомни, хочешь – не вспоминай.
Ты, пожалуй, просто дурак.
За сорняком выдираю сорняк.
Красивая борозда за мной.
Руки ломают на пару с дурой-спиной.
А мне хорошо, от того что так:
Золотая баба. И ты – дурак.

Елена ЧИСТЯКОВА

Ведьмак Сафрон Михеич

Фольклорное повествование

*Ведьмак – ведун, не ведьмин друг,
Он может излечить недуг.*

Летним жарким днём светает рано, темнеет поздно, а в избе у Сиротиных постоянный полумрак. Изба старая, кособокая, с прогнившей, «ржавой» соломой на крыше, с подслеповатыми, мутными оконцами и провисшей на старых петлях, рыпающей дверью. Всё пришло в упадок. А ведь когда-то здесь жили Счастье, Радость и Любовь, но теперь всё в прошлом.

Отец семейства, Захар Сиротин, призван на войну за Царя и Отечество. От него давненько ни слуху, ни духу. За почти три года его отсутствия жена его, Марфа измучилась, исстрадалась вконец одна с тремя детьми. А вскоре, от дифтерии, один за другим померли её двое малюток, Прохор и Настёна. Марфа, видимо от душевного надрыва, переживаний и трудов, сама заболела чахоткой. Жили они теперь вдвоём с доченькой Лизонькой, девочкой тринадцати лет, умницей и помощницей.

Этим летом, 1916 года, Сиротины особенно сильно нуждались, бедствовали. Марфа окончательно слегла, Лизонька одна управлялась по хозяйству, в избе и огороде. А как же, без огорода им не прожить. Весной, надрывно кашляя, мать всё же вышла и посеяла репу да редьку на неудобье, в низинке, капусту посадила, моркву да чёсанный лук, как в ту пору называли чеснок, да и сам лук, конечно, ну и другую огородину, короче говоря – того-сего. Без этого никак. Во все времена деревня с огорода жила, это большое подспорье для пропитания. К тому ж у Сиротиных ни коровы, ни тёлочки, ни свинки. Имелось две козы да пяток кур. Вот и всё богатство. Лизонька пасла тех коз и поила мать молоком, для чахоточных больных, как народ сказывал, дюже полезное то молоко, козьё.

Но Марфе лучше не становилось, она уж и не вставала с полатей, если только по нужде и то, держась за стеночку, бочком-бочком до ведра.

На помощь Лизе, всегда заплаканной, с постоянно красными от слёз глазами, пришла двоюродная сестра матери тётка Паня, живущая от Сиротиных не далеко, в одном порядке, через три избы. Она подменяла Лизоньку, когда той приходилось отлучаться по делам. Сидела возле больной, смачивала её пересохшие от жара губы водичкой.

Вот как-то, поманив Лизоньку в сени, тётка Паня зашептала:

– Ты вота чаво Лизавета, ступай-ка завтра к Ведьмаку, Сафрону Михеичу, можить чаво присоветваить. Поди скажить встанить ли мать-та, аль нет уж. Возвярнёца ль тятенька твой, аль сложил головушку уж иде. – Она всхлипнула и, утерев нос передником, добавила с надеждой в голосе. – Можить дасть пизурёк какой-никакой настойки, аль травку Марфе-та.

Из-за пазухи достала Паня скрученную ассигнацию:

– На вота, у мамки твоёй взяла, отдашь Ведьмаку, – и строго добавила, – гляди-и-и, девка, с поклоном, с почтением, Сафрон Михеич любить штоб тах-та, – хмыкнула грустно, – деньгу тож полюбляить, чаво уж.

– Ой, – пискнула Лизонька, – не посылай мене тётенька, дюжа страшуся я дороги, а уж от Ведьмаков да Колдунов млею прям! Страстя такие!

– Ты здесь Лизавета не кочавряжси,* давай! Гляди-кась, перечить мене, – грозно глянула на девочку тётка Паня, – сходишь, никуды не денисси, поди. Волки тебе не утащут, – и немного смягчившись добавила назидательно, – как выйдишь за дярвеню нашу, враз повяртай на тропочку за крайней избою и по ней прям чаши* до лесу. Тама, у леса, тропочка враз оборвёца, да всё же знак-та будить – красной лоскуток на ветке. Вота по етим приметкам и ступай. Вскорости выйдишь на полянку, тама яво изба стоять. Сама дверя не отчиняй,* в окошку не стучай, гляди! Сафрон Михеич етава не любить, вота уж чаво у яво не отнять – дюжа, дюжа дошлай.* Встань наспроть* избы и жди, покуда сам не выйдить к тебе.

– А чаво ж забралси в глушь-та, не враз найдёшь яво?– тихо спросила Лиза.

– Стало быть так надоть, от людей глупомордых да злющих подале штоба быть, – объяснила так тётка Паня, – завтра из утря прям и ступай, по холодку. Да лапти напяль* с онучами, *ноги-та пожаливать надоть, – закончив наставления свои, тётка Паня грустно выдохнула, – мамки-та ничё не сказвай, ни к чаму ей и знать-та, – и юркнула в дверь.

С Лизонькой случился столбняк! Она несколько минут стояла как вкопанная, приходя в себя от такого задания. Вся её душа протестовала против похода к Ведьмаку. Она, кажется, закричала бы что есть сил, в голос:

– Не хо-чу-у-у! – да поручение очень важное, речь о здоровье мамани, да, может быть, новости о тятеньки будут. Девочка горько выдохнула и решила для себя:

– Куды ж денисси, надоть итить.

Эту ночь она почти не спала. Пару раз поднималась, подходила к матери, давала испить водички, гладила по худым, сухим, точно ветки старого дерева, рукам, утирала лицо мокрой, прохладной тряпицею. В груди у Марфы гудел, играл, хрюкал и скрипел мерзкий оркестр, звуки его раздавались на разные лады. Глаза женщины лихорадочно блестели, в них отражались отблески огонька лампадки у образов. Марфа поднимала вверх свои беспокойные руки, пытаясь что-то сказать Лизоньке, хватала её за пальцы, но только хрип, свист и клёкот слышались из широко раскрытого рта. Тени, копящиеся по углам, страшными чудищами, повторяя движения рук болящей, метались, кидались по стенам, пугая девочку.

Видимо понимая, что сказать заветное дочери не сможет, Марфа притихала, погружаясь то ли в сон, то ли в бессознательную дрёму. Бедная, бедная душа!

Девочка поднялась чуть стало светать. Тихо, на цыпочках подошла к маме, но та, наверное, спала, измаявшись за ночь, и Лиза не стала её беспокоить, к тому же не знала, что и сказать. На завалинку возле избы присела, намотала онучи, надела лапти и обмотала ноги лыковыми поворозами.*

Повязав косыночку, вздохнула, перекрестилась с молитвою и пустилась в путь для благого дела.

Без приключений миновав деревню, выйдя к крайней избе на отшибе, Лиза облегчённо вздохнула:

– Как ладно всё вышло! Никто и видал мене, коров в стадо не выгоняли пока што, пастух не встенулси.

Она повернула на тропинку и направилась по ней к темнеющему вдали густому, плотно стоящему лесу.

А вокруг – лепота-а-а! Зудят на разные голоса насекомые, посвистывают и щебечет луговая птичья братия. Всё живое гономом и колготой* встречает новый летний день. На душе девочки тревожно, беспокойно, что-то ей уготовил этот день? Надежду или горькое разочарование? А вот и лес! Стоит сплотившись, будто хочет сказать:

– Не велено пущать! Давай убирайси по добру, по здорову!

Тропинка оборвалась у самой кромки леса. Лиза, решительно раздвинув колючие хвойные лапы, шагнула в неведомое. Присмотрелась в полумраке, увидела красный лоскуток, тряпицу и решительно стала пробираться вперёд. Вот ещё один, и ещё! Идя по подсказкам, она неожиданно для себя вышла на большую поляну. Вот они, владения Ведьмака! Как-то он встретит Лизу?

– Я не испугаюсь, не забоюсь, – шептала себе девочка, – пущай хуть с копытАми будить, хуть с рогами, аль с козлиной бородою да хвостом!

Огляделась. Поляна на удивление чистая, трава выкошена и сложена в небольшой стожок с воткнутым в него стожаром. Разглядела вдалеке Лиза небольшой огородик, огороженный слегами.* Там подсолнухи с большими, тяжёлыми, набитыми семечками, решётками, вальжно развалившиеся кочаны капусты, пушистые опахала морковной зелени, огромные оранжевые тыквы. Изба Ведьмака бревенчатая, под тесовой крышей. Завалинка, маленькое оконце, крепкая, невысокая дверь с плоским камнем, будто приступочком, перед нею. В сторонке

хлев да овин, точно огромная корзина для грибов, плетёный из ивовых прутьев и крытый, умело обрезанным по краю, камышом.

Ничто не испугало Лизоньку, даже понравилось. Однако образ получеловека, полукозла стоял перед глазами, хоть плач! Как научила тётка Паня, Лиза подошла поближе и, встав напротив двери, принялась ждать.

Не сразу, конечно, но заметил её Ведьмак. Дверь с протяжным скрипом медленно отворилась, и показалась склонённая, косматая голова, широкие плечи, через порог шагнула большая нога в серой онуче и лапте.

– Слава Богу, без копыт, – промелькнуло в голове Лизы.

Когда Ведьмак вышел и распрямился, то пред Лизой предстал огромного роста мужик, чисто одетый, но уж очень кудлатый, нечёсанный. Да это-то пустяк! Главное без рогов и хвоста!

– Доброго Вам здоровычка, Сафрон Михеич! – пролепетала с низким поклоном девочка.

– Ну-у-у, и чаво надоть, – трубным гласом спросил Ведьмак, – накой здесь?

– За помощью, дяденька! Мамка помираить, можа, каки-та капельки дашь ей. Выжить ли, болезная? Встанить ли? Коль в домовинку лягить, мене тож смертушка будить, сирота я стану, одна-одинёшенька! Тётка Паня сказвала, што ты многонько средствов ведаишь, хворый народ пользуишь.*

– Вот ж бабы, – хмыкнул Ведьмак, – «длинный язык уму не родич!»! – говоря это, Сафрон Михеич направился к сарайчику, на котором его умелой рукой был привешен глиняный рукомой*, а под ним лохань*.

Поплескав себе водой в лицо, пофыркав, Ведьмак утёрся подолом довольно долгой рубахи, подхваченной под брюхом гашником.* С наслаждением, сразу двумя пятернями, точно большим гребнем, провёз по густым иссиня-чёрным, с сединой, волосам. Теперь его вид был опрятнее, лицо приятнее, но глаза-угольки точно буравчики сверлили Лизу. Они, эти магические глаза Ведьмака, из-под нависших бровей глядели как-то настороженно, испытующе и недобро.

– Ну-у-у, чаво ящё надоть, – усевшись на завалинку, спросил он, бросив искоса взгляд на девочку.

– Сделай милость, дяденька, можа ведаишь про тятеньку мово чаво-та, про Захара Сиротина, на хронте он, поди уж третий годок как. Жив ли рОднай, аль уж нам и не надеяца вовси?

Ведьмак, хлопнув себя ладонями по коленям, поднялся и, уходя в избу, через плечо буркнул:

– Жди здесь!

Дверь захлопнулась, а Лиза осталась стоять, как и до этого стояла. Время тянулось долго-долго! Прошёл час, а Ведьмак всё не появлялся. Между тем солнышко поднялось уж высоко, припекало знатно. Лизонька понимала, что вот-вот рухнет на землю, истомилась вся.

Наконец, не выдержав, она боком-боком подошла тихохонько к рукомой. поплескала уже тёплой водой себе в лицо, смочила губы, а вот пить её, эту воду, не решилась: мало ли что, и опять замерла на месте.

Прошло ещё около часа. Лизонька уж и на одной ножке стояла, и на корточки присаживалась, и садилась в пыль на том же месте. Наконец решилась тихонько подойти к избе и заглянуть в оконце.

Увиденное выбило слезу из глаз девочки, обиженно затряслась нижняя губа! Да как же так можно!

Сафрон Михеич, растянувшись на полатах во весь свой рост, раскрыв рот, гулко храпел и присвистывал носом!

Лиза растерялась, рукавом утёрла слёзы и уж совсем настроилась уйти прочь, когда дверь распахнулась и вышел Ведьмак:

– Та-а-а-к, – потирая глаза, пробормотал он, – ну и чаво здесь?

– Ни-ча-во, – опустив голову тихо, с обидой сказала Лиза, – пойду, пожалуйста! Худо мене!

– Ну будя, будя уж. «Пустая мельница и без ветра мелить». Угомонися, девка. Пойди вона водицы в сенях испей, да скажу тебе кой-чаво.

Лиза послушно пошла и выхлебала целый корец холодной водицы. Полегчало!

– Ты вот чаво, девка, – сказал, опустив голову Ведьмак, – ты к сабе назад не джуча поспешай, ни к чаму ета тебе. Настояев травок тож не дам, позновато уж.

Воспалённой, нагретой на солнце своей головой Лиза не поняла даже, что хотел сказать Ведьмак, однако затревожилась.

– А тятенька? – спросила осторожно.

– Сорок, – резко сказал Сафрон Михеич, – жди сорок дён, после сама всё узнаишь.

Опять непонятно. Из-за пазухи Лизонька достала ассигнацию:

– Вот возьми, дяденька, – она протянула Ведьмаку деньги, но он отвёл её руку со словами:

– Об чём ты-ы, девка-а-а! Табе таперича самой надоть! Ступай, голубка, – неожиданно мягко сказал Ведьмак, – ступай, ступай уж!

Он развернулся резко и быстро скрылся за дверью, Лиза поплелась обратно.

Дома её ждала страшная весть – маманя её, Марфа Сиротина, преставилась!

Она, уже обмытая и обряженная, лежала вытянувшись на лавке с горячей свечой в сложенных на груди руках. В избе, точно чёрные вороны, хлопотали бесшумно чужие, неведомые Лизе люди. Монотонно читала что-то монашка, пахло ладаном и горячим воском.

На вопрос тётки Пани о походе к Ведьмаку Лиза отмахнулась. Кто-то надел на голову девочки чёрный траурный платок. Её посадили на лавку подле покойницы, где Лиза, не сморгнув и не шевельнувшись, просидела до вечера, глядя в одну точку. Две женщины в чёрном, как потом ей объяснили, вдовы-солдатки, взяли Лизу под руки и волоком оттащили на полати к печи, положив там, но прежде сбрызнув лицо измученной сироты святой водой. От этого полегчало, и Лиза провалилась в глубокий сон.

Все последующие за похоронами дни – помины, каждодневные свои походы на кладбище – Лиза помнила смутно. Вот ежели только поездку на телеге за десяток вёрст в церковь, в большое село, на девять дней после кончины матери.

Рассказывали, что её саму, Лизу, в этом храме крестили, но она-то этого не могла помнить.

Теперь же вошла и остолбенела от красоты и благолепия. Храм ей казался сказочным дворцом. Нет! Даже царскими палатами! Чудо, красота непередаваемая, особенно после избушки, в которой жила Лиза. А служба удивительная! Батюшка осанистый, одет вычурно и непонятно, но как служил, как по Лизиной маме читал, как певчие подхватывали и ладно пели! Это было в первый раз в жизни девочки, и это было волшебю.

Вернувшись из поездки в храм, Лиза с головой окунулась в домашние заботы – нужно убирать урожай с огорода. И так время протянули, кое-что перестояло, переросло, перезрело. Надо было позаботиться о «хлебе насущном», ей ведь теперь одной «куковать». Она своим умишком подумала и решила, что на зимнее время отправится в село, найдётся на работу куда-то и каждый день будет ходить в тот чудесный храм и молится за своих родных. А с весны и до осени работать у себя в огороде. Да кому это надо? Прокормится сама со своих заработанных, поди.* Стало быть, огород придётся бросать!

Пришло время поговорить с тёткой Паней. Лиза подробно рассказала о встрече с Ведьмаком Сафроном Михеичем.

– Ты вота чаво, Лизок, ты на яво не серчай. Он такой тольки с виду смурной,* а вообще-та добрай. А просвятления в уму, видения и ответы, тока во снах и приходють к яму. Он спал и получал ответ об твоём деле, да-а-а!

– А-а-а! Вота оно чаво-о-о, – дошло до Лизы, – а я-та обиделася, дурында етакая!

– Ну с маманей упокойницей всё вроде таперича понятна, – в раздумье проговорила тётка Паня, – она, Марфа-та, к той поре уж померла, об чём он табе и поведал и капелькав не дал, к чаму уж! А вота об Захаре, батьке твоём, ничаво не ясна. Прям в толк не приму, об чём он?

– И я тожа, – вздохнула Лиза, – сорок, сорок. Можить на Сороки выясной чаво узнаим?

– Ага-ага! От сорока мучеников севастиийских, поди, об ем весточка придёт, поди, – согласилась тётка Паня, – можа и конец той войне проклятуцкой будить.

– А я к яму сбегаю, враз опосля помин по мамке, отнесу чавой-та помянуть, да и выпрошу потвёрже.

– Во-во, сходи, да и выпроси уж, – выдохнула тётка Паня.

Приблизились поминки и проводы души усопшей Марфы к праотцам. Все дни после похорон Лизонька усердно молилась. Теперь же они с тёткой Паней готовили поминальный стол к вечеру. Позвали кое-кого из соседей, опять монашенку, читать. А как же – сорок дней!

Стол Лиза выскоблила ножом до бела, примостили лавки. Напекли блинов, поставили и сыту в плошке,* кутью из распаренной пшеницы, сдобренной

сушёными ранее и тоже теперь распаренными ягодами, да овсяной кисель с луком зажаренным, да хлёбово* – репню* да шти,* подбелённые молоком, кашу перловую с грибами да капусту натомили в печи, горошницу-«толчёнку» да взвар и белый, мучной квас. Всю эту не хитрую пищу подали по канону, как уж заведено после длительной молитвы, множества поклонов. Полагалось так же душу усопшей проводить на тот свет и махать платочками, прощаясь навсегда.

Когда уж присели к столу и монашка приготовилась прочесть молитву перед трапезой поминальной, дверь открылась, и в избу вошёл, опираясь на костыли, солдат с кудлатой бородой, в потёртой шинелишке и с тощим вещмешком за плечом. Все примолкли, удивлённо привстали с лавок. Солдат сдёрнул с головы шапку и низко поклонился.

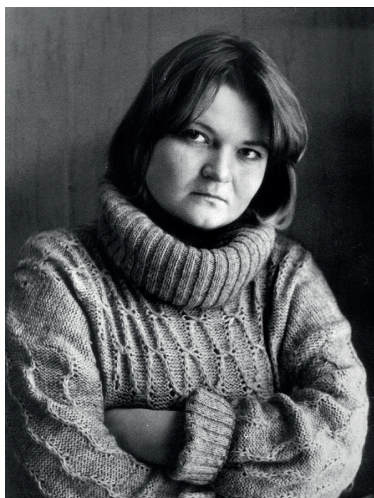
От стола к нему бросилась, заливаясь слезами, повисла на шее, Лизонька:
– Тя-тень-к-а-а-а, рОдненькай мо-о-о-й! Возвярнулси-и-и!

★ ★ ★

Ведьмак – персонаж славянской мифологии. Бывает прирождённый и обученный. У первого нет волос и бороды, усов, но имеется небольшой хвостик. Обученный – ничем не отличается от обычного человека, ну может только скверным, неуживчивым характером, потому и предпочитает жить поодаль от людей. Он может помогать людям: заговаривает болезни, лечит скот, запрещает ведьмам творить зло, защищает людей. У Ведьмака две души – человеческая и демоническая. Во сне душа Ведьмака может выходить из тела. Даже после смерти Ведьмаки не теряют своей силы, сражаются с нечистью, не пускают мертвяков к людям, при этом всегда побеждают. Так гласит древняя славянская мифология. Так это или нет – кто теперь ведает?

Словарь южно-великорусского говора:

Отчиняй – открывай;
наспроть – напротив (чего-то);
онучи – матерчатые обмотки на ноги;
поворозы – завязки;
дошлый – сведущий;
гомон и колгота – шум и суета;
слега – жердь;
народ пользует – лечит;
лохань – деревянное ведро;
гашник – плетёный пояс для мужской рубахи;
смурной – грустный, недоброжелательный, суровый;
сыта – мёд, разбавленный водой, на поминках в сыту макают блин;
взвар – тип компота из распаренных сухих фруктов и ягод;
репня – репные шти, из квашеной репы.

Марина СТРУКОВА

Время перемен. Председатель Тамбовского Губернского исполкома Михаил Дмитриевич Чичканов

Из биографического исследования. Статья

В №30 «Тамбовского альманаха» была опубликована статья о первых решениях Председателя Тамбовского губернского исполкома М.Д. Чичканова в области образования, культуры и социальной поддержки. В новом материале затронуты темы восстаний, репрессий, отделения церкви от государства.

Церковь и тамбовские большевики

Неизвестно, был ли Чичканов атеистом. Он крещён во Введенской церкви г. Тамбова, венчался с женой в Троицкой церкви, эти документы сохранились в Государственном архиве Тамбовской области. По воспоминаниям родственников, он вырос в очень религиозной семье, а его отец Дмитрий Иванович был старостой церкви, которая когда-то стояла на Воздвиженском кладбище.

Советские учреждения Тамбовщины были обязаны выполнять указания Центра, касающиеся отделения Церкви от государства. Положение Церкви на Тамбовщине определяли четыре фактора:

- политика Правительства, которому подчинялся Губисполком;
- политика самого Губисполкома, который мог принимать некоторые решения на местном уровне;
- действия чекистов, которые подчинялись ВЧК и действовали по своему усмотрению, особенно в уездах, далеко от Тамбова;
- поведение самих церковников по отношению к новой власти.

Советская власть изначально воспринимала Церковь как пособницу Са-

модержавия. Но и Церковь сочла большевиков врагами всего святого. Тем не менее, тамбовские большевики старались не задевать чувства верующих.

17 февраля 1918 г. в Тамбове прошёл Крестный ход против Декрета об отделении Церкви от государства. Горсовет, который тогда возглавлял Чичканов, накануне сделал заявление о том, что в связи с провозглашением свободы вероисповедания крестные ходы не запрещаются.

На Тамбовщине в 1918–1919 гг. Губисполком уделял много внимания деликатному отделению Церкви от государства. Об этом говорили на совещаниях и рассуждали в партийной печати. Если в уездах совершали ошибку, Губисполком спешил исправить её.

«Коллегией Кирсановского У.О.У. принято постановление об аресте священника Грибановского и некоторых граждан: первого за то, что хоронил умерших без разрешения Волсовета, а последних – за уклонение от регистрации случаев смерти. Губотдел управления распорядился отменить постановление как незаконное» («Вестник Тамбовского губернского отдела управления» №13-14, 1919 г. Тамбовская эл. библиотека).

Губком, членом которого был Чичканов, также не оставался в стороне. Спасский уездный комитет адресует в Тамбовский Губком такое послание: «Уездный Комитет партии коммунистов/большевиков просит пояснить, имеет ли право коммунист венчаться в церкви при вступлении в брак и правильно ли поступила партия, вынося постановление, запрещающее коммунистам венчаться у попа при вступлении в брак». Резолюция Губкома на документе: «Сообщить, что стыдно Комитету партии выносить такие постановления. Никто не имеет право насиловать волю другого».

У большевиков была сила. У Церкви – влияние на прихожан, и далеко не все священники остались вне политики. Была пара случаев, когда во время восстаний или белоказачьих налётов батюшки обстреливали «красных» из пулемётов с колоколен, так, например, произошло накануне входа Мамантова в Тамбов (ГАКК, ф. Р-1901, о. 1, д. 60). Не раз священнослужители духовно поддерживали восстания в сёлах, например, служили благодарственный молебен, когда из населённого пункта изгоняли советских работников. Но священник, принявший участие в борьбе, из духовного лица превращался в политического противника и должен был осознавать, что к нему отнесутся соответственно.

Некоторые решения Советской власти меня удивили, я не ожидала от большевиков такой лояльности.

М.Д. Чичканов. ГАСПИТО

«Губернский Отдел труда доводит до всеобщего сведения список дней отдыха, установленный Тамбовским Губернским Центральным Советом Профсоюзов и утверждённый Наркоматом Труда.

- 1–2. Рождество Христово, 7–8 января.
- 3. Благовещение, 7 апреля.
- 4–5. Второй и третий день Пасхи (понедельник и вторник).
- 6. Вознесение.
- 7. Духов День (второй день Троицы).
- 8. Преображение, 19 августа.
- 9. Успение, 28 августа.
- 10. Николай угодник, 19 декабря.

Указанные выше дни отдыха оплате не подлежат» («Вестник Тамбовского губернского отдела управления» №9, 1919 г., далее называю его просто «Вестник»).

Порой Губисполком и сам не работал в православные праздники, причём оповещал об этом всю губернию. С заседания под председательством Чичканова. «Постановлено: в двенадцатый праздник 6 августа по старому стилю (Преображение – М.С) работ не производить. Работы в Военном и Продовольственном комиссариате производить в течение 3 часов» («Известия» №136, 1918 г.).

Тамбовский Губисполком неоднократно разрешал шествия как по губернии, так и по Тамбову с Вышинской иконой Божией Матери, о чём сообщал в своём издании. Например: «В Заседании Тамбовского Губисполкома 6-го мая было заслушано ходатайство Тамбовского Епархиального Совета о разрешении хождения Вышинской иконы по сёлам Тамбовской губернии. Губисполком препятствий к приносу Вышинской иконы по желанию верующих в отдельные местности Тамбовской губернии принципиально не встретил, но с тем непременным условием, чтобы шествия религиозного характера при встрече иконы происходили каждый раз с разрешения местной Советской власти» («Вестник» № 15, 1919 г.).

Не только к советским праздникам выдавали дополнительные продукты. «Поручить Президиуму совместно с представителями Продорганов разрешить вопрос о добавочных выдачах продуктов населению к празднику Пасхи. Пшеничную муку, по возможности, выдавать для детей» («Вестник» № 10, 1919 г.).

А вот, для сравнения, что решили при Антонове-Овсеевко, который сменил Чичканова: «27.03.1920. Слушали: Вопрос об увеличенной выдаче продуктов детям к празднику Пасхи. Постановили: Отклонить» (ГАТО Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 28. Л. 717). Чувствуете разницу? В России политику учреждения определяет руководитель.

Если церкви при учреждениях закрывались в рамках Декрета по отделению Церкви от государства, то следует прояснить такой факт – остальные церкви не закрывались, их передавали коллективам прихожан согласно Декрету: «Здания и предметы, предназначенные специально для служебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных сообществ».

А монастыри действительно закрывали во всех регионах под разными предлогами – такова была политика Центра. Молодые монахи должны были уйти в мир и найти работу, пожилым предлагали переселиться в приюты. Хотя по факту в тамбовских монастырях в 1918–1919 гг. продолжали жить насельники, деля территорию с обычными учреждениями, занявшими некоторые здания. «В Тамбовской епархии на 1919 г. в действительности было ликвидировано лишь три обители (Иоанно-Предтеческий Трегуляевский мужской монастырь, Терская Казанская женская община и Казанский Богородичный мужской монастырь), остальные так или иначе продолжали существовать, чаще всего, избрав для себя статус сельскохозяйственной артели или коммуны. Такое положение было экономически выгодно уездным и волостным властям, так как «коммуны» и артели были неплохими производителями» («Тамбовское монашество в годы гонений» О. Лёвин).

Причиной закрытия монастырей, по объяснению тамбовских властей, порой становилось то, что там укрываются контрреволюционные элементы, в частности во время восстания 17–18 июня 1918 года его участники нашли поддержку в Казанском монастыре. Насколько это соответствует реальности, неизвестно.

Конечно, не обошлось без инцидентов. Несколько случаев расстрелов священнослужителей произошло в отдалённых уездах во время восстаний, обычно чекистами, у которых было право расстрелов без суда в такой обстановке, данное Центром.

22 февраля 1919 года произошло вскрытие мощей святого Питирима. Вскрывали, собственно, не их, а раку, в которой они хранились. Цель осмотра – выяснение, действительно ли мощи представляют собой нетленное тело или выглядят иначе? Парработники и пальцем не прикоснулись к раке и мощам. Все действия производили представители Церкви. Акт осмотра опубликован в «Вестнике» №4, 1919 г. и доступен каждому на сайте Тамбовской электронной библиотеки.

На мой взгляд, отделение Церкви от государства хотя и делало её беднее, но в то же время освобождало от обязательств по отношению к правительству – в частности, одобрения и благословения всех его спорных инициатив. Она могла бы сосредоточиться только на духовном, не касаясь политики. Но в обмен на материальные блага постепенно снова стала опорой чиновничьего аппарата, какой и была перед революцией.

История репрессивного приказа

Современные историки и краеведы судят о Чичканове по очень скудному набору документов – буквально несколько приказов, подобранных тенденциозно, чтобы доказать – все большевики были злодеями. Есть в Сети один репрессивный документ, который публикуется с подписью Чичканова. Буквально первые строки этого документа заставили меня усомниться в его авторстве. Потому

что там было безграмотное просторечие «маклаки». Чичканов, хорошо знавший английский язык, конечно, написал бы «маклеры».

Звучит приказ так: «Кулаки, спекулянты, бывшие торговцы, маклаки и городовые поднимают голову, ведут агитацию против Советской власти, тормозят проведение в жизнь декретов, направленных к обслуживанию интересов широких масс рабоче-крестьянского населения. Тамбовский Губернский исполнительный комитет считает необходимым положить конец этой преступной работе кулаков и спекулянтов путём решительного изъятия наиболее злостных врагов Советской власти из среды мирного трудового крестьянства; губернскому отделу управления поручается в самом срочном порядке организовать мобилизацию в тыловое ополчение и заключение в концентрационный лагерь наиболее злостных кулаков и спекулянтов. Одновременно губернскому отделу управления поручается войти в соглашение с соответствующими органами о всемерном использовании мобилизованной сельской буржуазии для заготовки дров и других необходимых общественных работ. Председатель исполкома Чичканов. 17 июня 1919 года».

В ГАСПИТО я нашла протокол собрания, по итогам которого было принято это постановление. Оказывается, 12 июня 1919 года, в Губисполкоме присутствовал Подбельский. Он выступил с гневной речью и предложил: «в виде демонстрации изъять из деревни самых вредных кулаков», «нанести удар по головам».

Чичканов ответил ему: «Трагизм нашего положения в том, что мы не можем провести грань между кулаком и середняком. Положим, мы устраним 5 кулаков, но у нас останется 100 прежних бедняков, наживших состояние новыми способами. Надо оздоравливать губернию иным путём. Надо послать в каждую, по возможности, волость своего представителя не для проведения митингов, как это теперь делается, а для регулярной работы. Изъять кулаков, конечно, нужно, но надо применять и другие меры оздоровления».

Михаил Дмитриевич считал главным средством воздействия на инакомыслящих агитацию, а не репрессии. Он смотрел на происходящее как житель русской глубинки. А кем был Вадим Подбельский? Сыном польского революционера, он не знал и не понимал крестьян. Но статус Наркома равен статусу Министра, резолюция по выступлению Подбельского стала постановлением. (Источник протокола собрания: ГАСПИТО, ф. 840, о. 1, д. 131, л. 53, 53 об, 54). А через два дня чекисты потребовали 100 тысяч на концлагерь.

При Чичканове на Тамбовщине существовал только один лагерь, созданный по приказу из Москвы, так как Ленин приказал в каждом губернском городе открыть лагерь на 300 человек. И тот закрывался на какое-то время, да и столько заключённых там не было. В уездах лагерей тоже не было, что подтверждает информация из «Вестника» (12.09.1919 г.), где сказано, что из-за отсутствия лагерей в уездах арестованных надо направлять в губернский лагерь. Утверждение некоторых публицистов, что тогда в губернии был второй лагерь – в Борисоглебске, неверно: в Воронеже хранится дело борисоглебского концлагеря, даты существования: 16.07.1920 – 14.03.1922.

М.Д. Чичканов в 1919 году. Семейный архив

М.Д. Чичканов. Семейный архив

Губчека и Губисполком

Для начала проясним, как позиционировала себя Губчека относительно других органов управления губернией. Слово Новикову, который возглавлял Тамбовскую Губчека первые полгода.

«В докладе председателя Губернской чрезвычайной комиссии Новикова участников съезда интересовал главным образом такой вопрос: как должны считаться чрезвычайные комиссии – автономными учреждениями или подотделами отделов управления?

Были сделаны заявления, что в уездах чрезвычайные комиссии действуют обособленно и некоторые из них работают не только не в контакте с отделами управления, но в отношении последних держат себя начальственно, признавая за собою чуть ли не верховные права.

Товарищ Новиков разъяснил, что чрезвычайные комиссии составляют часть отделов управления. И автономны только в вопросах борьбы с контрреволюцией, по которым все указания получает непосредственно из Центра», («Известия Тамбовского Совета». 16.10.1918).

Таким образом, Губчека не зависела от Губисполкома в главном – в своих репрессивных действиях.

Отношения этих организаций были сложными. Губисполком пытался контролировать Губчека.

1. На заседании Губисполкома 6 июля 1918 года поднимают вопрос о правомерности действий ЧК в борьбе с контрреволюцией. Оказывается, в тюрьме ЧК накануне, в ночь с 4 на 5 июля расстреляли 11 участников мятежа 17–19 июня 1918 г. Но это для тамбовских руководителей не обыденное событие, а нечто из ряда вон выходящее. Всё только начиналось, и большинство не предполагало, чем обернется борьба с контрреволюцией. Васильев предлагает забрать у ЧК дела оставшихся мятежников и передать в Трибунал, на объективность которого, надо думать, он полагался.

Кстати, в те же дни Чичканов лично спас двух офицеров из заключения по просьбе их семьи. Этих офицеров звали Николай и Александр Аносовы (Мемуары Е. Дьяковой «Мы все живём поверх страны, пропавшей без вести»).

2. Протокол заседания Губисполкома от 19 июля 1918 года. Председательствует Чичканов. «Заслушав доклад т. Новикова, председателя ЧК, Губисполком постановил: Смертные приговоры ЧК должны быть утверждены Президиумом Губисполкома и Комитетом партии». Ниже подписи Чичканова и секретаря.

Можно задаться вопросом: зачем Губисполкому и лично Чичканову вникать в такие дела? А чтобы не допустить гибели невинных людей. Но утверждённых приказов я так и не нашла, хотя видела тысячи документов. Видимо, Губчека отстояла свою независимость. И далее в «Известиях» продолжили появляться списки расстрелянных, правда, небольшие. Всего в 1918 году расстреляли около тридцати участников восстания.

3. Протокол заседания от 1 октября 1918 года. Неизвестно, в чём провинились чекисты, но в тот день «Слушали: доклад товарища Чичканова о печальных

событиях, происшедших недавно в ЧК. Постановили: предложить Губкому партии немедленно сделать полную ревизию Чрезвычайной комиссии». Как думаете, чекистам это понравилось?

В тот же день «Слушали: телеграмму наркома внутренних дел Петровского о желательности резолюции исполкома о положении ЧК или как подотдела управления или оставление её в настоящем виде. Постановили: ЧК считать Подотделом Отдела управления».

Каков смысл этого документа? Народный комиссар Внутренних дел Григорий Петровский предоставляет Чичканову возможность подчинить ЧК, сделав её даже не Отделом, а Подотделом Губисполкома. Но в деле расстрелов Губчека всё равно Губисполкому не подчинялась. Поэтому в «Известиях» 20.9.1918 г. было опубликовано следующее: «Президиум Губисполкома не производит приёма посетителей, обращающихся по поводу арестов, производимых ЧК. За всякого рода справками, объяснениями и с ходатайствами об освобождении обращаться исключительно в названную Комиссию. Президиум».

4. 13 октября 1918 года в Губисполком сообщили, что ЧК реквизировало вино и наложило печать на свечной завод. Губисполком постановил: «вино и ключи от завода немедленно сдать в Совнархоз».

5. 19 октября 1918 года в «Известиях» появилась новость: «При Губернской чрезвычайной комиссии открыт магазин конфискованных вещей и продуктов. На покупку имеют право только сотрудники названной комиссии». Таким образом, чекисты могли отбирать у людей именно то, что нравилось, сдавать в собственный магазин и выкупать по льготной цене «для своих». Но Губисполком в тот же день приказал лавку закрыть, товары передать в Совнархоз.

6. Чекисты в 1919 году хотели занять помещения закрытых монастырей под свои тюрьмы, в мае просили Трегудяевский. Но при Чичканове Губисполком им отказал. Однако они заняли помещения, как только бывший Председатель погиб.

7. Про аресты руководителей уездных ЧК и просто начальства (в Шацке, Темникове, Токаревке и т.д.), о чём Чичканов сообщал в назидание остальным, напишу дальше.

8. 1 февраля 1919 года на заседании Губисполкома обсуждали ходатайство Кирсановского Уездного комитета большевиков и Уездного исполкома о сохранении в Кирсановском уезде Чрезвычайной комиссии. Ходатайство Губисполком отклонил. Кирсановскую ЧК закрыли, это могло не понравиться её сотрудникам. Чичканов погиб 14 октября 1919 года именно в Кирсановском уезде.

После Новикова Губчека руководил Иосиф Якимчик, которого советская литература рисовала как достойнейшего человека. Ныне на сайте ГАСПИТО выложены рассекреченные материалы. Например, Председатель Тамбовской уездной ЧК Ян Крумин пишет в Тамбовский Губком: «6-го декабря с.г. (это 1918-й) мне было сообщено, что в Советской гостинице бывшей Рябова в 8-м номере происходит пьянство и кутёж. Прибыв поздно вечером туда, я застал уже дежурного сотрудника Губчрезвычайком с другими тов. внизу в гостинице, вместе с ко-

торыми и пошли в 8-й номер. Там нашли только тов. Янкина, члена Губчрезвычайком, притворяющегося спящим на постели. Других лиц не было. В воздухе ясно чувствовался резкий запах спирта. Внизу около выхода застали пьяного председателя Губчрезвычайкома Якимчика, с которым пошли в 8-й номер. По заявлению товарищей, до нашего появления член Губчрезвычайкома тов. Гриднев бежал даже со стаканом по коридору... Установлен также факт, что пьянство происходило в присутствии девиц лёгкого поведения» (ГАСПИТО, ф-840, о 1, д 66).

От близких Чичканова я слышала: у него с чекистами была вражда. Но ещё до этого разговора сделала аналогичный вывод по документам. Михаил Дмитриевич предъявлял к коммунистам высокие требования, не всем это нравилось.

С корнем вырвать чертополох

Не лучше была обстановка в уездных и волостных органах управления. В сёлах партработники чувствовали себя царьками, по-своему толкуя законы, пока не поймает за руку проверяющий из Тамбова. Чичканов пытался бороться с этой ситуацией. Открывая IV съезд Советов в Тамбове, возмущённо констатировал: «Наблюдались случаи недопустимого действия в уездах губернии некоторых Исполкомов и позорного поведения их членов, например, в Шацке, Усмани, Темникове, где имели место пьянство, мародёрство, насилие над женщинами и терроризация местного населения». Он призывал «раз и навсегда положить конец подобному злу», «качать беспощадно примазавшихся мерзавцев и негодяев».

В феврале 1919 года в журнале «Вестник Тамбовского губернского отдела управления» появляется публикация «К всеобщему сведению»: «Отстранены от Советской работы и заключены в тюрьму члены Коммунистической партии и ответственные работники Шацкого Совдепа: председатель Исполкома Хлыстов, заведующий Медико-санитарным отделом Кабанов, Председатель ЧК Кордончиков, заведующий Пленбежем Борзин, заведующий Подотделом отделения церкви от государства Ефремов и заведующий Отделом управления Алябьев, которые позволили себе открыто и порочно пьянствовать и всю свою деятельность дали основание обвинять их в недобросовестном и преступном отношении к возложенным на них обязанностям. Губернский комитет передаёт их дело в Революционный Трибунал, чтобы оно было расследовано во всех подробностях, чтобы виновные были привлечены к суровой ответственности по законам революционного времени, чтобы карающая рука рабоче-крестьянской справедливости могла с корнем вырвать этот чертополох, выросший в Шацком уезде. Так же будет поступлено со всяким, примазывающимся к Советской власти и Коммунистической партии», далее подписи Председателя Губисполкома Чичканова, Председателя Губкомболя Орловского и двух секретарей.

Также на нары отправляют военкома Самодуровской волости за грубое обращение с новобранцами и председателя волисполкома за пьянство, передают Трибуналу председателя районного ЧК Токарёвки.

Но сколько ни боролись с подобными сотрудниками, появлялись новые.

При таких подчинённых Чичканову приходилось следить за всем сразу, он буквально жил на работе, не оставалось времени на общение с семьёй – женой Марусей и маленькими дочками – Олей и Таней.

Вот, например, вьюжной ночью 30 декабря 1918 г. он даёт телеграмму из Пушкарей о том, чтобы срочно чистили от снежных заносов пути, перечисляет станции – сам проверял железные дороги губернии, чтобы утром прошли поезда.

После него занял пост Антонов-Овсеенко, который не относился к населению так же ответственно, и уже в декабре 1919 г. в снегу застрял эшелон с новобранцами, все замёрзли в чистом поле, рассказывает А. Окнинский в мемуарах «Два года среди крестьян».

Темнота товарищей-крестьян

С весны 1918 г. в сёлах вспыхивали восстания по разным причинам: от объективных – наглость заезжего продотрядника или беспредел местного партработника, до абсурдных – разозлило выступление агитатора или священник был против выдачи метрических книг. Крестьяне не были беззащитными. Солдаты, вернувшиеся с фронта, привезли домой не только опыт, но и много оружия, в том числе пулемёты, которые привычно пускали в дело.

Проблему решали местные гарнизоны, иногда просили помощи у Тамбова или Штаба Южного фронта. ЧК тоже участвовала в подавлении.

Чичканов считал себя гражданской властью, оставляя решение военных вопросов Губвоенкому Г. Шидареву. Однако ему дважды пришлось создавать штабы по подавлению мятежей.

Чем больше я изучаю документы, тем чаще замечаю, что это было не просто стихийное недовольство народа. Его направляли и разжигали эсеры. На Тамбовщине они были популярной партией, но были вытеснены из власти большевиками. В уездах Тамбовщины находилось немало членов эсеровской партии, которые затаились, но в то же время надеялись свести счёты. Порой для вида вступали в компартию, оказывались на руководящих постах в уездах, продолжая ненавидеть власть, чуждую им идеологически. Могли ли эсеры вредить большевикам, саботируя указания из Тамбова и Москвы? Могли. Возможно, полагали, что действуют во благо и возмущённый народ скинет Советскую власть.

Порой недовольство крестьян вызывало то, что сданное ими зерно или овощи гниют, не будучи вовремя доставленными в Петроград или Москву. В документах Губисполкома я встречала упоминания, например, о том, что где-то на путях стоят вагоны с картофелем и капустой, которые вовремя не отправлены в пункт назначения. В Губисполкоме это вызывает негодование, следует указание немедленно решить проблему – но кто виновник?

Насколько много было в рядах самой Советской власти лже-большевиков, говорит факт: когда белоказаки Краснова ненадолго взяли Борисоглебск, а потом оставили его, вместе с ними добровольно ушли более восьмидесяти партработников! Получается, до этого уездом управляли под маской коммунистов их идейные враги.

Вот как говорит об этом Чичканов. Он никогда не винил крестьян, но сетовал на их необразованность: «Надо помнить, что наследие царизма – темнота и невежество – способно свести товарищей крестьян на ложный путь. Своей халатностью и доверчивостью мы во многом сами виноваты. Мы допустили в свои учреждения мерзавцев и негодяев, которые впоследствии при удобном для них случае становились в ряды контрреволюционеров и вместе с белогвардейскими бандами вели борьбу с Советской властью» (Материалы IV Съезда. Тамбовская эл. библиотека).

Достать товары хотя бы из-под земли

Как Председатель Губисполкома Чичканов проводил в жизнь все решения Центра, в том числе непопулярные. Во второй половине мая 1918 г. уполномоченный Наркомпрода Севостьянов и член Тамбовской губернской продовольственной коллегии Тихомиров обратились к Чичканову с предписанием о неукоснительном приведении в исполнение декрета СНК от 13 мая 1918 г. о реквизиции хлеба.

В декрете сказано: «Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твёрдых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток, сверх количества необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным комиссариатом по продовольствию через местные продовольственные органы... В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно».

За хлеб, сданный добровольно, платили по твёрдым ценам. Однако спекулянты могли заплатить больше. В этом корень крестьянского протеста. Крестьян можно понять – урожай для них основной, а зачастую единственный источник дохода.

11 января 1919 года декретом Совета народных комиссаров на всей территории Советской России была введена продовольственная развёрстка.

Для современных авторов реквизиция и продразвёрстка – абсолютное зло. Но в таком случае как выжили бы жители городов, в том числе работники промышленности или интеллигенция, которые должны были бы покупать хлеб у спекулянта втридорога?

Не могу судить о других регионах, но на Тамбовщине Губисполком пытался уравновесить ситуацию, во-первых, тем, что старался поставить деревне нужные промышленные товары: ткани, кровельное железо, гвозди, керосин и т.д. Во-вторых, старались следить за продотрядами и местными партработниками, чтобы не допускали перегибов. Из протокола заседания 17.05.1919. Председательствует Чичканов. «Реквизировать продотрядам дозволяется только хлеб и фураж. Отбирание прочих предметов и продуктов считается грабежом» (ГАСПИТО, ф-840, о. 1, д. 131, л. 41 об).

«В резолюции IV Съезда Советов на Тамбовщине сказано, что нужно достать для деревни товары «хотя бы из-под земли» и дать ей ответственных работников».

Мало того, что Тамбов сам отсылал продукты в другие города, по большей части, в столицу, в губернии побывало наибольшее число продотрядов. «Всего за время с 29 августа прошлого года по 9-е мая наст. года возвратилось с мест назначения 76 продотрядов с общим количеством людей – 4,255. Наибольшее количество возвратившихся было из Тамбовской губ., откуда вернулось 30 отрядов в количестве 2,143 человек». («Известия Московского Совета», 1919, № 113).

Крестьяне начали перегонять запасы зерна на самогон – лишь бы властям не досталось, создавали даже подобие самогонных заводов.

Пишут, что товаров не хватало – по-моему, с товарами был порядок, но не с их распределением. «При Губернском комиссариате продовольствия создан Отдел продуктообмена. Отдел организывает, а частью организовал склады по всей губернии. Предложено к открытию 27 складов в Тамбове, Платоновке (далее перечисление), немедленно работа может быть начата на 10 складах. Товар с этих складов будет выдаваться по зачётной квитанции сельским и потребительским обществам, зачётные же квитанции выдаются частным лицам и сельским обществам при ссыпке ими хлеба на ссыпных пунктах... Товар раздаётся кооперативам и обществам за деньги, но обязательно по предъявлении квитанций» («Известия». Тамбов. 11.10.18 г.).

Сдав хлеб по твёрдой цене, человек мог купить дефицитные тогда промтовары также по твёрдой цене. Но многих не устраивал такой расклад, так как было условие – промтовары распределять поровну между сельчанами, независимо от объёма сданного хлеба. Предположим, богатый сдал много, но промтоваров получит не больше бедного. Уравниловка, против которой восстаёт здравый смысл. Ведь естественно, что сдавший больше хлеба имеет право на большую часть промтоваров – это будет мотивировать людей вырастить хороший урожай. Но в человеке видели часть коллектива, игнорируя индивидуальные запросы. Сдал больше и хочешь больше промтоваров? Это подозрительно, значит, ты богачей и задумал ими спекулировать. Естественно, такую обстановку создавал своими указаниями Центр.

Всему есть мера. Хотя продразвёрстка была необходима – в интересах выживания городского населения, Центр хотел от Тамбова слишком многого, предъявлял чрезмерные требования. Когда Тамбовская власть повысила твёрдые цены, чтобы защитить интересы хлеборобов, Центр приказал отменить это решение: «Комиссариатом продовольствия получена телеграмма о том, что Съезд председателей Уездных Совдепов и комиссаров продовольствия в Тамбове принял постановление о повышении твёрдых цен на хлеб... В случае приведения в исполнение незаконного решения Съезда о повышении цен, все виновные будут привлечены к строжайшей ответственности за нарушение постановлений Советской Власти» («Известия Московского Совета» № 9 1918 г.).

Кого приютил Тамбов?

На Тамбовщине, которая считалась краем «хлеботородным», в 1918–1919 гг. продолжали принимать беженцев и переселенцев. Губисполком постановил «приготовить колонии для детей, имеющих прибыть в непродолжительное время из голодных губерний» (ГАСПИТО, ф-840, о. 1, д. 131, л. 41 об).

Так назывались лагеря отдыха. Они разделялись на летние, куда детей отправляли на время каникул не только из Тамбова, но и из Москвы, и на круглогодичные, где находили приют дети из семей беженцев, не имевших постоянной работы и жилья.

Кроме детей, Москва отправляла на Тамбовщину инвалидов: «В инвалидные дома Тамбовской губернии должны быть в ближайшие дни направлены в санитарных поездах около 1000 человек обеспечиваемых» («Правда», 1919, №148).

Ехали на Тамбовщину люди всех званий и сословий – кто от голода, кто из краёв, затронутых Первой Мировой. Казалось бы, тамбовские власти должны были пытаться избавиться от беженцев, однако предупреждали их, что пока на родину опасно возвращаться («Известия». Тамбов. 06.04.1918). Здесь жили не только украинцы и беларусы; сообщается, что в Тамбове появились беженцы-румыны, им предоставлено помещение («Известия». Тамбов. 17.12.18). В Тамбове открыта столовая для пленных и беженцев («Известия». Тамбов. 14.12.18).

Городской квартирный отдел попросил запретить въезд в Тамбов, поскольку жилья не хватало; Губисполком сделал ему замечание и поручил его работу горисполкому. Тамбовские большевики не закрывали двери перед теми, кому нужна помощь.

Его стиль управления

У каждого руководителя свой стиль управления, приоритеты, критерии выбора сотрудников. Что можно сказать о Чичканове, обобщая его опыт?

На мой взгляд, у него было несколько принципов:

– Централизация. В губернии всё решает Губисполком, который, в свою очередь, не противоречит Центру. Выстраивалась иерархия – от самых мелких чиновников к Председателю Губисполкома, чтобы сделать работу более эффективной. Некоторые партработники в уездах чувствовали себя царьками, которые никому не отчитываются и могут вести себя с гражданами как пожелают. Этому нужно было положить предел. Залог успеха в единстве, организованности, дисциплине, говорил Чичканов.

– Законность. Чем выше должность, тем серьёзнее спрос. Без поблажек для коммунистов. Интересна градация наказаний в документах, подписанных Чичкановым. Для обывателя (если только он не самогонщик и не уголовный тип), оно не строгое, поскольку – человек непросвещённый. Но для партработника или командира – перспективы мрачные, потому что эти люди знали, что делали.

– Справедливость. Благополучие простого человека в приоритете. Привилегии недопустимы. Работа в Губисполкоме при Чичканове была далеко не комфортной, партработники должны были жертвовать своими интересами. Например, когда в марте 1919 года в Тамбове стало заканчиваться топливо, Губисполком запретил отопление советских учреждений. Оставшиеся дрова приказал разделить между больницами, богадельнями, пекарнями. 14 января 1919 г. в Москву отправили отказ от спецпайков для всех отделов Губисполкома: «Слушали: заявление заведующего отделом Труда, что в Губвоенкоме и других отделах происходит выдача продуктов не на общих с остальными трудящимися города основаниях, что вносит смуту в ряды трудящихся, расстройство в работу учреждений и вызывает справедливые нарекания против Советской власти. Постановили: возбудить ходатайство в Центре, чтобы всякие специальные пайки Губвоенкома и прочих были бы отменены» (РГАСПИ, ф. 2, о. 2, д. 25795).

– Открытость. Данные о финансировании – от смет проектов до зарплат – публикуются в прессе. Критика в адрес чиновников – тоже. Запретив оппозиционную прессу, тамбовское руководство сделало собственную прессу достаточно демократичной для обличения не только контрреволюционеров, но и нерадивых партработников. Хотя был случай увольнения редколлегии за статью, которую сочли несправедливой и наносящей ущерб заготовкам продуктов.

– Народолюбие. Главной для Чичканова была забота о населении. Собственно, все проекты Губисполкома сводились к этому. Действия Центра тамбовские большевики старались смягчать, уравнивая продразвёрстку поставками промтоваров и стараясь следить за действиями местных властей, хотя это было сложно и не всегда удавалось на большой территории губернии. Через «Вестник Тамбовского Совета» Губисполком обращался к крестьянам с просьбой сообщать о правонарушениях начальства, убеждал не бояться.

– Приоритетным направлением считалось образование. Самые большие суммы тратились на учебные заведения – до 400 млн. за полугодие (Материалы IV Съезда Советов. Тамбовская эл. библиотека).

Чичканов был прагматичным человеком, у него было шутовское определение «полезные люди» для тех, кто хорошо знал своё дело, даже если это не большевики, а просто лояльные граждане. Команда Губисполкома сформировалась в дни борьбы за Советскую власть, но туда были рады принять новых «полезных людей», профессионалов. Так 12 апреля 1918 года Чичканов назначил Комиссаром народного здоровья Нурэль Гаяна Байтерякова, молодого военврача из Уфы, который создавал советское здравоохранение на Тамбовщине. Чичканов разглядел, что это человек неординарный. Ныне Байтеряков известен как выдающийся хирург и преподаватель, заслуженный врач РСФСР, организатор здравоохранения не только Тамбовщины, но и Башкирии, и ветеран четырёх войн, включая Великую Отечественную.

Для Чичканова много значил, как он говорил, «престиж Советской власти». Это выражалось и в контроле за партработниками, и в том, как он наводил порядок в городе, и в том, что первую годовщину революции отметили с «цар-

ским размахом» (стрельба из пушек; концерты, где играла классическая музыка, пели оперные певцы, выступали три оркестра; состоялись спектакли и карнавал).

Простые тамбовчане называли Чичканова «большевистским губернатором» – так они переосмыслили классический архетип справедливого руководителя, который защищает слабых, карает виновных, действует в интересах народа.

Окончание в следующем номере.

Таша ПУШКИНА

Сквозь кружевную вязь...

Стихи

* * *

В зимнем парке сегодня тишь,
Будто прочих и не бывало.
Не тревожит смешной малыш
Белоснежное покрывало,

Не бредут старички домой,
Обсуждая детей и внуков.
В зимнем парке царит покой
Средь скамей, заметённых вьюгой.

Я тебя приглашу пройтись
Вдоль фонарного караула.
И признаюсь тебе в пути
Как прохожих я обманула –

Я весь вечер просила снег
Мир укрыть полотном безбрежным,
Чтоб с тобой тайком от всех
Побродить по тропинкам снежным.

Февраль

Февралём не насытишься – слишком короток.
Пью вино.
В новостях, что по городу, всё без продыху
Льют одно.

Мол, ни роду, ни племени, а туда же всё —
Недоцарь.
А над крышами серыми столько времени
Хмарь да хмарь.

А над крышами серыми – серым крошевом
Вороньё.
Всё, что в жизни ты знал хорошего –
Всё враньё.

Только белого на один глоток
Забытьём.
Февралём не насытишься – слишком короток.
К чёрту. Пьём.

Почти весна

Баста, мой друг! Устарели карты.
Снова февраль на календарях
Близит весну. Скоро солнце, март и
Вновь позабудем о якорях.

Будем с тобой бороздить планету —
Юные солнечные вожди!
Пусть за окном не хватает света,
Я говорю тебе – просто жди.

Только дождись. И однажды утром
Брызнет весной из-под снежных туч.
Крыши капелью зашепчут сутры.
Выглянет зелень меж снежных куч.

Может, другие и не заметят,
Так же, как раньше, бредя домой.
Мы – золотого рассвета дети —
Видим реальность чуть-чуть иной.

Мы с тобой лишние элементы.
Нам в этом мире давно нет мест.
Нам – собирать стариков легенды,
Гнать в направлении зюйд-зюйд-вест,

Торить дороги, сверять маршруты,
Путь пролагать от звезды к звезде.
Только подумай, ведь это чудо –
Знать обо всём, побывать везде.

С ветром шептаться на горной круче,
Тенью скользить самой кромкой сна...
Как в этом мире быть может скучно?
Баста, мой друг! Просыпайся, почти весна.

* * *

Пахнет весной и немного болью
Треснувших где-то льдин.
Мальчик по буквам слагает волю.
Мальчик теперь один.

Девочка больше его не ищет —
Всё поросло быльём.
В маленьком домике пахнет пищей.
Тестом и миндалём.

В маленьком домике шумно – дети
Делят большой пирог.
А за окошком ласкает ветер
Спины чужих дорог.

Мальчика? Может. Зима не вечна,
Кто бы чего ни врал.
Минуло детство. Забылась встреча.
Кончился и февраль.

Сгинул, растаял, сошёл на нет и...
Что уж там говорить.
Солнце горячей большой монетой
Гонит из сердца стыть.

Топятся льдинки и тает в лужах
Зеркала злого лёд...
...Девочка снова готовит ужин
Мальчику, что придёт...

* * *

Что нам терять, коль минула зима?
Давай терять усталые дома,
Капустный след одежды слишком тёплой.

Вот я иду, и небо смотрит в стёкла.
И рядом ты. И голова легка.
В моей руке прохладная рука.
И март слепит, и сердце вскачь несётся.

Что нам терять и что нам остаётся
Когда вокруг – начало всех начал?
Встречать весну!

Ты мне пообещай,
Что с мартом солнце только лишь начнётся.

* * *

Вы снились мне.
Когда-то далеко.
Быть может, в прошлой жизни или дальше.
Как зыбкий силуэт, туман тончайший,
Вы сотканы божественной рукой.

Вы снились мне.
В каком таком краю
Кого я спас и что такого сделал?
Ведь Вы пришли. Душа оделась в белый.
И вот теперь лишь Вас одну пою.

Вы снились мне.
Как небу снится сад –
Дождём умыт, обласкан летним солнцем.
И вот я Ваш. Весь. До конца, до донца.
До края жизни. До Великих врат.

Вы снились мне.
Как божья благодать
Сошли в мой сон, едва качнув ресницы.
И мне без Вас теперь уже не спится.
И для чего теперь мне засыпать.

Вы снились мне.
И больше мне не спится.

* * *

Мне с Вами дышится легко.
По памяти строка
Ложится ровно на листок.
И не дрожит рука.

И бабочек упрямый рой
Не кружит в животе.
Мне с Вами – ясность и покой,
И сонм глубоких тем.

Другие... что ж, кому – вода,
Кому – лесной пожар.
Я променяю без труда
На хлад Ваш чей-то жар.

И в Вашу твёрдую ладонь
Вложу без лишних дум
Свои стихи и свой огонь.
И мой пытливый ум

В Ваш погружён так глубоко,
Что незачем решать.
Мне с Вами дышится легко.
И хочется дышать.

Сентябрь

Сентябрь подкрался, как ждал в засаде.
Опавшим – в мысли, ветвями – в плечи.
И ведь не жарко, а вот не легче.
Как будто грезится о расплате.

Темнеет рано, светлеет поздно.
Укрыты улицы сонной дымкой.
Всё так прекрасно и так же зыбко.
На сердце темень. На небе звёзды.

А утром кофе, но не в Париже.
Стоят парадом багровым клёны...
Наш мир придуман дурным влюблённым.
И нужен, видимо, лишь таким же.

А что по факту? По факту осень
Над миром жёлтые листья кружит.
На завтра станет никто не нужен.
Тебя на завтра никто не спросит.

* * *

Когда ты приходишь, мне говорят: «Остынь!
Не жаркие страсти осенью правят бал».
И я уступаю. Я выдыхаю синь.
Ту синь, что всё лето он в радужки мне вливал.

Я выдыхаю. Долго смотрю на свет
Сквозь кружевную вязь золотых осин.
Так происходит тысячи тысяч лет,
Тысячи тысяч раз, а исход один:

Снова придёт зима – я сожмусь в комок.
Вновь подниму глаза под весны капель.
Лето придёт – позовёт разудалый бог.
Стану сгорать огнём под его свирель.

Ну а сейчас – золочёным да по плечам.
Листья ли, волосы – кто его разберёт.
Где-то под кожей рифмы твои молчат.
...Осень неслышно рядом со мной идёт...

«Там наша началась дорога, туда нас тянет кровоток...»

К юбилею литературно-творческого объединения «Тропинка»

Стихи

Литературно-творческое объединение «Тропинка» было создано 40 лет назад в Тамбовской областной детской библиотеке. Все эти годы его бессменным руководителем была и остаётся Валентина Тихоновна Дорожкина.

За прошедшее время более тысячи одарённых детей прошли школу «Тропинки». Большинство из них, став взрослыми, окончив школы и даже вузы, продолжают заниматься литературным творчеством. Тридцать авторов имеют по две-три и более собственных книг, много публикаций в периодике, в коллективных сборниках и в столичных журналах. Семь воспитанников «Тропинки» стали членами Союза писателей России. Среди выпускников – семь кандидатов и два доктора наук.

На базе литературного объединения создана областная творческая лаборатория для одарённых детей с филиалами в районах области. «Тропинка» имеет звание Народного коллектива (1994), является лауреатом премий имени Е. А. Боратынского (2002) и В. А. Богданова. По итогам работы с одарёнными детьми выпущены методические пособия: «Учиться искусству слова» в двух частях (Тамбов, 2005), «Основы стихосложения – школьникам» (Москва, 2006).

В 2001 году Нижне-Волжская студия хроникально-документальных фильмов сняла фильм о литературно-творческом объединении – «Эта чудная "Тропинка"».

За вклад в развитие литературы для детей и подготовку творческого читателя В. Дорожкина в 2002 году стала дипломантом Национальной премии имени Л. Н. Толстого.

Члены литературно-творческого объединения «Тропинка» Мария Знобищева, Елена Захарова, Александра Николаева, Ольга Кулькова, Татьяна Мещерякова были участницами третьего Слёта молодых литературных талантов «Дети Солнца» в Москве; участницей пятого Форума «Молодые писатели России» в

На вручении премии имени Героя России А. М. Ерёмченко. Слева направо: Глава Тамбовской области Е.А. Первышов, В. Т. Дорожкина, Первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы седьмого созыва Ю.В. Плужников.

Липках была Мария Знобищева, она же прошла и на восьмом Форуме, став во второй раз обладательницей стипендии этого престижного конкурса. В этом же конкурсе, который проходил также в Липках, участвовала Александра Николаева, автор четырёх стихотворных сборников, которая ещё в мае 2008 года, во время проведения в Тамбовской области Фестиваля «Семейное чтение», получила из рук Сергея Александровича Филатова, руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, сертификат на внеконкурсное участие в восьмом Форуме «Молодые писатели России».

В 2013 году Александра Николаева стала членом Союза писателей России, а в конце 2014 года успешно защитила диссертацию на соискание

учёной степени кандидата исторических наук.

В последние годы члены литературно-творческого объединения «Тропинка» активно публикуются в столичных и региональных журналах, издают собственные книги. В 2008–2009 годах в Тамбове вышли два солидных коллективных сборника стихов молодых: «...И хочется в полёт» и «Увидеть мир по-новому». В последующие годы они издавались регулярно. В настоящее время коллективных сборников с публикациями членов «Тропинки» насчитывается более пятидесяти. Они выходили и выходят не только в Тамбове, но и в Москве.

В 2025 году «Тропинка» стала лауреатом премии имени Героя России, участника СВО, писателя Анатолия Михайловича Ерёмченко (1965–2023).

Предлагаем вашему вниманию подборку стихотворений некоторых выпускников и нынешних воспитанников «Тропинки» из коллективного сборника «Не зарастёт поэзии тропа», вышедшего к юбилею объединения.

Андрей ВАСИЛЬЕВ

* * *

Я помню – в детстве,
в семь лет или восемь,
Я долго покорял велосипед.
Хотел я даже это дело бросить,
Пока отец мне не открыл секрет:
«Велосипед не любит промедленья,
Дави сильнее просто на педаль!
Отбрось подальше страхи и сомненья,
И он умчит тебя послушно вдаль!»

Я помню – он держал меня за спину,
Бежал за мной и говорил: «Гони!»...
И я погнался, и страх меня покинул...
Я навсегда запомнил эти дни.

Теперь я вырос, и отлично знаю:
Движенье – жизнь, а трусость – это вред.
И с благодарностью сейчас я вспоминаю
Слова отца и тот велосипед...

Ольга ШТЫРКИНА

* * *

Полчаса до дневной молитвы.
На базаре – толпа, толпа.
Так бессмысленно деловита,
Так глазаста и так слепа.
В тесной лавке пустынный говор
И рассыпчатый женский смех,
Полушутки и полуссоры,
Полуправда – почти как грех.
За порогом сверкнёт монета
Медным боком в густой пыли.
Там, на площади, минареты,
Будто мачты и корабли.
И азан над толпою льётся
В раскалённую синеву,
Будто тянется прямо к солнцу
Или грезится наяву.

Дмитрий КЛЮЧЕВСКИЙ

Ровесники

Со мной в метро в одном вагоне ехал
Седой старик, худой и очень бледный,
В пальтишке сером, на боку – прореха.
Он продремал до станции последней.

Его года из зрелого мужчины
Отнюдь не сразу в старца обратили,
А у меня уже сейчас в морщинах
Седое сердце, и иссякли силы...

Был этот год длиннее, чем полвека,
И неизвестно, сколько мне осталось...
У молодого с виду человека
Внутри царит непрожитая старость.

Я ничего теперь не жду от мира,
Во мне зима – в любое время года.
Жизнь пролетает электричкой мимо
Пустой платформы, не сбавляя хода.

Я, как и он, устал от жизни этой,
В расцвете лет устал, подумать только!
Она казалась сладкою конфетой,
Но обернулась лишь лимонной долькой.

Я всё смотрел на дремлющего старца,
Он выражал собою боль и муку...
Не верится, но если разобраться,
Выходит, мы ровесники друг другу.

Анастасия СЕРОВА

Моим ученикам

Открыла навигатор. Путь неблизок.
Проложен к точке выбранный маршрут.
Препятствий впереди – на целый список.
Но мы не развернёмся: нас там ждут.
Разведены мосты, тупик, заторы,

Туманы, скользкий путь – мы всё пройдем.
Ведь если сердце с разумом не спорит,
То, значит, мы идём своим путём.

Мой навигатор снова не подводит.
И я иду – вперёд и до конца,
Сжимая крепко детские ладони
Доверивших мне души и сердца.

Светлана РОДИОНОВА

Домой

Нас раскидает по стране
И за её пределы, может.
Мы разны костью, кровью, кожей –
Но одиноки наравне.

Мы затеряемся в морей
И гор названиях мудрёных,
В обрывках межгородней дрёмы,
В течении коротких дней.

И только лишь на выходных,
В свободную от дел минуту,
Из колледжей и институтов
Мы едем в крепость стен родных.

Там наша началась дорога,
Туда нас тянет кровоток,
И ищем мы всегда предлог,
Чтоб там побыть ещё немного,

Чтоб хоть бы раз за много лет
Себя почувствовать свободно
От взрослых дел и взрослых бед,
От споров, ругани и гонок.

И чтоб, родных своих обняв,
Друзей не позабытых встретив,
Исчезнуть в следующих днях
Всех завтрашних десятилетий.

Ольга КУЛЬКОВА

* * *

Уходя, оставьте свет,
Словно в августе над морем,
В час, когда все вещи в сборе,
Но прощаться силы нет...

Уходя, оставьте свет –
Словно луч на белых крыльях,
Охраняющих от бед
В миг предельного бессилья.

Уходя, оставьте свет –
Словно блик на дне колодца.
Оттого так пьётся, пьётся,
Та вода, что слаще нет.

Уходя, оставьте свет
В дорогих сердцах и душах –
Он хранит нежней и лучше
Память самых ярких лет.

Елена ЗАХАРОВА

* * *

Мосты сжигает за собою прошлое,
И лето догорает на кострах.
Но почему нам верится в хорошее
И светится улыбка на устах?

Ведь мы с тобою из другого времени,
Где нет обмана, зависти и лжи.
Тоску и боль мы лечим вдохновением
И понимаем, как прекрасна жизнь.

Не сбудутся тревожные пророчества,
И поутру растает страшный сон.
И мы уйдём из мира одиночества
В мир белых роз и алых парусов.

Елизавета НАЗАРОВА

Закат и волны

Волна, как медуза морская,
На тёплую гальку ложится.
И, медленно берег лаская,
Снова в пучину стремится.

Жемчужные гребни мелькают,
Рассыпанные в бирюзовом.
А волны кружатся, играют,
И взгляд к горизонту прикован.

То мягко сползают по гальке,
То грубо врезаются в берег,
А в небе кружат стаи чаек,
Закатное солнце алеет.

Растаяло, слившись с волнами,
Придав золотистый оттенок.
Сквозь кожу лучами играя,
Теплом вдруг разлилось по венам.

Бай ЯН

* * *

Я – дождь, я – небесная дочка,
а райское спокойствие меня утомило.
Я рада, когда майская гроза
в ветер влюбится,
когда измучится
и по-детски на облака разозлится.

Я – как путешественница умалишённая,
как авантюристка – опасностями пренебрегаю.
Мне весело, что на чужбине попала в одиночество,
и довольна, когда ностальгия сладко тянется.

– Эх, глупая... Зачем к краю чужому
крепко привязываешься?..
– Скиталице – родина одна, а дом – там, где земля...
Дождям не печально –
в слёзы на тюльпанах превратятся...
Мне не грустно – стану каплей в Цне я!

Александра ПОЛОЗОВА

Летний дождь

Вы можете представить? Было страшно:
Сгущались тучи, дождичек рябил,
Но ангел – добрый и надёжный страж мой –
Мне говорил: «Не бойся и беги!»

Пока легко сдувает капли ветер,
Пока рыкает гром, но лишь вдали,
Ты поспешай спокойно, чтоб успеть, и
По дороге Господа хвали.

Я быстро шла, поглядывая в небо,
И точно знала – Ангел мой со мной!
Каким бы скромным мой молебен ни был,
Но я успела забежать домой.

О! Как же хорошо, тепло, уютно!
Но только я вступила на порог,
Как сразу, в туже самую минуту,
Полился дождь, и побежал поток.

От грома чуть подёргивались ставни,
Гроза свою показывала спесь...
А я стояла посредине спальни,
Счастливая, что оказалась здесь.

Ольга ИВАНОВА

Поэзия

Поэзия – страна любви.
Когда приходят вдохновенье
И чувств прекрасных пробужденье, –
Мгновенье это ты лови.

Его приход не пропусти,
Тогда не сможешь не заметить,
Когда начнёт сирень цвести,
И всё изменится на свете.

И ты войдёшь в мир красоты,
На всё посмотришь ты иначе,
Сильнее станешь и богаче,
И сбудутся твои мечты.

Анна ОСИПОВА (КЛЕЩ)

* * *

Вот солнце восходит над берегом,
И небо свинцовое рдеется,
Присяду под высохшим деревом
И буду мечтать и надеяться,

Что скоро весна с нами встретится,
И вновь оживёт всё кругом,
И зазеленеет то деревце,
И лес за прибрежным холмом.

Что птицы воротятся с юга,
И песенки их зазвучат.
Укроется зеленью сад.
И люди полюбят друг друга.

Ольга ТЕРЕХОВА

★ ★ ★

Не нужно писать о грустном,
О вечном писать не надо,
Пока есть с тобою кто-то,
Кто тихо шагает рядом.

Вы, взглядами не касаясь,
На солнце вперёд идёте,
А души в обнимку словно
Застыли в своём полёте.

Вам мира простора мало,
До звёзд достаёте с крыши,
И рады – никто не знает,
Не видит никто, не слышит.

Вы счастье своё храните
От всех любопытных взглядов,
И этому больше жизни
По-детски наивно рады.

Мария ЗНОБИЩЕВА

**«Но лишь божественный глагол
до слуха чуткого коснётся...»**

Зачем поэзия нужна современным людям?

Лекция

Первая четверть блистательного XIX столетия... В светских гостиных звучит музыка, раздаются взволнованные молодые голоса, произносящие поэтические строки. Жив ещё Пушкин, и, кажется, всё новое, упоительное, дарящее надежду, созвучно его имени. Расцвет искусств, «русский ренессанс» (так спустя десятилетия назовут эту эпоху в учебниках истории) россыпью первоцветов озаряет пространство русской культуры. Первая опера, первый балет, открытие первого публичного театра... и литература – много-много литературы.

Однако всё меняется после 1825 года: на когда-то безоблачном фоне, где всё дышало обаянием первых всходов, вдруг возникает тревожное и страшное стихотворение Евгения Баратынского с поражающим воображение заголовком «Последний поэт» (1835). Вот самые известные его строки:

Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.

Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы...

«И не о ней хлопочут поколения...». Не о ней. Интернет-технологии, физика, математика, кибернетика, добыча полезных ископаемых, освоение космоса, создание медицинских препаратов нового поколения и гениальная инженерия... В мире так много научных гипотез, которые срочно необходимо проверить, что на вдумчивое вчитывание в туманные, ускользающие от рационального взгляда пророчества как будто нет времени. Как не согласиться с поэтом спустя почти двести лет?

Какая польза современному человеку в том, чтобы читать и понимать стихи? Может быть, их время навсегда прошло, как миновала эпоха рыцарских турниров, пышных балов, неспешных эпистолярных посланий? Может быть, поэтам нашего времени больше не собрать стадионы поклонников, как было это в 60-е годы XX века? Может быть, «железный путь» времени навсегда закатал под толстый слой непроницаемого цинизма все нежные ростки творчества? Вопросов много, и ответить на них не получится, даже если написать десятки томов исследований.

Однако попытаться необходимо. И начать стоит, пожалуй, с определения поэзии. Пушкин называл её «божественным глаголом», Лермонтов – «огнём небесным», Маяковский – «ездой в неизвестное». А Пастернак говорил о поэзии так:

Это – круто налившийся свист,
Это – щёлканье сдавленных льдинок.
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьёв поединок.
Это – сладкий заглохший горох,
Это – слёзы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и с флейт – Figaro
Низвергается градом на грядку...

Красиво, не правда ли? «Да! Но... почти ничего не понятно», – быть может, возразите вы. А ведь понять очень и очень интересно! Как археологи, по черепку древней амфоры воссоздающие целую историю человека и его эпохи, мы с вами можем воскресить воздух начала XX столетия, интеллектуально насыщенный рисунок отдельно взятой судьбы, и посмотреть, как жили, что чувствовали люди много лет назад, годен ли этот воздух для нас сегодняшних.

Помимо плотной звукописи (о ней будет речь в отдельной лекции), мы чувствуем в двух строфах стихотворения такое интенсивное движение метафор, что хочется зажмуриться и убежать. Например, как соотносятся «заглохший горох» и град Фигаро? Что такое «слёзы вселенной в лопатках»?

Очевидно, что Пастернак извлекает музыку из окружающего пространства, включая вселенную на полную громкость: льдинки не просто тают, а щёлкают, свист становится забористым, «круто налившимся», а стручки гороха («лопатки») так полны музыкой изнутри, что вот-вот взорвутся и будут извергаться «градом на грядку» – в ритме оперы «Женитьба Фигаро», фантазмагорической, озорной, игровой – а почему бы и нет?!

Любопытное открытие совершает поэт и критик Григорий Кружков, предлагающий «увидеть» эту метафору:

«Если мы поглядим на всю эту картину – колышки, ряды верёвочек между ними, ползущие вверх стебли и стручки, – перед нами предстанет то же самое, что и на любой нотной странице: колышки – разделения тактов, верёвочки – нотные линейки, ростки и завитки гороха – *штили* и *флажки* нот, стручки, наполненные горошинами, – аккорды. Посмотрите на любую музыкальную запись, хотя бы на первую страницу си-минорной сонаты Б. Пастернака, и вы увидите грядку с горохом!»

Нет никакого сомнения, что автор «Определения поэзии» – будучи сам музыкантом и композитором – видел это сходство, доходящее до зрительного тождества. Вот откуда взялся горох; кстати, его эпитет «заглохший» в таком случае оборачивается вторым смыслом – «онемевший», ибо ноты – это, конечно, застывшая, немая музыка. Яснее становится и связь горошины со «слезами вселенной», ноты-горошины, неслышимые звуки человеческой музыки.

Вот так мы можем расшифровывать каждую строку, добираясь до сокровенного шифра, безусловно, понятного поэтам прошлого. Тогда чтение превращается в путешествие, опыт, эксперимент, приносящий радость открытий.

Но поэзия – это не только пир мысли, объект и материал анализа. Она и про другое. Она про нас.

Желание проникнуть в тайну поэтического текста рождается из мгновения Встречи, когда отдельная строка, запавшая в память, вдруг становится твоей и ты идёшь по улицам, повторяя мысленно не отпускающие тебя слова. Идти в одиночку со своей печалью, своими вопросами, своими первыми чувствами тяжело, а порой и невыносимо. Хочется спрятаться от сумбура сложных переживаний. Поэзия делает так, что всему находится отголосок, и где-то далеко возникает рифма к нам сегодняшним. Например, задумчивая четырнадцатилетняя девочка открывает стихотворение Анны Ахматовой «Рыбак» и находит в нём... себя:

...Щёки бледны, руки слабы,
Истомлённый взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.
Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Всё сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.

Теперь ей понятно, что с ней происходит, теперь она чувствует, что это нормально, что она не одинока.

А шестнадцатилетний юноша, испытавший первое разочарование, прочтёт, как собственное признание, финальные строчки знаменитого лермонтовского «Я не унижусь пред тобою»:

...Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! – лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!

Когда не хватает слов и от боли замирает дыхание, мы произносим поэтические строки. Когда всё сказано и добавить как будто нечего, мы подводим итог стихами. Когда душа переполнена, как толстовская бутылка, из которой не выпадет ни капли, снова приходит время стихов. Герои рассказа Бунина «Холодная осень» вспоминают в минуты прощания стихотворение Фета. «Какая холодная осень, // Надень свою шаль и капот...» – грустные строчки любимого поэта договаривают за них то, что невозможно выразить обычными словами.

Кто не слышал крылатых строк Блока и Есенина о России? Кто не вспоминал «в минуту жизни трудную» лермонтовский «Утёс» и «Парус»? А можно ли пересчитать девятиклассниц, которые читали «Письмо Татьяны» не просто так, а с затаённой тоской, что одноклассник за последней партой узнает в адресате себя? Поэтические образы стали кровью и плотью нашей культуры, вошли в её молекулярный состав, как сейчас говорят – «разошлись на мемы».

Афористичность поэтической фразы и энергия зафиксированного в ней ощущения делают её оружием дальнего боя. Секрет в том, что в основе поэтического мышления лежит не звук, не число, а образ. Он обобщает и усиливает чувства и впечатления отдельно взятого человека. Воздействие художественного образа на человеческую душу в несколько раз превышает эффект от обычной разговорной фразы. В поисках ярких, необычных, трогательных и прекрасных слов мы и обращаемся к поэзии.

Если спросить у людей старшего поколения, зачем они переписывали любимые стихи в заветную тетрадь, вам наверняка ответят: «для памяти», «потому что понравилось» и «потому что это про меня». Узнавая в любимых строчках себя, мы присваиваем себе не только удачно сформулированные фразы, но и ситуации, эмоции, мысли, описанные автором. Наша душа получает новый опыт.

Сегодня находятся девушки, которые размещают в статусе ту или иную поэтическую строчку для создания определённого образа в социальной сети. Такая страничка привлекает не столько яркой аватаркой, сколько флёром таинственности, внутренней глубины. Возникает ощущение, что с виртуальным собеседником можно поговорить по душам. А ведь это не менее важно, чем правильно подобрать одежду, аксессуары, макияж. Плохо, правда, если цитаты появляются в статусе случайно, чтобы просто произвести выгодное впечатление. Гораздо интереснее знать, что за красивой фразой скрывается неподдельный интерес человека к слову, любовь к жизни.

Получается, поэзия – способ сказать необходимое слово за всех, кто не смеет, не может этого сделать – сказать от лица человека и человечества. Это коллективная исповедь, произносимая устами одного избранного. Его могут назвать «голосом поколения», «музой города», «глашатаем площадей» или даже сравнить с колоколом «на башне вечевой во дни торжеств и битв народных». Когда другие молчат, поэт не имеет права не говорить.

Поэзия выводит нас из состояния немоты. Мы открываем такие слова, каких никогда не слышали бы в обыденной речи: «В пустыне мрачной я *влачил-ся...*», «Я *очи* знал! Ах, эти *очи...*», «Утро дышит у ней на груди, // Ярko пышет на ямках *лани*т...». Пробуя эти слова на вкус, мы будто вырастаем, встаём на цыпочки и хотим почувствовать то далёкое, прекрасное, что за ними стоит. Наша речь становится ярче, ум живее, юмор тоньше. А как меняется лицо человека, читающего стихи наизусть! Какая первозданная красота проявляется в нём!

Итак, поэзия – универсальный язык, объединяющий магов и «маглов». При этом маги (поэты) становятся переводчиками с небесного на земной, с земного на небесный. Эта функция посредничества очень важна одним только тем, что она не спорит с существованием иного – духовного – измерения. Когда мы слышим или читаем хорошие стихи, мы признаём, что есть другой мир: мир наших чувств, переживаний, откровений, и что душа нуждается в нём так же, как тело – в пище.

В «Письмах о добром и прекрасном» Дмитрий Сергеевич Лихачёв сказал: «Искусство освещает и одновременно освящает жизнь человека. ... оно делает его добрее, а следовательно, счастливее». Поэзия, как лёгкая кавалерия литературы, воздействует на душу напрямую, обращаясь к нашему сокровенному личному опыту, объясняет нам наши чувства, учит понимать себя.

Модное сейчас развитие эмоционального интеллекта тоже связано с поэзией. Начиная с детского сада детям читают стихотворения Барто, Маршак, Михалкова и Чуковского. Кто не плакал о мишке, которого уронили на пол, не жалел зайку, оставшегося под дождём, и не сочувствовал Тане, потерявшей мяч, тот не научился понимать окружающих, помогать тем, кому плохо. А в школе дело детских поэтов продолжили классики. Они научили нас дружить («Мой первый друг, мой друг бесценный!...»), признаваться в первых чувствах («Я пришёл к тебе с приветом...»), ценить родное и близкое («Тихая моя родина, // Ивы, река, соловьи...») и отпускать, когда любовь прошла («Я вас любил так искренно, так нежно, // Как дай вам бог любимой быть другим...»).

Возвращаясь к «Последнему поэту» Баратынского, мы должны признать, что поэзия необходима нам как панацея от болезней железного века: эмоциональной холодности, вечной тревожности, выгорания, подмены духовных интересов материальными, разобщённости и равнодушия. Технологический прогресс увёл человека XXI столетия бесконечно далеко от современников Баратынского, а вот произошёл ли прогресс в духовной, нравственной сфере? Сделались ли мы умнее, добрее, лучше? Гоголь говорил, что «Пушкин – это русский человек, каким он явится через двести лет». Но двести лет прошло... Отчего же ни один из пуш-

кинских заветов, озвученных в знаменитом «Памятнике», так и не стал абсолютной ценностью для каждого?

...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Добрые чувства, свобода и милосердие как будто не стали нормой нашей этики и морали. Может быть, в том числе потому, что мы мало или невнимательно читали?

Наконец, поэзия может стать собеседницей. Подключаясь к этой особой подсистеме, мы можем свободно побродить с Мариной Цветаевой по предрассветному Кремлю или испытать светлую пушкинскую печаль «на холмах Грузии», затаить сокровенные чувства вместе с Тютчевым, а потом почувствовать солидарность с рыбами и Бродским. Это ведь тоже своеобразная социальная сеть, в которой все всегда онлайн – стоит только щёлкнуть мышкой по нужной странице.

Итак, поэзия очень нужна нам сегодня. Во-первых, потому, что люди стали разобщёнными и необходимо искать то, что нас объединяет.

Во-вторых, потому, что поэзия – лучшая хранилища всех сокровищ нашего языка, высшая его форма, овладев которой мы можем считать себя не только подлинными носителями, но и творцами культуры слова.

В-третьих, поэзия – это коллективная память. Как «Заблудившийся трамвай» Гумилёва, она несёт нас сквозь времена и эпохи, к тому, что объединяет всех людей, когда-либо живших на Земле.

В-четвёртых, поэзия обязует нас быть искренними, освобождая от всего временного, наносного, ненастоящего. Ах, как это важно во все времена и особенно сейчас!

В-пятых, поэзия разрешает нам чувствовать – свободно, радостно, раскрепощённо. А ведь именно чувство, мудрость сердца делают нас людьми. Можно ли быть счастливыми, ни о чём не печалась, никого не любя, не замечая снежинки, упавшей на рукав прохожего?.. Поэзия – напоминание о том, что жизнь измеряется мгновениями чуда.

Авторы «Тамбовского альманаха»

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», был её главным редактором. Автор книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А. К. Воронского. Почётный гражданин Тамбовской области.

Джурович Наталья Александровна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Жила в Черногории, преподавала курс русского языка для сербов. Постоянный переводчик сайта <http://studenticainfo.rs/> Автор книг «Нескончаемое лето», «Крестоносная Румия/Румија крстоносна», «Двуречие». Публиковалась в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Гостиный двор», «Подъём», «Волга – XXI век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Победитель поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, лауреат конкурса имени Григорьева.

Зайцева Елена Михайловна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Омске. Закончила художественное училище в Бишкеке и Омский технологический институт. По профессии – модельер. Много лет жила в Санкт-Петербурге. Автор четырёх сборников стихотворений: «Перекрёсток стихий» (2012), «Перекрёсток надежд» (2014), «Оставь меня себе на память» (2015), «Визитная карточка поэта» (2023). Публиковала стихи в коллективных сборниках, в журнале «Сфинкс». В 2016 году стала финалисткой VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты без границ».

Зверев Альберт Владимирович – журналист. Родился в 1968 году в Сибири. Отслужил в армии, окончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. В журналистике с 1988 года. Работал редактором газеты «Тамбовские губернские ведомости», заместителем редактора газеты «Тамбовская жизнь», на телевидении. Автор книг: «Очерки тамбовской областной ветеранской организации», «Генерал Виктор Коробцев» и др. Член Союза журналистов России.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове. Окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Нева», «Вопросы литературы», «Крестьяник», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова» при ЦДБ им. С.Я. Маршака г. Тамбова.

Кочуков Сергей Константинович – писатель, историк, краевед, член Союза писателей России. Родился в селе Лысые Горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник. Публиковался в журналах «Подъём», «Гостинный двор», «Пересвет», в «Тамбовском альманахе». Автор трилогии «След веков отшумевших», исторических романов «Полёт белого кречета», «Без вести не пропавшие», «Я завещаю вам рассвет», «На тебя уповаю», «Моя война длиною в три атаки», «Свои чужие берега». Обладатель Гран-при литературного конкурса «Доброе слово». Лауреат премии имени Е.А. Боратынского. Основатель сельского краеведческого музея. Почётный гражданин Тамбовского района.

Краснов Василий Анатольевич – поэт, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1958 г. в Воронежской области. Окончил исторический факультет ТГПИ. Кандидат исторических наук. Преподаватель колледжа г. Жердевки. Публиковался в журналах «Подъём», «Александръ». Автор четырёх сборников стихов: «Алый гром» (1988), «Красное солнышко» (2001), «В сотах памяти» (2018), «Пристальный взгляд» (2023), книг «История села Сукмановка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии» (2018) и «За наградами мы не гнались...» (2020). Победитель конкурса православной лирики «Свет обители» (Псков, 2020); дипломант Первого всероссийского литературного конкурса имени Сергеева-Ценского «Преображение России» (2020).

Кудимова Марина Владимировна – поэт, переводчик, член Союза писателей Москвы. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Автор книг: «Перечень причин» (1982), «Арысь-поле» (1990), «Целый божий день» (2011), «Душа-левша» (2014) и др. Печатается в «Литературной газете», в «Литературной России», в журналах: «Волга», «Столица», «Знамя», «Новый мир», «Наш современник», «Нева». Лауреат многих литературных премий. Председатель жюри литературного конкурса памяти Ильи Тюриня. Произведения Марины Кудимовой переведены на английский, грузинский, датский языки.

Макаров Александр Михайлович – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1946 году в деревне Еремеево Староюрьевского района Тамбовской области. Заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора», «Юность», «Волга», «Наш современник». Лауреат журналов «Подъём» и «Наш Современник». Сборники «Красный мячик», «Излучина», «Светлый час», «Вечная жатва», «Музыка жизни» и другие выходили в Тамбове, Воронеже, в Москве. В конце 2018 года в Тамбове издана книга стихов Александра Макарова «Знаки луны». Лауреат областной премии имени Е. А. Боратынского.

Малкина Маргарита Владимировна – поэт, автор-исполнитель, член Союза писателей России. Родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала корреспондентом, главным редактором. Лауреат международного фестиваля «Время петь» (2008), организатор фестиваля «Поющая Избушка» (2008), член жюри фестивалей: «Мир бардов», «Поющая Пальна», «Данковские зори», «Барды на бис», «Там, под Лысой горой», «Парус надежды» и других. Автор сборников стихов: «Однажды, с чистого листа» (2012), «Очень личное» (2013), книги стихов и эссе «Из записок

Кариатиды» (2025). Награждена грамотами и благодарностями Министерства обороны РФ за концерты перед ранеными военнослужащими.

Мещеряков Юрий Альбертович – писатель, ветеран афганской войны. Секретарь Союза писателей России. Родился в 1962 году в Тамбове. Закончил Омское высшее общевойсковое училище. За участие в боевых действиях награждён орденом «Красной Звезды», др. военными наградами. Автор романов «Панджиер навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах: «Москва», «Наши Современники», «Молодая гвардия», «Подъём», «Север», «Петровский мост», «Северное измерение», «Губернский стиль», «Пересвет», «Памир», в Литературной газете. Обладатель Гран-при литературного конкурса «Доброе слово» (2019). Победитель Международного литературного конкурса им. Плещеева (2021). Лауреат литературного конкурса «Честь имею» (2022). Лауреат литературных премий имени Е.А. Боратынского и «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Пчелинцев Юрий Николаевич – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в с. Сурава Тамбовской области. В 1978 году поступил в Тамбовское высшее авиационно-инженерное училище, после его окончания служил в частях дальней авиации СССР и в органах внутренних дел РФ. Работал на предприятиях Тамбова. Первые публикации состоялись в 2019 году, изданы книги «Ледышки», «Я хочу в апрель», «Хризантемы на белом», «Тайная нить горизонта». Публиковался в журналах «Художественное слово», «Подъём», «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе». Дипломант поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского, Победитель Всероссийского конкурса МВД России «Доброе слово», Победитель Больших Орловских чтений.

Соловьёв Евгений Васильевич (1931-2009) – Заслуженный художник РФ. Родился 15 ноября 1931 года, в д. Круплянки Емельяновского района Московской (ныне Тверской) области. Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (1953-1959), мастерская И.А. Серебряного. С 1959 года проживал в Тамбове. В 1962 г. Вступил в Союз художников РСФСР, автор тематических картин, портретов, работал в жанре пейзажа, натюрморта. Основные произведения: «Лаборантка» 1960, «Ткачихи» 1963, «Минутный перерыв» 1965, «В партизаны» 1968, «Мастер цеха Будаев» 1972, 1975, «Защитник Брестской крепости И. Солдатов» 1986, «Забытый вальс» 1995. Лауреат премии Тамбовской области им. А.М. Герасимова.

Ткач Виктория Юрьевна – поэт, переводчик, член Союза писателей России. Заведующая Домом-музеем В.В. Вересаева, руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза». Автор 13 сборников стихотворений. Произведения публиковались в изданиях Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Люблина (Польша). Составитель сборника-билингвы на русском и польском языках «Поэтическая Тула». Лауреат областной литературной премии им. Л.Н. Толстого, премии «Золотое перо Тулы». Финалист V Всероссийского литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России», других международных и всероссийских конкурсов.

Чеботарёв Сергей Алексеевич – историк, педагог, государственный и общественный деятель. Родился в 1971 г. в Мучкапском районе Тамбовской области. Окончил ТГПИ по специальности «история». Кандидат исторических наук. Победитель регионального конкурса «Учитель года». Начальник управления культуры и архивного дела Тамбовской области (2006–2009), заместитель главы администрации Тамбовской области (2009–2017), глава города Тамбова (2017–2019), в настоящее время – заведующий кафедрой сценических искусств ТГУ им. Г.Р. Державина, доцент. Автор книг «Беспокойные люди. Провинциальные истории не провинциальной религиозной жизни СССР», «Тамбовская епархия 40–60-е гг. XX века», «Храмы Тамбовской епархии». Лауреат Национальной премии «Золотая маска–2014». Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени.

Чистякова Елена Викторовна – прозаик, баснописец, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южнорусского говора. Член Союза писателей России. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современных басен», а также автобиографической повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов издательства «Художественная литература» (Москва). Победитель 1-й Всероссийской премии «Сказитель Руси».

Содержание

ЭПИГРАФ

Василий Краснов. Чернозём. *Стихи* 3

ПРОЗА

Юрий Мещеряков. Течёт Хазара. *Повесть* 13

Сергей Кочуков. Бег белой волчицы. *Исторический роман-фэнтези* 59

Валерий Аршанский. Недобитые. *Повесть. Окончание* 124

Елена Чистякова. Ведьмак Сафрон Михеич. *Фольклорное повествование* 179

ПОЭЗИЯ

Александр Макаров. И вот я стою на ветру. *Стихи* 4

Марина Кудимова. Небесная ткань чиста. *Стихи* 43

Василий Краснов. Любите Родину за так... *Стихи* 48

Юрий Пчелинцев. Летела по небу комета. *Стихи* 110

Виктория Ткач. Есть улицы, похожие на путь. *Стихи* 117

Елена Зайцева. Ночной дождь. *Стихи* 157

Маргарита Малкина. Малиновый триптих. *Стихи* 164

Наталья Джурович. Плоть от плоти и свой за своих. *Стихи* 174

ИСТОРИЯ

Сергей Чеботарёв. Слово на открытии памятника Г.Р. Державину
в Тамбове 27 апреля 2026 года. 55

Марина Струкова. Время перемен. Председатель Тамбовского Губисполкома
Михаил Дмитриевич Чичканов. *Из биографического исследования* 186

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Альберт Зверев. Дядя Ваня – друг Василия Сталина. *Рассказ* 153

НОВЫЕ ЛИЦА

Таша Пушкина. Сквозь кружевную вязь... *Стихи* 201

ЮБИЛЕЙ

«Там наша началась дорога, туда нас тянет кровоток...» К юбилею
литературно-творческого объединения «Тропинка». *Стихи* 207

АЗБУКА ПИСЬМА

Мария Знобищева. «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснётся...»
Зачем поэзия нужна современным людям? *Лекция* 217

ГАЛЕРЕЯ

К юбилею Заслуженного художника России Евгения Васильевича Соловьёва ... 106

АВТОРЫ

Авторы «Тамбовского альманаха» 223

Тамбовский альманах № 31

Литературно-художественное издание
Тамбовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Валерий АРШАНСКИЙ

Сергей БЕРЕЖНОЙ

Юрий БЕРИДЗЕ

Валентина ДОРОЖКИНА

Наталия ЖЕЛТОВА

Мария ЗНОБИЩЕВА

Геннадий ИВАНОВ

Сергей КОЧУКОВ

Татьяна КУРБАТОВА

Елена ЛУКАНКИНА

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Светлана ПЕШКОВА

Людмила ПРОНИНА

Станислав ЧЕРНЯК

Корректор

Ирина ВЕТРОВА

Вёрстка

Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6056605-2-1

Подписано в печать 01.08.2026

Формат 70х100 1/16

Бумага my print. Печать цифровая
гарнитура Minion Pro. Печ. л. 18.53

Тираж 300 экз. Заказ № 62

Студия печати Ксении Поповой

г. Тамбов, ул. Курская, д. 57.

studiapechati@bk.ru

Тел.: + 7 (953) 715-48-36

+ 7 (953) 711-62-04